

Звезда Востока

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Издается с 1932 года

Общественный совет журнала

Мухаммад АЛИ
Баходыр АХМЕДОВ
Анатолий БАУЭР
Владимир ВАСИЛЬЕВ
Анатолий ЕРШОВ
Николай ИЛЬИН
Абдухаким ФАЗИЛОВ
Раим ФАРХАДИ
Лариса ЮСУПОВА

И. о. главного редактора
Сирожиддин РАУФ

Зам. главного редактора
Клавдия ПАНЧЕНКО

Ответственный секретарь
Бахтиёр АЛЛАМУРОД

Редакторы:
Елена ЮРЧЕНКО
Елена ДОЛГОПОЛОВА

Республика Узбекистан
Ташкент

Ризо АХМАД

НИКТО НЕ ЗАБЫТ, НИЧТО НЕ ЗАБЫТО...

НАГРАДА

Рассказ

И вот он, девятнадцатилетний мальчишка, грязный, в испачканной донельзя и порванной шинельке, ведет куда-то такого же, как и он, молоденького и грязного, в таких же лохмотьях немца. Камбар поднимает винтовку – винтовка не поднимается, магазин не передергивается. Они садятся на один большой пень спина к спине и выкуривают одну на двоих горькую самокрукту.

Икром ИСКАНДЕР

переводы

Искал тебя...

Ничто не вечно, знаю точно я.
На этом свете ничего не вечно.
Зачем тогда боюсь разлуки я...
Ищу чего-то в жизни быстротечной?..

Быть может, ты так весела вдали,
А может, ищешь снова новой встречи.
Осушишь слезы терпкие мои,
Положишь руки снова мне на плечи.

ИСФАНДИЯР

возвращение к читателю

ЛЕГЕНДА О МАНКУРТЕ

Драма

Найман-Ана: Я не верю тебе, лже-найман. Я мать, Жоламан – моя плоть и кровь. И какой бы лед ни сковал его разум, его сердце, мое дыхание растопит тот лед, заполнит пустоту, которая образовалась в его душе. Уходи, пока я не прокляла тебя! Уходи и забудь дорогу в мой дом... (*Найман разворачивается и уходит.*)

...Нет, не может такое случиться с моим сыном. О Владыка Неба, как ты позволил превратить моего единственного сына в бездумного раба? В тупого манкурта?

проза

Олег КОТЕНКОВ

ПРОЕКТЫ И ДОСТИЖЕНИЯ

ОХОТНИК ЗА МУЗАМИ

Рассказ

Собрав остатки воли, он принял позу возмущенной, непонятой и обиженной жертвы, оскорбленной и поруганной. Проницательно уставившись на редактора, которому показалось, что из глаз поэта, словно снаряды из артиллерийской пушки, вылетают шаровые молнии, крайне раздраженный Аполлон, ехидно усмехаясь, поинтересовался:

– Это что за спортивный пьедестал в поэзии – золотой, серебряный век, а где же бронзовый?

ПОЭЗИЯ

Анна БУБНОВА

Камешки с теплого пляжа

Уткнувшись в шероховатую шкуру слона, уснуть на песке.

Проснуться, прижавшись к тебе позвоночником,
в комнате с трещинами на потолке.

Стать воплощенным воздухом.

Стать как все

мятостью мака, мягкостью губ,

отпечатавшись в голове

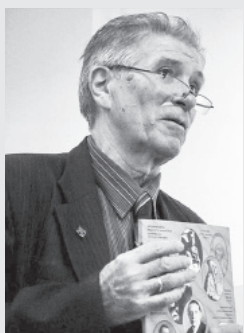
грубостью почерка, искренностью полуночника.

Стать смелей.

караван истории

Борис ГОЛЕНДЕР

СЧАСТЛИВАЯ СУДЬБА КОСТЕЛА

Идея построить католический храм в Ташкенте возникла еще в 1875 году, но дело сдвинулось с места лишь после назначения в 1902 году авторитетного католического священника Юстина Пранайтиса, магистра богословия и профессора древних языков, «куратором ташкентским», то есть официальным представителем Святого Престола в Туркестане.

СОДЕРЖАНИЕ

НИКТО НЕ ЗАБЫТ, НИЧТО НЕ ЗАБЫТО...

Владимир Кудрявцев. Реквием.....	5
Ризо Ахмад. Награда. Рассказ.....	6

ПРОЗА

Марат Байзаков. Зрячий. Рассказ.....	9
Олег Котенков. Проекты и достижения. Рассказы.....	88
Ариадна Васильева. Камень Саидберды. Рассказы.....	102

ПОЭЗИЯ

Людмила Бакирова. И пролетают мысли стаями... ..	11
Анна Бубнова. Камешки с теплого пляжа.....	83
Дамир Худайбердиев. Полынный запах поздней грусти... ..	85
Алексей Кирдянов. Не меркнет звездный след.....	120

ПЕРЕВОДЫ

Менглибой Мурадов. Моя недетская душа. Повесть. Перевод с узбекского Р. Ашрапова.....	14
Икром Искандер. Искал тебя... Перевод с узбекского Л. Юсуповой..	33
Мухаммад Али. Умаршейх Мирза. Книга вторая романа-эпопеи «Амир Темура Великий». Перевод с узбекского М. Али и С. Камиловой.....	35

ПОЗДРАВЛЯЕМ!

Интервью зам. главного редактора журнала «Звезда Востока» Панченко К. с писателем Исфандияром.....	67
--	----

ВОЗВРАЩЕНИЕ К ЧИТАТЕЛЮ

Исфандияр. Легенда о Манкурте. Драма.....	70
Захида Касымова. Чудо длиной в жизнь.....	97

НОВЫЕ ИМЕНА

Виктор Надоленко. Сила простоты. Рассказ.....	122
Луиза Махмудова. Весна случайной не бывает.....	128
Сергей Слонов. Басни.....	130

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ. ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

Анатолий Лиходзиевский. Звезда новой литературы Индии...132	
Азиза Балтабаева. Лирический герой Виктории Осалченко.....137	
Гузаль Эгамбердиева. Русский перевод дастана «Рустамхан»..144	
Кодиржон Носиров. Некоторые реалии из «Бабур-наме».....147	

КАРАВАН ИСТОРИИ

Борис Голендер. Счастливая судьба костела.....	124
Фархад Хамраев. Памятная встреча.....	140

ФИЛОСОФИЯ ИСКУССТВА

Елена Пагиева. Встречи воображаемые и невообразимые.....	135
Аширбай Мамбеткаримов. Полет длиной в сорок лет.....	149
Хроника литературной жизни.	152

На 3-ей и 4-ой страницах обложки журнала картины
Жусана Жердена.

Материалы в рамках гранта «Популяризация культурно-исторического наследия Узбекистана, произведений классической и современной узбекской литературы» отмечены эмблемой Общественного фонда при Олий Мажлисе.

Звезда Востока

2016 № 3

Учредитель

Союз писателей Узбекистана

ИНДЕКС – 831

Журнал зарегистрирован
Узбекским агентством печати и
информации
Рег. № 0296
06.09.2007 г.

Адрес редакции:

100027. Ташкент, ул. Узбекистанская,
д.16 А (5 этаж).

Тел: 245-27-87.

E-mail: zvezdavostoka1932@mail.ru

web-site: www.zvezdavostoka.uz

Дизайн, верстка, оригинал-макет

Мадина Абдуллаева

Подписано в печать 26.05.2016 г.
Формат 70x108 1/16. Печать офсетная.

Усл. п.л. 13,3. Уч.изд.л. 14,86

Тираж 900 экз. Заказ

Цена договорная.

Отпечатано в типографии

ИПТД имени Гафура Гуляма.

г. Ташкент, Шайхантахурский район,
ул. Лабзак, д. 86

Редакция журнала уведомляет
авторов о том, что к рассмотрению
принимаются рукописи,
выполненные в компьютерном
наборе.

Набор текста в любом формате с
приложением электронного варианта
и распечаткой.

Рукописи не возвращаются и
не рецензируются.

Мнение авторов может не совпадать
с мнением редакции.

Перепечатка без согласия редакции
не допускается.

Ссылка на журнал «Звезда Востока»
обязательна.

Copyright © «Звезда Востока»

НИКТО НЕ ЗАБЫТ, НИЧТО НЕ ЗАБЫТО...

Реквием

Война прошла по жизни нашей
Катком безжалостным своим,
Отмерив горя полной чашей
Героям павшим и живым.

Уж сколько весен пролетело,
А все заглядывает в сны
И жжет израненное тело
Огонь жестокой той войны.

Еще в полях находят кости
Пропавших без вести солдат,
Что до сих пор не на погосте,
Не погребенные лежат.

Так и не найденных родными,
Их отпевают... соловьи,
И им лишь ведомое имя
Заносят в памятки свои.

В их трелях слиты боль утраты
И вечной жизни торжество;
Они свой реквием Солдату
Поют от сердца самого.

Великодушная Природа
Нашла талантливых певцов,
Что воспевают год от года
Величье подвига отцов.

Героям, землю отстоявшим,
Мы по заслугам воздадим,
Чтоб не тускнела Память – павшим
И Почесть вечная – живым!

Покрывшим славою знамена,
Врага добившим до конца –
Мы вам с признательным поклоном
Приносим в дар свои сердца!

Владимир КУДРЯВЦЕВ

никто не забыт, ничто не забыто...

Ризо АХМАД
(Исмаил Ахмедов)

Родился в Бухаре в 1951 г. Окончил Институт русского языка и литературы (ныне УзГУМЯ). Профессор, доктор педагогических наук. Автор многочисленных научных публикаций.

НАГРАДА

Рассказ

Дяде моему Камбару Ахмедову, вернувшемуся с войны с наградами, но без ноги, посвящается...

Дядя Камбар называл ту большую войну Великой Отечественной, часто вспоминая что-либо из той, прошлой, жизни, тихо утирая непослушную слезу. Среди его рассказов особенно запомнились два: о том, как он уезжал на войну, и о боях под Можайском осенью сорок первого.

Его, восемнадцатилетнего парнишку из села Гиждуван, призвали в июле. Война только началась, и их семья жила еще довольно прилично, ведь отец, седобородый Мухаммад-Али, был сельским чабаном.

Мухаммад-Али пришел поздно, узнав о призыве, пошептался с женой, помолился и пошел резать барана. Он долго выбирал и выбрал, наконец, добрую овцу, килограмм на сорок, зарезал, освежевал и крикнул:

– Они Камбар! – то есть «Мать Камбара!». Из комнат с заплаканными глазами и с иглой с черной ниткой в углу рта вышла Ёкутхон, мать Камбара. Она была тогда совсем молодой, не то что ее муж. Понятное дело, ведь она была на двадцать один год моложе. Они опять о чем-то пошептались, и Мухаммад-Али разделил тушу сначала на две части, а потом одну из половинок – еще на две. Затем позвал Камбара помочь. Оставшаяся половина была разрезана на мелкие кусочки и передана матери. Принимая мясо, она сказала прерывающимся голосом:

– Это тебе в дорогу, сыночек мой, жеребеночек мой, – а потом сразу же набросилась на отца: – Вы что, старый, такие огромные куски нарежали, могли бы и помельче, сыночку моему в горло не пройдут, – и заплакала. Отец только горько улыбнулся. В другой раз он посмеялся бы да ввернул словечко, он любил, когда жена на него покрикивала и ворчала. А тут что скажешь?.. Две четверти тоже были разрезаны-разрублены: одна – на совсем маленькие кусочки, другая, наоборот, на пять больших кусков.

– Углим, сынок, сходи в мечеть, пригласи Абдурахмона-кори к нам на завтра на утро после второй молитвы. Пусть еще четверых аксакалов захватит с собой. На

худойи, поедят и помолятся за тебя. Вот это – для них угощение. Но сначала возьми вот это, – отец показал на большие куски. – Отнесешь по домам и раздашь, – он назвал дома бедных вдов, – и скажи, что ты уходишь на войну, пусть они помолятся за тебя... Ладно, иди...

Ночью Камбар не мог уснуть. Всё думал, как-то там будет да вспоминал одно и то же: как с Санобаркой, соседской девчонкой, сидели недавно на лужайке у реки Зарафшан и впервые не бесились, не бегали с визгом и хохотом, а что-то тихо рассказывали да долго смотрели друг на друга. Его мысли прервал злой шепот мамы, отчетливо доносившийся из спальни родителей:

– Нет, Али, даже и не думайте! Он добрый и нежный, наш сыночек, но очень совестливый, гордый. Только я это знаю. Он не простит себе этого побега. Конечно, сейчас он может поддаться нашему влиянию и уйти с вами в степь чабанить до глубокой осени. Но зимой он всё равно вернется, увидит новый белый платок – и всё, наложит на себя руки. Этим он убьет и вас, и меня! Вы хотите, чтобы его сестры потом в чужие семьи не попали? А мне каково будет, если кто из вдовушек на меня пальцем покажет, а? Нет, я этого не вынесу, в землю себя живьем закопаю, боже мой, сыночек мой!

Отец только пробурчал:

– Да-а, ты, наверное, права, хотин. Нам остается только молиться господу за Камбара...

А на следующий день, вернее, следующей ночью Камбара вместе такими же пятьюдесятью тремя ребятами из села Гиждуван выстроили на перроне Кызыл-тепинского железнодорожного вокзала. Кто-то командовал, кто-то говорил напутственные слова, а в основном, стоял женский рев, в ночной темноте блестели слезы. Мама Камбара тоже рыдала, крепко держа сына за локоть и прижимая к груди, пока Мухаммад-Али не оторвал его и не поставил в строй. Пересчитав всех отправляющихся, отец удовлетворенно отметил, что их число кончается на четыре, а значит, сын вернется. Так и шепнул на ухо: «Значит, ты вернешься, сынок, вернешься и закроешь мне глаза». Камбар почувствовал только остро колющиеся и мокрые щеки отца...

Потом в Караганде их два месяца обучали премудростям пехотного дела: учили рыть окопы, стрелять из винтовок и бросать гранаты, идти в штыковую атаку и резать колючую проволоку. Уставали, конечно, но кормили их хорошо, а на сытый желудок молодому человеку всё же веселей.

Два месяца быстро закончились, и их отправили на фронт. Под Можайском стояла грязная и уже холодная осень. Первые дни показали, что сержант их учебной роты Буйлов был трижды неправ, когда там, в Караганде, кричал в ухо каждому провинившемуся солдату: «Давай, давай, мать твою, трудно в учебе, легко в бою!».

Бои были жаркие, каждый новый день и следующий час не сулили ничего хорошего: дым, гарь и смерть вокруг, пули, взрывы да крики командиров с приказами «вперед – назад», «влево – вправо», «встать – лечь». Камбар с первого дня взял, кажется, верную ноту, приказав себе не размышлять, а только выполнять что велено, как какая-то машина: включили – работает, выключили – не работает. Единственное, что не получалось – это засыпать, как это делал взводный – окопный друг его Игорь Нестерук. В каждую свободную минуту Игорь мог заснуть в любом месте и в любом положении: стоя,

лежа или сидя, в окопе, на пригорке, под деревцем среди этой пороховой гари, грязи и множества мертвых тел (потом, после тяжелого боя за высоту четыреста один, они побратаются, уткнувшись грязными и мокрыми от слез щеками друг в друга и пообещав, что не забудут друг друга, обязательно встретятся после войны, а если что – оставшийся в живых найдет родных своего брата, расскажет, что надо, поможет, если что...).

В один из таких дней Камбару было приказано отвести в сторону, в лесок, попавшего в плен немецкого рядового и расстрелять: не до него было, да и фигура несолидная совсем, чтобы тащить его в тыл, в штаб полка. И вот он, девятнадцатилетний мальчишка, грязный, в испачканной донельзе и порванной шинельке, ведет куда-то такого же, как и он, молоденького и грязного, в таких же лохмотьях немца. Камбар поднимает винтовку – винтовка не поднимается, магазин не передергивается. Они садятся на один большой пень спина к спине и выкуривают одну на двоих горькую самокрутку. Камбар чувствует, что не может выполнить приказ, в отчаянии топчет окурок, матерится – по-русски и по-узбекски – и видит, что немец побледнел, вконец растерялся и что-то бормочет, бормочет ему... Камбар не знает, о чем говорит немец, может быть, о маме. Он только зло кричит, обращаясь к своей: «Зачем мне всё это, мама?!» Потом, успокоившись, ведет немца в штаб полка и сдает его там...

Только через пять часов, продравшись через бьющие по лицу ветки и свистящие вокруг пули, преодолев глубокие ямы и высокие холмы, добрался он до своей роты. Никто и не заметил, как он пришел: шла отчаянная окопная стрельба. Только капитан Кузькин в сердцах ударил его по носу грязным и закопченным от пороха кулаком, матерясь и грозя трибуналом: «Вот только закончится эта проклятая возня, где ни вперед, ни назад, самые лучшие погибают ни за что! А ты, сука, где-то гуляешь! Займи пока место старичка этого, Романовского, помощника пулеметчика, вон, не видишь, что ли, под деревом он, отмучился...»

Через месяц, когда их полк отведут на помывку и пополнение аж в самую Москву, куда-то в район Кузнецкого моста, Камбар, чистенький после баньки, в чистенькой шинельке, присядет закурить на пороге этой же баньки в ожидании своего брата Игоря Нестерука и вдруг получит от какой-то старушки, перекрестившей его, что-то теплое – два теплых комочка в рваной газетенке. Развернет – а там теплая картошинка и такая же свеколка. Камбар заплачет и простит, наконец, и маму, и погибшего в тот самый день капитана Кузькина... Только понюхав, положит он картошинку и свеколку в карман шинельки, дожидаясь братка своего Игоря Нестерука и бормоча: «Это мне награда за того немца, это мне награда за того немца...»

Лишь час спустя найдет он у Петровского пассажа Игоря Нестерука, азартно выменивающего (вот проныра!) у какого-то интеллигентного мужичка-старичка четвертную водки на невесть откуда взявшуюся у него пару теплых шерстяных носков. Но выпить водки и закусить старушкиными гостинцами тогда они не успеют. Их срочно построят побатальонно. Выпьют и закусят они потом, после того как полковым строем под «Вставай, страна огромная», под взмахи руки Сталина, смотрящего на них с мавзолея, и под летящими снежинками маршем пройдут по Красной площади. И Камбар поймает себя на мысли, что не плачет – слез нет, они совсем исчезли, остались только злость и холодный расчет. Вот так Камбар и станет мужчиной.

проза

ЗРЯЧИЙ

Рассказ

Озорной весенний дождик, словно резвый жеребёнок, проскакал по спящим улицам Ташкента, чеканя мелодичную дробь. Видимо, он очень спешил: едва успев постучаться в пластиковые окна многоэтажных домов массива Чиланзар, пробарабанил незамысловатую мелодию на куполах ещё пустого базара, затем смыл пыль на бронзовом всаднике, застывшем в сквере, и наконец утих, а может, и затаился на узких улочках Старого города.

Зажав зонтик под мышкой, Ахмад-ака пытался открыть ржавый замок.

– Ланати, – звеня ключами, громко выругался он, зная, что улица пуста, а дождь всё равно заглушит его ругань, – давно пора сменить эту китайскую дрянь.

Замок, негромко щёлкнув, наконец поддался. Мужчина быстро вошёл в магазин, швырнул зонтик и, словно мокрый пёс, затрясся всем телом, стряхивая с плаща воду. Ахмад-ака был и продавцом, и грузчиком, и экспедитором, и директором этого маленького продуктового ларька, гордо называемого магазином. Ровно двадцать лет назад он продал жёлтый Жигуль, оставшийся ему от отца, и вложил всё до копейки в это небольшое предприятие. Раньше он часто мечтал, что когда-нибудь его дела пойдут в гору, лавочка разрастётся до супермаркета, он отыщет отцовский Жигуль и выкупит его обратно, а главное, у него появится свободное время, и он опять сможет рисовать.

А рисовать Ахмад-ака любил, да и фантазия у него была богатая. Помнится, ещё в школе на уроке рисования он мастерски изобразил своего Йулбарса: дворняжка получилась розового цвета (розовым он оказался потому, что однажды пёс заснул под стеной дома, которую покрасили в розовое). А ещё Ахмад-ака пририсовал собаке пышные лебединые крылья. Его картина под названием «Собака-пегасус» долго висела на школьной доске для объявлений. Ахмад-ака до сих пор тайно гордился той картиной. А вот дела у Ахмада-торговца шли не особо успешно, хотя и не сказать, что совсем уж плохо. Его магазин как был маленькой лавочкой, так ею и остался. Лишь в углу, над полкой с коробками печенья, появился нервно гудящий кондиционер, да старые покосившиеся окна надёжно заковали железные решётки. Двадцать лет пролетели стремительно и незаметно, как сегодняшний утренний дождь. Нет, Ахмад-ака не жаловался. Он женился, обзавёлся детьми, но быт и работа, словно чёрная дыра, поглотили всё

**Марат
БАЙЗАКОВ**

Родился в 1979 г.

Учился в Германии, в США. Работает инженером в швейцарской нефтегазовой компании. Публиковался в журнале «Звезда Востока».

его свободное время, не оставив возможности заниматься чем-либо ещё.

Ахмад-ака давно уже потерял надежду когда-нибудь вернуть отцовский Жигуль. И кисточку для рисования в руках последний раз он держал тоже двадцать лет назад: женившись, он закинул мольберт на чердак и ни разу больше не доставал его. Тем не менее желание рисовать никогда его не покидало. Он научился рисовать в воображаемой мастерской: вот мольберт, вот холст, вот краски. Никто вокруг не замечал легкого подёргивания пальцев, держащих невидимую кисть, а если и замечали, то принимали за дрожь усталости от тяжёлых коробок и мешков с разной продуктовой всячиной.

Увидев, что дождь прекратился, Ахмад-ака вышел на улицу и замер: прямо над его магазином повисла необыкновенная радуга. Ошеломлённый, он начал живо прорисовывать эту картину в своём воображении. Вот карандаш бегом прорисовал неровные контуры стены магазина с обвалившейся по углам штукатуркой. Вот под лёгким взмахом кисточки появилась дуга. Закинув голову, Ахмад-ака улыбнулся. Так улыбаются дети, впервые увидевшие яркую игрушку. Он был уверен, что ещё чуть-чуть – и он сможет нарисовать запах воздуха после весеннего дождя, даже пририсует звон редких капель, срывающихся с листьев чинар и рассыпающихся в мельчайшие брызги от удара о землю. Ему казалось, что он способен передать даже пение перепёлок, доносившееся из близлежащей чайханы.

Вдруг эту красочную музыку нарушило тихое постукивание по асфальту. Слепой старик в белом холщовом костюме с тростью в руке остановился рядом с магазином.

– Не скажете, уважаемый, а появилась ли радуга в небе? – обратился старик к Ахмад-аке. Каким-то чудесным образом слепой почувствовал рядом с собой человека.

– Появилась, – вздохнул Ахмад-ака, расстроившись, что его воображаемая картина осталась незавершённой.

– А какая она, радуга? – продолжал слепой. – Не могли бы вы её мне описать?

Ахмад-ака внимательно посмотрел на старика и даже попытался заглянуть за тёмные очки, плотно сидевшие на переносице случайного собеседника.

– Я слеп от рождения, – усмехнулся старик и постучал тростью впереди себя.

– Простите, – удивился Ахмад-ака, – как я смогу вам описать то, что вы никогда не видели?

Слепец улыбнулся.

– У меня только глаза не видят...

То ли капля дождя сорвалась с радуги, то ли слеза увлажнила глаза – Ахмад-ака поспешно вытер глаза рукавом и задумался. Город медленно пробуждался. Откуда-то доносился лай собак. «Вжик-вжик», – ритмично вторила им метла дворника. Скорцы пили из лужи, в которой разноцветной рябью отражалась радуга.

– Она... волшебная, – прошептал Ахмад-ака, – радуга... она живая. Да-да, живая, она улыбается, смеётся, плачет... Она так красива, – продолжил он, – что даже лужа начинает играть разноцветными красками. Мне кажется, она тоже вымокла под дождём, как и я. Вы чувствуете, как редкие капли всё ещё стекают с её сияющей дуги? Очень жаль, отец, что вы не можете этого увидеть, – с сожалением закончил свой поэтический монолог Ахмад-ака.

– Сынок, – произнёс старик, – окружающий мир я представляю совсем по-иному. Да, я не вижу, но душа-то моя не ослепла! Я рисую и создаю свой мир у себя в голове, и кто знает, чья радуга волшебнее, красивее, – улыбнулся он. – Ваш мир, который вы видите, но не можете даже изобразить, или мой, который я не вижу глазами, но могу сотворить сотни раз благодаря неограниченным возможностям ума!

В это время зашедший в лавку покупатель потребовал внимания. Торопливо обслужив его, Ахмад-ака вышел на улицу.

Слепого уже не было. Только на чистом, словно вымытом, небе плыло одинокое белое облачко. Радуга исчезла.

ПОЭЗИЯ

И пролетают мысли стаями...

* * *

Как будто через реку переходишь, так Грека когда-то ходил через реку,
душа покрывается коркой, как снег покрывается настом,
он – наст – иногда может выдержать вес на себе человека,
а что до души, то в дожди, в непогоду, в несчастье,
скажешь сквозь зубы, что все перепашет,
так говоря о ней в третьем лице,
как будто тебя укусила какая-то муха, не муха простая, а муха цеце.
Выходишь сам из себя и рубишь словами с плеча,
но за тобой закрывается дверь, хотя ее можешь открыть без ключа.
А чуть приоткроешь, таким вдруг обдаст сквозняком,
Как будто бы это вовсе не ты, а встретился вдруг с чужаком.

Лишь слышишь среди ночи вдали отголосок собачьего лая на злую луну,
Да где-то в реке, там где ила наносы, наверное, ползают раки по дну.

* * *

И пролетают мысли стаями, одна с другой на миг сомкнется.
Мое лицо – оно читаемо, на нем не спрятаться эмоциям,
когда ты рядом, рядом, рядом,
сниму нелепые очки –
под электрическим разрядом
твои зрачки, мои зрачки,
где я в пространстве растворяюсь, меня как будто вовсе нет,
и не понять – где центр, кто с краю,
а только свет, а только свет.
Пока что день, пока не вечер, а если вечер, ну и пусть,
хоть мы нацелены на встречу, при расставании с болью грусть,
а вдруг всей тяжестью на плечи, вдруг разойдутся все пути,
когда дышать как будто нечем,
друг друга вовсе не найти, где мы уйдем за лес, за пашни,
где льется дождь, где снег идет,
где будем мы лишь днем вчерашним,
куда закроет время вход.

**Людмила
БАКИРОВА**

Член Союза писателей Узбекистана. Родилась в Кировской области РФ. Окончила ТашГУ (ныне НУУЗ). Публиковалась в сборниках «Поэзия-88», «Под знаком осени», журналах «Новая юность», «Молодая смена», «Книголюб», «Звезда Востока», альманахах «Молодость», «Арк», «Анор».

* * *

Чужая душа – потемки.
Ты рядом бродил, спотыкался не раз
и падал,
и не было близко соломки,
и темень такая, хоть выколи глаз.

Да, и в своей при обычной погоде бывает бредут затяжные дожди,
где сам ты не пряник, и надо бы вроде расставить все точки над буквою – и.

А помнишь – цветущий шиповник стоял на высоком яру,
и ветки с цветами неровно качались на свежем ветру,
он – ветер – над ними кружился и рвал из цветка лепесток,
где розовой бабочкой вился над белой ромашкой цветок.

А нынче в дожди и туманы ты все доведи до ума,
почисти в себе чердаки и чуланы, под ветром продуй закрома,
и в комнатах будет свежо и светло,
как будто бы снегом вокруг намело.
Как будто в снегу и деревья, и крыши,
киоски, дворы, светофоры, афиши,
ограды, сады, тротуары, дома,
и там, где средь веток под шебеты птички,
над мелким арыком краснеет хурма...

Окно приоткроешь, присвистнешь, под нос промурлычешь –
так это ж и впрямь наступила зима.

* * *

Осень сдирает последние листья с дрожащих, испуганных сучьев.
Холодно.
Красное лето уходит за холм безвозвратно куда-то.
Кусты над арыком кое-где в паутинах белесых, дремучих, паучьих,
и сам ты в блестящих оранжевых точках заката.

И птицы как точки. То стайкой, то врозь, в одиночку,
тянутся в небе – за дальним дувалом – из тучи лохматой проема,
с точки их зрения ты сам превращаешься на поле в точку,
чтоб после исчезнуть за дверью подъезда панельного дома.

В комнате зябко. Не греют бетонные серые плиты.
В кресле калачиком. Памятью ловишь тревожно шемающей,
разумом строчки, просеяв сквозь жесткое, мелкое сито,
все больше в ушедшем, все меньше и меньше тебя в настоящем.

* * *

Поэты любят писать по ночам.
Бывает до самой зари,
и в строках по разным углам и дворам
ставить в ночи фонари.

Чтоб освещались все рифмы на ...арь,
буквенный ряд, запятые и точки.
Ты, может, поэт,
и в конце этой строчки,
если поставить фонарь –

перед собой этот свет пропусти,
многое можешь заметить в пути.

* * *

А слеза-то что Божья роса,
и таким вдруг обдаст сквозняком –
так на камень находит коса,
так по острым камням босиком.

И закусит губу, и набросит пальто,
скажет тихо – уйду навсегда,
а ему хоть бы хны, а ему хоть бы что,
а ему словно с гуся вода.

* * *

Твой ветром дом продут насквозь,
он видит двух миров несходство,
где все не так, все вкривь, все врозь,
где с обреченностью сиротства
тебе смотреть не вмоготу
на свет за шторками из сотен
раскрытых окон
в темноту
под скрип и шорох подворотен
широкой улицы кривой,
где нет конца,
считаешь пыткой
здесь, здесь за ближнюю калиткой
собачий слышать хриплый вой.

* * *

Собой перекормит.
Сбежать бы куда,
туда, где не ходят совсем поезда,
за поле, за холм, за чужой огород,
на быструю речку и вброд,
поскольку вода не оставит следа,
куда-то в глухие, глухие места,
за тропку лесную вперед и вперед,
там, где комариный кусачий народ.
Но только в глухих необжитых местах,
там прячутся серые волки в кустах,
и злые колючки,
но путь твой таков –
бежать, так бежать – не бояться волков.

* * *

Коготок-то увяз,
даже если права,
сделав первый навстречу шаг,
можешь мысли упрятать в слова,
а вот шило попробуй в мешок.

И витая в своих облаках,
Каково – он?
По носу шелчок,
если думаешь рыба в руках,
а она обрывает крючок.

* * *

Вот так – не есть, не пить,
все нервы, нервы на износ,
могу я в чём-то уступить,
а ты уступишь – вот вопрос?

Но ты мне на слово поверь,
свой путь я знаю наизусть,
ты не откроешь нынче дверь,
а после я не постучусь.

переводы

Менглибой МУРАДОВ

МОЯ НЕДЕТСКАЯ ДУША¹

Повесть

СТРАШНАЯ НОЧЬ

Посреди ночи я проснулся от жалобного плача. С тревогой огляделся вокруг. В доме было темно и холодно. Слабый свет, проникающий сквозь порванный кусочек занавески, делал комнату причудливой. Пошупав руками вокруг себя, я кроме клочев ваты из курпачи², ничего не обнаружил. В испуге я крикнул: «Мама!»

– Не бойся, сынок, я на этой стороне сандала, – сказала мама еле слышно.

Услышав ее голос, я успокоился. На ошупь пополз в сторону голоса и, обходя сандал, наткнулся на большое одеяло. Потрогав, понял, что мама лежит укрывшись одеялом и, скорчившись от боли, тихо стонет. Я понял, что мамина старая болезнь опять ее прихватила. Скорчившись от сильной боли, обхватив двумя руками живот, мама тихо прошептала: «Нашел, наконец!»

Несмотря на сильные колики в животе, мама начала гладить мое уже замерзшее лицо: «Как ты замерз, сыночек! Испугался что ли? Не волнуйся, я здорова». И завернула меня в свое одеяло.

Я только согрелся под теплым одеялом, как вдруг бедненькую маму начало трясти. Я тут же вскочил, воскликнув: «Ё, пирим!» – и начал усиленно разминать мамины плечи и спину. Массировал долго, не обращая внимания на настойчивые просьбы мамы залезть под одеяло. И сделал это только тогда, когда стал дрожать от холода.

У мамы в последнее время возобновилась старая болезнь «черный саткок»... – острые боли в области живота вынуждали маму, скорчившись, лежать в постели. Особенно часто это случалось зимой. Я думаю, что причина этому – наш холодный дом.

– Мы не в состоянии, как в других богатых домах, с утра до вечера топить печь, держа горячим сандал, сынок. Что мы можем сделать? – виновато оправдывалась мама.

Чувствуя вину перед нами, она не могла найти себе места, покрываясь холодным потом. Боли были настолько сильными, что мама плакала. В это время я и мои сестры быстро начинали массировать ноги, плечи, спину мамы. Если находили, то и хлопково-вым маслом растирали. А сейчас дома ни сестер, ни масла.

А мама не перестает стонать. Мне тяжело слышать ее стоны. Я страдал от собственного бессилия. Согревшись в маминых объятиях, я снова вскочил и начал разминать плечи и спину мамы. Но по поведению мамы видно было, что боль не утихает.

– И сестры как назло не приходят. О, Худо□, помоги моей маме! Мамочка, как же мне вам помочь? – спросил я чуть не плача.

– Сыночек мой, ребеночек, – сказала мама трудно дыша, – чем же ты мне можешь помочь? Самому только шесть лет исполнилось. И так, стараешься. В эту холодную и темную ночь, кроме Бога у нас нет защиты. И ты моя опора, ты моя надежда, сыночек. Главное, чтоб у тебя, сынок, жизнь была долгой, здоровой и счастливой.

Мама, даже болея, думала обо мне.

– Не беспокойся обо мне, все пройдет. Главное, вы, мои дети, будьте здоровы, – преодолевая боль, стараясь улыбнуться, сказала мама.

¹ Продолжение. Начало в № 2 за 2016 год.

² Курпача – легкий стеганный матрац (одеяло).

И сейчас мама страстно молила Бога о нашем благополучии: «О, Всевышний, умоляю, прошу, пока не поставила на ноги своих маленьких детей, не забирай меня к себе. Дай их поднять».

Ее слова сильно тронули меня. Мне стало страшно от внезапной мысли: «А что если моя мама сейчас умрет?» Вообще-то я не понимал, что такое смерть, и у больной мамы в таком состоянии я спросить не мог. Смерть – это хорошо или плохо? Вспомнился соседский ишак, замерзший на морозе.

– Дети Шопулат-аки такие лентяи, что не смогли усмотреть даже за одним ишаком. Бедненький, замерз на улице, – сказала тогда мама.

Того ишака, замерзшего и твердого, как полено, отгоняя друг друга, сгрызли бродячие собаки. От этих воспоминаний мне стало не по себе, и я со слезами бросился на шею к матери:

– Нет!.. Мамочка!.. Вы не умрете!.. Я не дам вас съесть собакам!..

Мама перестала стонать. Слегка выпрямила худое ослабшее тело и осторожно приклонилась к уже давно остывшему сандалу. Попыталась улыбнуться, прижав меня к себе, и долго молчала. Ее горячие слезы увлажнили мне лицо. Я не знал, что сейчас у нее на душе. Но, чем дольше мы сидели с ней так, тем больше я чувствовал ее возрастающую любовь ко мне. На этом свете нет человека, который любил бы меня больше мамы. И мне казалось, что это чувство – мамина любовь – останется со мной навечно.

Мама высвободила меня из своих объятий, долго гладила мои волосы, целовала лицо и глаза и очень нежно сказала:

– Ах, ты мой Алпамыш!.. Единственный мой сыночек! У меня на тебя большие надежды! Для меня и твоих сестер ты главная опора. Не бойся, мой жеребеночек. Я еще не собираюсь умирать. Пусть будет проклята эта смерть. Вот, слава богу, твои руки и твои молитвы принесли мне облегчение. Боли нет. Немного пришла в себя. Скоро придут с мукой с мельницы и сестры твои. Сегодня что-то они задержались. Главное, чтоб с ними ничего не случилось.

Услышав про муку, я почувствовал голод, так захотелось хлеба, словами не описать. Представился кусочек свежей лепешки. Причмокивая, проглотил слюну. Но слюна, оказывается, не может заменить хлеб. Стало плохо. Еще больше захотелось есть.

Оттого, что маме стало лучше, от сладких слов в мой адрес неожиданно появилась уверенность.

– Хочется хлеба, – сказал я маме.

Видимо, мама не услышала и не ответила. Через какое-то время я повторил громче:

– Хлеба!..

Мама перестала дышать. Потом со стоном, еле-еле, кое-как опираясь на сандал, поднялась. Раздвинула занавески: в комнате стало чуть светлей. Я тут же подбежал к маме. Мама, опираясь на меня, с трудом подошла к нише. В крошечной тьме открыла крышку сундука и, покопавшись в нем, что-то достала. Потом, потеряв о свое платье, сказала:

– На, сынок, пососи пока это. Очень вкусный курут¹. Скоро должны подойти сестры – приготовлю сладкий атала² или лепешку. А теперь иди, ложись, сынок, – закрыла сундук и медленно вернулась на место.

Я, оказалось, был очень голоден. Поблагодарив маму, сразу сунул курут в рот. Он был очень крепким и соленым. Покрутив во рту, понял, что сейчас он слаще меда.

Внезапно я услышал, как мама проглатывает слюну. Мне стало стыдно, и я, вынув курут изо рта, сунул его в руку маме:

– Нет, сынок, я не голодна. Съешь сам.

Я не поверил ее словам и настоял на своем. Выбрав момент, я сунул ей курут в рот.

– Сынок, что это за выходки?

Мама знала, что я все равно буду стоять на своем, и отломив кусочек себе, остальное вернула мне:

¹ Курут – сухой кисломолочный продукт в виде маленьких круглых шариков.

² Атала – мучной суп.

– Теперь не упрямясь, эта часть тебе.

У меня поднялось настроение, и я, спокойно посасывая курут, не заметил, как уснул.

Не знаю, сколько спал, но в прихожке что-то зашумело. В комнате было темно, утро еще не наступило. Мама на месте не было, и от страха я громко позвал ее.

– Не бойся, сынок, мы в коридоре.

Там что-то происходило. То ли от любопытства, то ли спросонья пошел к ним.

ТЯЖЕЛАЯ НОЧЬ ТЯЖЕЛОГО ДНЯ

Поеживаясь от страха и холода, вышел в коридор. Хаитгуль-опа в темноте пыталась зажечь светильник (плошку с масляным фитилем), а мама чем-то туго перевязывала окровавленную голову Хадича-опы. Кровь все равно капала и Хадича-опа тихо стонала от боли. Увидев это, я еще больше испугался:

– Хадича-опа, что с вашей головой? – спросил я удивленно.

– Хулиганы палкой разбили голову, – ответила Хадича-опа, вытирая платком тонкие, огрубевшие от работы окровавленные пальцы. Несмотря на свои шестнадцать лет, она часто одевалась по-мальчишески и выполняла по дому и в поле всю тяжелую работу. Двенадцатилетняя Хаитгуль-опа была помощницей мамы в доме.

Хоть и было очень темно, но я заметил каким бледным стало лицо у Хадича-опы.

Наверное, потеряла много крови, подумал я. В это время Хаитгуль-опа зажгла светильник и, прижавшись к маме, вместе с Хадича-опой вздохнула начала рассказывать, что произошло этой ночью. Мама, глядя на раненую Хадича-опу и слушая рассказ Хаитгуль-опы, тяжело вздохнула. Потом одной рукой обняла меня и прижала к боку.

– Хорошо, что я спрятала одну касушку муки в поясе, предварительно обвязав ее платком.

– Эти негодяи, оказалось, за нами следили и поджидали нас на дороге. Чтоб не бросаться в глаза, мы специально шли вдоль стены Очил-аки, а тут неожиданно, будто с неба свалились, появились эти подонки.

– Вы не узнали, чьи это были дети, чтоб их земля поглотила! – спросила мама встревожено.

– У них на лицах были повязки. Не узнать. К тому же они не сказали ни слова, будь они прокляты. Иначе мы узнали бы по голосу, – зло ответила разгневанная Хаитгуль-опа. – Один маленький, другой высокий. Сразу оба накинулись на мешочек, который был в руках у сестры. Сестра одним ударом свалила маленького на землю, но высокий успел схватить мешок и начал убежать. Мы хотели сорвать повязку с лица упавшего коротышки, но он, подлец, неожиданно ударил Хадича-опу большой палкой по голове и быстро убежал. Это все, что с нами произошло, мамочка. Теперь что будем делать? Кому идти жаловаться? Кто нам поможет? Кто?

– Чем так бесполезно причитать, лучше бы взяли и меня на мельницу, – зло сказал я. – Я бы из них всю душу вытряс.

– Ты, – обняла меня за плечи Хадича-опа, – ну, что ты смог бы там сделать, малыш?

Уставшие, изнемогающие от голода, мои сестры выглядели совсем плохо. К тому же ночью стоял сильный мороз.

– Что-нибудь придумаем, дети мои. Главное, вы живы-здоровы! Сейчас всем трудно, как и нам, люди один день сыты, другой день голодны. Что поделаешь? Не будет кукурузной лепешки, покушаем отруби, не будет отрубей, будем кушать жмых. Лишь бы до весны дожить, а там видно будет, – успокоила моих сестер мама.

Я сидел сбоку, прижавшись к ней, и ее слезы капали мне на ухо и лицо. Я почувствовал, как мама начала дрожать.

– Чтоб им пусто было. О Господи, дай им такое наказание, чтоб они осознали, в каком положении нас оставили – отобрать последнее у нуждающихся бедняков. Есть, наверное, и на них управа на небесах, – сказала Хадича-опа, вздыхая.

Тесная и сырая комната быстро остывала. Меня стало трясти от холода. «Что же

происходит в такой холод с мамой?» – подумал я и только хотел посмотреть на маму, как она вскрикнула от боли и, скорчившись, повалилась на пол.

Именно в это время на улице начался сильный ветер. Раскрыв обе створки дверей, морозный ветер проник в помещение, выстудил комнату, потушил светильник.

С одной стороны стонала мама, с другой – Хаитгуль-опа, пытая, не зная на ком сорвать свою злость, пыталась снова зажечь плошку с фитилем. Хадича-опа, взяв маму за плечи, пыталась завести ее в комнату с сандалом. А на улице, не утихая, выл и бесновался морозный ветер, словно волчица, у которой охотники отобрали волчат. Маму кое-как завели и уложили у сандала. Укрывшись одеялом и согревшись, мама притихла, боль стала отступать.

Хадича-опа пошла на кухню что-нибудь приготовить. Хаитгуль-опа, наконец, зажгла светильник и, отложив его в сторону, быстро подошла к сундуку и начала его потрошить. Ничего не найдя, набросилась на меня:

– Кто открывал сундук?

– ...

– Что молчишь? Кто взял курут?!

Испугавшись ее напора, я лежал и молчал.

– Братишку не трогай. Я съела курут, – сказала мама, приподнявшись с постели.

Мне стало стыдно за свой испуг. Я вскочил на ноги и подошел к сестре:

– Делайте что хотите, курут не мама, а я съел, – сказал я дерзко.

Поднятая для удара рука Хаитгуль-опы невольно опустилась, она стремительно вышла из дома.

– Хаитгуль, скажи сестре, пусть не сеет муку, а то ее меньше станет, – сказала мать вслед уходящей сестре.

Меня очень обрадовало, что мама стала приходить в себя. Только сейчас я стал чувствовать, что от дыма черного фитиля першит горло. А от его неприятного запаха начинает тошнить. Хотя мы уже привыкли к нему. Как говорила мама, у некоторых семей даже такого освещения нет.

Рассвет мои сестры встретили суетой у казана: если есть спички – дров нет, если есть дрова – масла нет. Я уже не смог уснуть. Разминал спину, руки и ноги матери, все еще стонущей от боли. Как только она немного успокаивалась, бежал в своих разодранных галошах к хлопочущим у казана сестрам. Замерзнув на кухне, вновь возвращался к маме под одеяло.

Закрыв глаза, хотел вздремнуть, но то ли от голода, то ли от тревоги за больную маму, то ли из-за переживания за сестер, которые уже два-три дня ничего не ели и сейчас, в суровый мороз, с глазами полными дыма готовят аталу из кое-как добытой одной пиалушки муки – уснуть не мог. На душе было тревожно, мрачно. Когда забрезжил рассвет, наш долгожданный атала наконец был готов. Прижавшись друг к другу, рядом с больной матерью мы съели по полпиалушки горячего аталы. Лица ожили, организм согрелся, почувствовался прилив сил. Мама тоже немного пришла в себя. Все печали, казалось, куда-то исчезли. Облизанная несколько раз пиала сверкала как мытая. Посмотрев на уже чистые пиалушки, все долго смеялись, поглядывая друг на друга.

САДАКА¹ – ЗАЩИТА ОТ НЕСЧАСТИЙ

Утром Хадича-опа, надев кирзовые сапоги, большой дырявый черный чапан², обвязавшись несколько раз толстой веревкой, пошла на заброшенные поля собирать для тандыра³ верблюжью колючку. В руках у нее были кетмень и шерстяной аркан. Хаитгуль-опа подбросила в сандал два совка тлеющих дровишек и, надев на себя залатанный чапан из самодельной ткани адрас, в галошах, которые вчера мама со слезами

¹ Садака – пожертвование.

² Чапан – традиционный стеганный халат на вате.

³ Тандыр – восточная глиняная печь.

починила, бросив на плечи красноватую тряпичную сумку, направилась в школу.

Мама хоть и пришла в себя, но была еще очень слаба, чтобы ходить. И все-таки, видя, что маме лучше, я приободрился. Подброшенные в сандал дрова разгорались, согревая дом. Не отходя от сандала, лежа рассматривая картинки в книгах Хаитгуль-опы, я незаметно уснул.

Проснулся от долгого стука в окно. Посмотрев в окошко, я увидел мохнатое, хмурое лицо старика с длинными усами и бородой. Я его не знал.

– Выйди-ка, посмотри, сынок, кто этот старик? – попросила меня мама.

Открыв входную дверь, я увидел черного старика во всем черном. Вся его одежда и торба, висящая на плече, были совсем старыми и в заплатках. Я поздоровался.

Бородатый старик кивнул на мое приветствие и нараспев сказал мне:

– Сделай садака, получи благословение, дитя. В благословении много силы. Пожертвование защитит от многих несчастий! Подашь милостыню – больные излечатся. Уйдут несчастья из дома. Придут достаток и изобилие. Получишь благословение – удвоится твое Богатство. Я помолюсь за тебя. У молитвы чудодейственная сила, дитя! – сказал старик, не отрывая от меня глаз. Его слова были приятны мне.

– И мама вылечится? – спросил я.

– А то как же! Мама обязательно исцелится! И даже не вернувшиеся с войны – вернутся, дитя. Твой дом наполнится счастьем и радостью. Или ты мне не веришь?

«Если мама выздоровеет, папа вернется с войны, что же нам еще нужно?» – радуясь, думал я, стоя на пороге. Почему-то очень хотелось верить этому человеку. Но я не понял, о чем он спрашивает у меня. «Что это такое – садака? И есть ли это у нас?» – думал я, но старик опередил меня:

– Сынок, хлеб есть дома?

– Нет, – ответил я, качая головой.

– А зерно есть, зерно? – не понимая о чем он, я разинув рот смотрел на него. Старик засмеялся и продолжил: – Просо, кукуруза, рожь, овес или что-то похожее есть у вас?

– Да нет же, дедушка.

– Отруби есть?.. Ну, хоть отруби найдутся у вас? Ты не говори, что нет. Что ни спрошу – все нет и нет.

Меня огорчило, что старик был мной недоволен.

– Подождите-ка, дедушка, вы сами кто?

У старика изменилось настроение. Лицо сморщилось, а потом вновь разгладилось:

– Я, дитя, нищий, попрошайка. Ты слышал это слово? Мы, нищие, просим у людей милостыню и на это живем. Наша засушенная доля рассыпана в закромах у людей. Мы ходим и собираем ее. А теперь дай мне что-нибудь. Или я, просто помолившись, пойду дальше.

– Что вам дать, дедушка?

– Что хочешь, то и дай. Мне ничего лишним не будет. А что у вас есть?

– У нас есть казан, тарелки, одеяла и курпачи, книги, тетради, одежда, которую мы носим. А еще есть чайники и пиалушки.

– Но их нельзя съесть, сынок, – чуть улыбаясь, сказал нищий старик, – мне нужно съедобное. Понял? Съестное что-нибудь!

Я пересказал весь наш разговор со стариком маме. Выслушав меня, мама немного задумалась и, не сдержавшись, громко заплакала.

– Нельзя просто так отпустить нищего человека. Возьми со скатерти остаток муки и отдай старику. Это все, что у нас есть. Хоть и немного, но это лучше, чем ничего.

Раскрыв скатерть, я действительно обнаружил там немного муки. Кое-как соскреб в пиалу всю муку и быстро направился к двери. Старик, держа в руках свою трость, терпеливо ждал меня. Я дал ему пиалу. Он оказался очень голодным. Взял небольшую пригоршню муки и сразу сунул ее в рот. Немного пожевав, проглотил.

Остальную часть аккуратно высыпал в поясной платок, свернув его, убрал в торбу. Вернул мне пиалу и, раскрыв ладони, долго читал молитву.

Я тоже, раскрыв руки для молитвы, получил его благословение. Потом старик перебрросил через плечо свою торбу и, постукивая тростью об лед, который местами сковал землю, напевая что-то вполголоса, вышел из нашего двора и направился к соседскому дому.

Я думал о своем и был горд тем, что уже с утра сделал какое-то большое и важное дело, не обращая внимание на холодный ветер, обдувающий меня. И только громкий кашель матери вернул меня в реальность.

Оказывается, я оставил открытым одну створку входной двери. Холод проник в комнату, где лежала мама, и она начала кашлять. Чувствуя себя виноватым, я быстро закрыл дверь (которая никогда до конца не закрывалась) и побежал к маме.

– Извините, мамочка. Разговаривая с дедушкой, я забыл закрыть дверь. Мам, вы теперь никогда не будете болеть. И папа скоро живой и здоровый вернется домой. Это мне дедушка сказал, – сияя от радости, сообщил я маме.

– Конечно, конечно, сыночек. У молитвы много чудодейственной силы, – сказала мама, почему-то не ругая меня, а радуясь. Я тоже вылечусь. И папа вернется. Хорошо, что мы не отпустили с пустыми руками нишего старика. Бог нас не забудет, сынок!

– Вот увидите, мама, когда я вырасту, ни вы, ни папа ни в чем не будете нуждаться.

Мама приподнялась немного и, глядя мои волосы, сказала:

– Дай бог, чтоб твои слова сбылись! Достигни своих целей, пусть сбудутся надежды, сынок!

Хоть и радостно было на душе, но не давала покоя одна мыслишка:

«А что скажут сестры на наше благое дело?» И было от чего беспокоиться – дома нечего было есть.

КЛАД

Ближе к полудню, согнувшись под тяжестью янтaka, пришла Хадича-опа. Не сумев развязать аркан вокруг груди, она, найдя свободное место на внешней стороне ошхоны, где находится наш старый тандыр, присела вместе с хворостом.

Увидев, как устала и измучилась сестра, я подбежал к ней.

Несмотря на то, что на улице было очень холодно, Хадича-опа сильно вспотела.

Со лба на уставшее лицо стекал грязный пот с кровью, а губы дрожали и были бледны. Она сидела, закрыв глаза, время от времени, вытирая рукавом лоб.

Мы с трудом развязали аркан вокруг ее груди и шеи.

– Слава богу, что ты есть, – сказала Хадича-опа и, с трудом встав на ноги, начала вилами разбрасывать влажную колючку для просушки.

В это время лучи солнца, пробившиеся сквозь толщу черных облаков, обложивших небо, заставили плакать залежалый снег, обнажая мокрую и черную землю.

У меня будто язык чесался, я рассказал сестре про нишего старика, ожидая от нее суюнчи¹ и... очень пожалел об этом.

От возмущения у Хадича-опы свело лицо:

– Что ты за бестолковый ребенок?! Разве может нормальный человек отдать последнее и радоваться этому? Были бы хоть какие-то излишки... А ты думал о том, что мы сегодня будем кушать? Если не о нас, хоть о больной матери подумал бы. Четыре человека остались без еды! Конечно, когда сам не работаешь... Кто теперь нам подаст? Как выживем?

Я не хотел сдаваться:

¹ Суюнчи – подарок за хорошую весть.

– Я тоже не из простаков. Ведь не просто так дал нищему старику! Взамен я получил столько благословений. Пожертвуешь, и тебе воздастся! Знаешь, как он много молился, чтоб мама скорее на ноги встала, а папа вернулся живой-невредимый! Разве плохо, если мама быстрее выздоровеет, а папа вернется? Ведь каждый из нас любит и маму, и папу.

После моих слов пыл Хадича-опы немного спал и, поняв, что со мной говорить бесполезно, она вздохнула:

– Ну, ты даешь. Ох, и мастер же ты говорить... Тогда скажи, чем нам теперь кормиться? – недовольно сказала она.

– Сестра, одна пиалушка муки не последняя, наверное, в нашей жизни? Неужели не стоят столько молитв и благословений одной пиалы муки?

– Ну ладно, хватит, – сказала Хадича-опа. – Тебе только слово дай сказать. Конечно, и папа, и мама нам дороги, но сейчас, когда у нас положение хуже ниших, надо прежде всего думать о себе. Неужели это трудно понять?

Я выбежал на улицу. Увидев соседку Урингуль, которая старше меня на два года, спросил у нее, не приходил ли к ним старик-гадой, и что они ему дали. Она, улынувшись, ответила:

– Да пропади пропадом этот нищий. Это ему дай, то ему дай. В конце концов дали ему одну из двух лепешек, которые сами кушали. А вы что ему дали?

– Одну пиалушку муки.

– А что, у вас так много муки?

– Откуда? Кое-как соскреб последнюю муку со скатерти. А теперь меня за это старшая сестра на чем свет стоит ругает.

– А что теперь будете есть?

– Не знаю, а вы?

– Дома оставалось немного муки и толокно. Что-нибудь приготовим. Ты голоден? Я хоть и был голоден, но ответил:

– Да не так. Утром аталу кушали. Ну, ладно. Я пойду.

– Не торопись. Возьми вот это.

– Что это?

– Кишмиш.

– Нет, не надо.

– Здесь немного. Половина тебе, половина мне. Очень вкусный кишмиш.

– Я не возьму. Я же не нищий-попрошайка.

– Я знаю, ты не нищий. Ты мой братишка.

– Ну, тогда давай.

Съедая по яголке, я зашел к себе во двор. Хадича-опа, усердно размахивая кетменем в сарае, копала яму для замеса грязи, чтоб замазать наш старый тандыр.

Побежал к ней и, чтоб не ругала, начал подхалимничать:

– Что делаете? Давайте я помогу.

Хадича-опа еще не успокоилась:

– Что ты можешь, малыш, кроме как раздавать свое добро направо-налево.

Я не стал отвечать на иронию сестры. Но в свою защиту сказал:

– Урингуль-опа тоже не оставила без внимания гадою.

– Какую же она проявила милость?

– Из двух лепешек одну пожертвовала.

– Они могут себе это позволить.

– Как это?

– У них отец есть.

Хадича-опа неожиданно заплакала. Ее слова меня тоже задел. Сильно тоскуя по отцу, не видя его даже во сне, от ожидания, усталости, голода, холода, безысходности я залился слезами. Хадича-опа, обняв меня, вытерла сначала свои, а потом

и мои слезы. Так мы просидели некоторое время в молчании, прислонив друг другу головы. Хадича-опа, глубоко вздохнув, прижала меня к себе. Несколько раз поцеловав меня, помолчав, встала. Выпрямившись во весь рост, поглаживая меня по голове, сказала:

– Не огорчайся, братик, папа обязательно вернется. Тогда, как и мечтали, приготовим большой, как небо, патир. Сколько его ни кушай, не съешь. Вот тогда насладимся!

– А каким бывает патир, сестра? – спросил я, впервые услышав это слово.

– Патир – это масляный хлеб. Если его не кушал, значит ты еще не жил на этом свете. Перед войной мы такой хлеб ели. Очень вкусный!

Мне очень захотелось попробовать этот большой, нескончаемый патир. Хотел было спросить, почему сейчас не готовите патир, но, вспомнив, что у нас нет ни муки, ни масла, промолчал.

В это время сестра изо всех сил продолжала рыть яму. Я хоть и смотрел на сестру, но мысли мои были далеко. Вдруг Хадича-опа вскрикнула:

– Менглижан, нам Бог подал!.. Посмотри сюда! Это же зерно! Зерно! Неужели!.. О, господи!..

Нагнувшись, я посмотрел в яму и увидел смешанное с землей красноватое зерно. Сестра, словно нашла клад с сокровищами, начала меня целовать. Освободив меня из объятий, сестра сказала:

– Беги, принеси ведро из ошхоны.

Я побежал за ведром, а сам думаю: «Все-таки молитвы нишего старика принесли свои плоды!» Скользя, падая, пачкаясь в грязи и снова вставая, я добежал до кухни, взял первое попавшееся на глаза ведро и помчался назад к сестре, которая пригоршнями из рук в руки пересыпала зерно. Хадича-опа посмотрела на ведро и сказала:

– Ты хоть посмотрел внутрь, дурачок. Иди, принеси целое.

Второпях я принес ведро без дна. Я с силой бросил его в конец двора.

Очишая зерно от песка, мы с Хадича-опой набрали целое ведро пшеницы. Если бы вы видели, как мы радовались в тот день. Мама, от такого счастья позабыв про болезнь, встала на ноги. Хадича-опа, сходяв куда-то, намолочила две касушки муки. Два-три дня мы ели вкусные лепешки. Едва я завел разговор с сестрой о нишем старике, она ушипнула меня за нос и счастливо улыбнулась. Я и мои сестры ископали весь сарай в поисках новых «сокровищ», но ничего не нашли.

ЗАБЛУДИВШЕЕСЯ ПИСЬМО

Погода разгулялась не на шутку. Все небо было покрыто темными тучами. Промозглый холодный ветер набирал силу. Ушедшая ранним утром с куском лепешки по заданию злого бригадира на полив пашни Хадича-опа не вернулась и тогда, когда наступила темная ночь. Мама, то выходя на улицу, то снова заходя в дом, не могла найти себе места. Мы тоже волновались.

Вставшая недавно на ноги мама начала готовить ужин в ошхоне, постоянно посматривая на улицу. Хаитгуль-опа готовила дрова для уचाка¹. В последние дни мы использовали в качестве дров ветки высушенной урючины, которая росла у нас посреди двора. Она высохла от прошлогоднего удара молнии. И теперь Хаитгуль-опа тонкие ветки рубила топором, а толстые отпиливала ручной пилой.

Я относил нарубленные ветки в ошхону и все время оглядывался на дорогу... И, наконец, во двор вошла еле перебирающая ногами Хадича-опа! Все ее руки и лицо были в пыли и грязи. Увидев ее, мы успокоились.

Хадича-опа очень трудолюбивая. Никогда не устает. Даже когда голодна, не признаваясь в этом, продолжает работать. Даже сейчас, несмотря на усталость, отложив

¹ Учак – печка на кухне для приготовления пищи.

в сторону кетмень, отряхнувшись от грязного снега и мелких сучьев, пошла в ошхону помогать маме.

Вдруг заохала-запричитала Хаитгуль-опа. Выбежав из ошхоны на улицу, мы увидели, что она порезала пилой себе пальцы. Кровь текла безостановочно. Все были в шоке. Хорошо, хоть мама знала что делать. Быстро отрезала кусок кошмы, подержала немного его над огнем и прижала к ране. Сестра взывала от боли, но кровотечение остановилось.

Блики огня от уचाка освещают бледное болезненное лицо матери. Я смотрю на ее худые руки, уставшие от ожидания и неопределенности глаза, на волосы с проседью. Нелегко на душе от всего этого. Незаметно посмотрел на Хадича-опу: разве ей нравится ходить в грубой, рваной, не подходящей по размеру одежде и выполнять мужскую работу? Конечно, нет. И у Хаитгуль-опы работы выше головы.

Если бы был отец, все было бы по-другому.

К сожалению, наша опора, надежда – папа – до сих пор не вернулся с войны. Поэтому Хадича-опа, несмотря на то что она девушка, в лютый мороз выполняет мужскую работу, Хаитгуль-опа ранил до крови руку, распиливая на морозе крепкое, как камень, дерево. Если бы рядом был папа, разве бы это случилось?

По словам мамы, в нашем тяжелом положении виновата война. Что же это такое, война? Зачем люди воюют? Что они делают?

По словам мамы, начинают войну плохие люди. Потом сами остаются в стороне, а все трудности войны ложатся на плечи простого невинного народа. Вот эти люди, которые начинают войну, какой им прок, какая польза от войны? Что хотят они, эти люди? Так много непонятных для меня вещей, что, когда начинаю думать обо всем этом, начинает болеть голова.

И папе я удивляюсь. Зачем нужно идти туда, где воюют? Оставался бы дома. Или его силой забрали? Нет, наверное. Наверное, когда враги пришли, наш папа пошел их прогонять. Но война, говорят, закончилась. Тогда почему папа не возвращается? Здесь что-то есть непонятное...

Или, расспросив людей, самому пойти на поиски папы? Далеко ли до мест, где прошла война? Если близко, то найду как-нибудь, а если далеко? Тогда что делать?

Что я говорю? В такой лютый мороз куда я пойду?

Сказать честно, очень хочу видеть папу. Хоть раз увидеть бы его, погладить по лицу, повиснуть на шее и долго-долго смотреть в глаза. Потом, положив голову на грудь, долго ощущать его запах. Налюбовавшись папой, побежал бы с высоко поднятой, как у гуся, головой к ребятам за суюнчи. Они увидели бы, какой у меня папа!

Но сейчас мне ничего не остается, как только мечтать об этом. Стараюсь представить папины глаза, лицо, внешность, его рост, телосложение. Не получается. Было бы не так обидно, если б знал, как он выглядит. Я бы мысленно утонул в нем.

Как говорила мама, мне было всего шесть месяцев, когда папа ушел на войну. Я уверен, что папа меня очень любил, баловал, прижимал к сердцу, целовал меня. Но я этого не запомнил. Если б я помнил... Какие мысли были у отца, когда он меня обнимал? Если б я запомнил лицо папы, не сидел бы сейчас уныло.

Погруженный в такие мысли, я не сразу услышал, что кто-то со стороны улицы зовет мою маму. Это был хромой дедушка-почтальон на своем ишаке:

– Зайнаб! Хо, Зайнаб! Ты дома?

Пока я встал, Хаитгуль-опа, собиравшая остатки веток во дворе, вышла навстречу к почтальону.

– Посмотрите, не вам ли это письмо? – сказал почтальон, передавая ей в руки конверт и, ругая своего непослушного ишака, поехал дальше.

Хаитгуль-опа быстро забежала в ошхону. Я за ней следом. Мама и Хадича-опа, ничего не понимая, смотрели на Хаитгуль-опу... Моей радости не было предела:

– Может от отца? Читай же быстрее, что так медлишь? – нетерпеливо торопил я.

Сестра, внимательно прочитав письмо, обратилась к маме:

– Кажется, ошиблись адресом, мама. Имя и фамилия совпадают, но, судя по содержанию, хозяин этого письма – недавно ушедший в армию молодой парень. Парень написал письмо своей матери. Фамилия матери Сафарова З., – пожимая плечами, сказала Хаитгуль-опа.

– Кто же это еще? – спросила мама, встревожившись. – Посмотри на адрес, не колхоз «Социализм»?

– Здесь написано колхоз «Сталин», – ответила Хаитгуль-опа.

– Удивляюсь я этим почтовикам. Сначала разберись кому, а потом передавай. Столько переживаний...

– Столько радости и зря, мама, – сказал я, – завтра надо вернуть письмо. Мама этого парня тоже, наверное, ждет не дождется от него весточки. С нами понятно, пусть хоть она порадуется.

– Правильно говоришь, сынок, – сказала мама, – завтра надо вернуть письмо почтальону, – потом добавила: – Не огорчайтесь, дети мои. Недалек тот день, когда и от вашего отца придет весточка или он сам вернется. Ну, а сейчас давайте поужинаем. Я вам приготовила ярму¹. Давно уже не ели это блюдо. Хаитгуль, зажги светильник, а ты, Хадича, приготовь касушки.

Все дружно сели вокруг дастархана. Поев горячей ярмы, согрелись. Лица покраснелись. Настроение поднялось. Всем стало хорошо.

На улице по-прежнему мела метель. Сильный ветер, разметая снег, проникал через дверные и оконные щели в комнату, наша свеча того и гляди погаснет под напором сквозняка.

УДИВИТЕЛЬНАЯ НОВОСТЬ

С каждым днем становилось все труднее. За ночь сильно подморозило. К тому же где-то в полночь погас наш самодельный светильник.

Пронизывающий ветер и сильный мороз, словно смеясь над нами, звуками сурная проникал в наш дом, уводя последнее тепло. С утра до позднего вечера работающие не покладая рук мои сестры, не замечая сильного мороза, кое-как спрятав головы под одеяло и свернувшись калачиком, спали.

Мама и я не могли уснуть. Почему-то нам не хотелось показывать друг другу, что не спим. Мне кажется, мама думала о письме. Она тяжело вздыхала и, чтоб никто не услышал, укрывалась одеялом.

А я думал о папе. Мечтал, что не сегодня-завтра он обязательно придет. Эх, было бы здорово, если б он вернулся. В такие темные вечера мы с ним играли бы в прятки. Если я спрячусь вот в эти курпачи на сандале, то папа ни за что меня не найдет. Потом я, смеясь, неожиданно выскочил бы ему навстречу. И папа очень испугался бы. Потом мы вместе с ним долго смеялись бы. Эх, вернулся бы папа скорее...

Разве захочется спать, когда так сладко мечтаешь? Но незаметно уснул и я.

Проснувшись ранним утром, я обнаружил, что в комнате уже никого нет. Сквозь занавески пробивался тусклый свет. Не хотелось оставлять теплую постель. Озираясь по сторонам, вдруг обратил внимание на противоположную от дверей стену и от удивления разинул рот. Я подумал, что до сих пор сплю, но я же не спал! Наша стена за одну ночь превратилась в небо со сверкающими и переливающимися звездами. Е, тавба, смотрите, оказывается, звезды могут перемещаться на стену... Наверное, это и называют чудом. Звезды на стене будто играли со мной, красиво и нежно мерцали.

Чтоб рассказать про это чудо маме и сестрам, я быстро оделся. Посмотрев в окно, я увидел, что мама разговаривает во дворе с какой-то незнакомой женщиной.

¹ Ярма – каша из пшеничной крупы.

Перед выходом еще раз посмотрел на стену: при тусклом комнатном свете звезды, словно прикрепленные к стене, продолжали игриво сиять.

Нацепив на ноги рваные галоши, я рванулся вперед, но, ударившись головой о дверной косяк, упал и сильно ударился об лед перед порогом дома.

Увидев меня лежащего, мама запричитала:

– Что ты делаешь? Ну, куда так торопиться? Нельзя осторожней?

Видя, как мама за меня волнуется, я стиснул зубы, чтоб не показать, как мне больно. Мама зачем-то побежала в ошхону.

Наблюдавшая за всем этим женщина подошла ко мне и, погладив меня по голове, сказала:

– Никогда не выбегай из дома, дитя. Слава богу, что голову не разбил, – увидев мои изношенные и рваные галоши, покачала головой и сказала подошедшей маме:

– Обновите обувь, тетя! Старье есть старье. Если ваш сын будет носить такое рванье, опять упадет.

Прикладывая к ушибленному месту на голове соленую воду из пиялушки, мама огорченно ответила гостье:

– Сестренка, неужели вы думаете, что мне не хочется купить своим детям новую одежду, новые галоши? Только Всевышний знает, как я переживаю за детей. Что делать, если нет возможности? Сынок хорошо рядом со мной, что-нибудь да перекусит дома, а две мои дочери, вообще ничего не поев, с утра вышли в поле на работу. Все мы трудимся не покладая рук, чтоб как-то прожить. Как вернется с войны отец детей, этим тяжелым дням наступит конец. Нас тоже, наверное, найдет солнечный луч. До каких пор мы будем бедствовать, сестренка?..

Услышав эти слова, женщина покраснела, растерялась.

– Извините, тетя, простите меня!.. Не зная вашего горя, разбередила рану. Я не со зла. Просто стало жалко вашего мальчика. Говорят же, язык без костей. Иногда скажу не подумав, потом переживаю. Извините еще раз меня, пожалуйста.

– Ладно, не переживайте, – сказала мама улыбнувшись. – Ну, что, в долг оставите пять–десять яиц?

Незнакомая женщина завоzilась со своими двумя ведрами и передала маме пять яиц:

– Пока возьмите вот это. В долг так в долг. Когда разбогатеете, тогда и заплатите.

Мама осталась стоять, испытывая неловкость, а женщина пошла дальше по улице, тархтя своими ведрами.

На улице было очень холодно. Все небо было покрыто густыми, темными облаками. А я еще до сих пор не рассказал маме про звездное небо на нашей стене.

После ухода женщины-торговки мама, посмотрев мне в глаза, сказала:

– Что-то ты расстроенным выглядишь, сынок? Голова болит до сих пор?

– Мама, дайте суюнчи. Наша стена родила! – вскрикнул я.

– Что? Разве может стена родить? Что родила стена?

– Звезды родила. И не одну, не сто, а очень много. Идемте, я вам покажу, – сказал я и потянул маму за руку.

С мамой вместе зашли в комнату с сандалом. Здесь было очень холодно. Начали показываться звездочки на стене:

– Посмотрите, мама, это что, не звезды? Вот это – Большая медведица, а вон Полярная звезда. Разве не так? Посмотрите, как они сверкают! По-моему, им стало холодно на небе, и они расположились у нас в комнате. Я прав?

Покачивая головой, мама почему-то резко изменилась в лице и странным голосом ответила:

– Может, и прав ты, сынок, но... – не договорив, внезапно заплакала.

Не зная, почему только что улыбавшаяся мама неожиданно заплакала, я стоял в недоумении. Мама дрожащими руками начала трогать звезды на стене. Я тоже

приблизился и осторожно прикоснулся к сверкающей звезде пальцем и... почувствовал холод. А звездочка начала таять. Только теперь понял, что это не настоящие звезды, а иней, который появился из-за сильного ночного холода. Прижал к стене ладонь – звездочки постепенно начали таять.

Мама обняла меня и молча уставилась в одну точку. Мое сердце и радость вместе с тающими звездочками тоже начали таять.

НАПЕВЫ БАХШИ¹

Сегодня 5 декабря. За ужином Хадича-опа сказала:

– Начиная с сегодняшнего дня, с 7 вечера до 11–12 ночи, в большой молхоне рядом с сушилкой будем чистить курак².

– Нашей семье какую норму дали? – спросила лежавшая в постели мама.

– 15 килограммов.

– Бригадир должен знать о моей болезни. Вчера он заходил.

– Знает. Хорошо знает. Он не вас, а Менглибая взял в расчет. По его словам, на работу пойдут все от 7 до 70 лет. В этом году во многих местах хлопка было мало, и план под угрозой, поэтому собирают с полей для сдачи государству каждую дольку хлопковой коробочки. Вот такие дела, мама.

– В такой холод, наверное, и курак сильно подморозило?

– То, что мы собрали днем, подсушивают в сушилке.

– Нелегко придется вам. Оденьтесь потеплей и подстилки возьмите поплотнее. Там наверняка сыро и мокро. Может, сегодня оставить братишку дома, на улице до сих пор снег идет? Не простудить бы его на работе.

– Э, мам, интересная вы. Вы же знаете характер этого злюки-бригадира. Вы не беспокойтесь, братика мы хорошо оденем.

Вечерний мороз пощипывал нам носы, уши и руки. Тепло одевшись, с мешками и теплыми подстилками мы пошли в сторону молхоны. По дороге к нам присоединялись другие жители кишлака. Из-за шума, смеха, громких разговоров казалось, что мы шли на той, а не на тяжелую работу. Здесь были старики, взрослые, парни и девушки, мои сверстники... Словом, и стар и млад. В толпе я узнал Сайфиддина и его брата Акбар-аку.

В старые дырявые галоши набиралась вода, очень мерзли пальцы ног. В неотапливаемой молхоне было холодно. Пришедшие раньше нас, отряхнув шапки и верхнюю одежду от снега, уже расположились вдоль пахса-стены.

– Что за дела? И вечером теперь нет покоя, – качая головой, говорили старики. В середине помещения кучей лежал курак.

Через полчаса здесь сидело около 60 человек. Помещение из-за людей немного согрелось. С шумом приступили к работе. Молхона стала похожа на базар. Я сидел между двумя сестрами.

Курак бывает, оказывается, интересным. Если один сухой, то другой мокрый. Давишь на него, и вылезает из него что-то скользкое, мокрое. Испачканные руки вытираю о подол чапана.

– Чистите только сухой курак. С остальным что-нибудь придумаем, – сказал Юсуф-ака.

– Может, выбрасывать подмерзший курак? – спросил кто-то. – Он же непригодный.

– А что на это скажет бригадир? – ответил Юсуф-ака, потом добавил: – Ты прав, Назаржон. Давайте непригодный курак отбрасывать в сторону. Норму все знаете. На всякий случай повторю – на каждого человека по 5 килограммов хлопка. Пока не выполните – не уйдете. Старайтесь, а то засидимся здесь.

¹ Бахши – народный певец.

² Курак – нераскрывшаяся коробочка хлопчатника.

– Для детей можно было бы и 2 килограмма, – сказала кашляя Нихолой-опа. – Не тяжело ли для них 5 килограммов? В такой сильный мороз не заболеют ли наши дети?

– Нихолой-опа правильно говорит. В такой холод лучше бы дома детям сидеть, – сказала укутанная в большой платок Хабиба-опа.

– Была бы моя воля, я детей, не достигших пятнадцати лет, не допустил бы к такой работе. Приказ пришел сверху, что поделаешь? Надо выполнять.

Все притихли.

– В такой скукоте уснем скоро, – сказала одна из девушек. – Вот был бы патефон, время бы незаметно прошло, и холод не так чувствовался бы.

– Это точно, доченька, – сказал дедушка Козымбек, сидящий недалеко от нас. – Если вы не против, у меня есть предложение. У нас в районе есть один прекрасный певец Бекмурод Жиров. Когда он берет в руки дутар и начинает петь, человек на неделю забывает про еду и воду. К сожалению, он всегда очень занят, разъезжает по свадьбам и праздникам. Но у нас есть один из его талантливых учеников. Это Юсуфжон.

Все были удивлены.

– Да не может быть?

– Неужели?

– Так это же здорово!

Молодежь оживилась. Все взоры были устремлены на человека, скромно очишающего курак в стороне. Казымбек-бобо подождал, пока стихнут голоса, и продолжил:

– Я знаю, Юсуфжон Турсунмуратов не только хороший табельщик, но и прекрасный певец. Он хорошо исполняет «Алпамыш», «Кунтугмыш», «Боборавшан». Поэтому лучше патефон послушаем завтра, а сегодня попросим Юсуфжона что-нибудь исполнить.

– Очень хорошо! Было бы здорово! – радостно захлопали люди.

Не утерпев, я вскочил и тоже захлопал. Мама иногда перед сном мне рассказывала дастан «Алпамыш».

Юсуф-ака, немного приподняв голову, с волнением сказал:

– Слушая дастаны, не забудем ли мы про работу?

– Об этом вы не волнуйтесь! – сказали мужчины

– Мы выполним норму! Не бойтесь этого, – зашебетали женщины.

Стало тихо, было слышно лишь шуршание раскрывающегося в руках курака и кашель детей.

– Если бы я знал, что так случится, то в чапане принес бы свой дутар.

– И это проблема? – вскочил с места Кулназар-ака. – Вы только скажите, где он находится.

– Жена, – обратился Юсуф-ака к Тенгегуль-янге, – передайте ключи от дома Кулназаржону, пусть принесет висящий на стене в гостиной дутар.

Вскоре Кулназар-ака вручил Юсуф-аке дутар в зеленом чехле.

Вдохновленный всеобщим вниманием, Юсуф-ака начал петь.

Положив дутар на колени, рассказывая об Алпамыше, он уводил слушателей в волшебный мир музыки и красивых стихов. Сердце таяло, чувства растворялись в прекрасном.

Очарованные волшебным голосом Юсуф-аки, мы уже не замечали ни холода, ни намокших под нами подстилок, ни крепкого, как камень, курака, ни пальцев в крови. Мы были полностью во власти красивого голоса и музыки.

– Товарищи... – отложив дутар и вынув часы из кармана, сказал он, – сегодня на этом закончим.

– Не останавливайтесь на самом интересном. Спойте еще.

– Я-то спою, но уже два часа ночи. Надо еще взвесить очищенный хлопок и сдать данные председателю. А завтра с утра снова на работу.

Все согласились с Юсуф-акой. Он установил треножные весы, повесил фонарь.

В это время в помещение зашел злой бригадир и увидел в руках у людей полные-полные

мешки с хлопком, на его постоянно недовольном лице появилась радостная улыбка.

– Вот молодцы! Не ожидал, – сказал он, не скрывая радости. Потом встал у весов и начал принимать хлопок. Юсуф-ака записывал. Через пять-шесть человек наступила наша очередь.

– 16 кило, – сказал бригадир, посмотрев на всех нас.

Собрав свои вещи, мы направились домой. На улице по-прежнему хозяйничала вьюга. Держа друг друга за руки, мы медленно пробирались сквозь ветер и снег. Голодные, замерзшие, стуча от холода зубами, как ни старались идти быстро – не получалось. Мы шли, а на душе звучала музыка – волшебное искусство Юсуф-аки.

Наступало утро. Новый день! Новые надежды!

ВОРОВСТВО

Сегодня было очень холодно, лютый мороз. До сих пор болеющая мама ночью глаз не сомкнула из-за бушующего за окном бурана.

Наш дом промерз. Дров не осталось ни хворостиночки ни для уचाка, ни для сандала. С горем пополам Хаитгуль-опа как-то рубила ветки высохшей урючины. Но сегодня и к ней не подойти: замерзла, тверда, как камень.

Неожиданно заболела и Хадича-опа – слегла с температурой. Хаитгуль-опа не смогла пойти в школу, так как у нее нет теплой одежды.

Все собрались вокруг сандала. Оказывается, если в нем нет огня, то изнутри в комнату дует холодный ветер. Чтоб не простудиться, мы надели на себя всю одежду, какая у нас была.

На улице, подобно голодной волчице, воет ветер. От его напора беспрерывно звенят стекла в окнах. Сквозь щели во входную дверь со свистом рвется ветер.

Вдруг в окне появилась физиономия вечно сердитого бригадира. О, товба, как не удивляться этому человеку – сидел бы в такой холод спокойненько у себя дома. И сам не успокоится, и другим от него нет покоя.

Обращаясь к Хадича-опе, заявил:

– Знать не хочу ни о каких болезнях. Оденься потеплей, завяжи пояс – и в поле. Хватит мне вашей больной матери, – пригрозил бригадир, постучав несколько раз для устрашения в окно.

Хадича-опа с трудом встала на ноги и начала собираться. Надела все теплое, что у нее было и, туго завязав голову платком, медленно вышла из дома.

Ближе к обеду замучивший землю и небо ветер немного ослаб. Я, осторожно поднявшись с постели, выглянул в окошко. Из-за того, что два-три дня мало ел, я чувствовал слабость и недомогание. Очень хотелось есть. Хотя бы пиалушку горячего чая...

«Наверное, мама и сестра тоже очень голодны», – подумал я, посмотрев на них. Они тихо лежали, укрытые одним большим одеялом. Осторожно, не желая их будить, вышел во двор.

Куда идти, что делать? Высохшая урючина, стоявшая посреди двора без веток и сучьев, превратилась в безобразное чудище из страшной сказки. На ней сверкал иней. Значит, сейчас ее невозможно ни распилить, ни разрубить. Холод пронизывает насквозь. В надежде найти дрова обошел весь двор, зашел на кухню, в сарай – ни сучка, ни веточки.

Расстроено прошел во двор Юсуф-аки и осторожно посмотрел по сторонам. Во дворе никого не было. Посмотрел на дымоход, из которого вился дым. Значит, у них есть дрова, и они дома.

Возвращаясь назад, увидел в стороне две искривленные палки толщиной с рукоятку кетменя. Осторожно нагнувшись, взял одну из них и, прижав к груди, быстро побежал в сторону нашей ошхоны. Заташив в ошхону, попытался разрубить. Полоно было очень крепким и твердым. После пяти-шести ударов от него отломился

похожий на линейку Хаитгуль-опы кусочек древесины.

Мечтая о тепле, начал усердно работать топором и не заметил, как подошла мама.

– Сынок, – сказала она прокашлявшись, – что ты тут делаешь?

– Дрова рублю, – ответил я гордо, плюнув на руки и снова взявшись за топор.

– А где взял?

– Нашел.

Мама с удивлением посмотрела на полено и спросила:

– А где нашел?

– Ну где еще, во дворе у Юсуф-аки, – ответил я, моргая глазами.

– Ну-ка, быстро отнеси назад!

– Я же не все забрал, – сопротивлялся я.

– Кому я говорю, быстро верни на место.

– Я его еле нашел, а вы отнеси на место... – я хотел показать маме, что я обижен.

– Ты еще препираешься со мной?

– ...

– Отнесешь или нет?!

– Как теперь я его на место положу, если я уже взял, – сказал я, чуть не плача.

– Не отнесешь?

– Нет.

Мамины глаза были полны ярости.

– Кто научил тебя воровству, негодник! – дала она мне пощечину.

У меня из глаз посыпались большие и маленькие звездочки. Щека от удара горела.

Первый раз в жизни я слышал слово «воровство». Смысл его мне был непонятен. Ведь я всего лишь хотел, чтоб наш дом согрелся. Чтоб сестрам и маме стало немного теплее. Из глаз хлынули слезы. Мама начала мне объяснять:

– На свете самое плохое дело – это воровство. Воровство приводит к беде, горю. Никогда не воруй. Взять чужую вещь без разрешения – это воровство. Воруют только плохие люди! Или ты тоже плохой человек? Нет!.. Я не позволю тебе этого, сынок.

Чем жить и быть плохим, лучше не жить! Запомни это на всю жизнь!

Под воздействием маминых слов я схватил палку и побежал во двор к соседям. Мама, подобрав с земли отрубленный кусочек древесины, пошла за мной.

Положив на место полено, мы собрались уходить. Из дома вышла жена Юсуф-аки Тенгегуль-янга. Увидев ее, я растерялся. На ней был новый чапан из адраса, на голове – белый шерстяной платок, на ногах – теплые зимние махси-галоши. У меня раскрылся от удивления рот.

– Попроси прощения за свои грехи у янги! – сказала мама тихо мне на ухо, теребя плечо.

Опешив после маминых слов и увидев Тенгегуль-янгу в таком богатом одеянии, я вообще растерялся и заплакал.

– Простите меня... Нечаянно я совершил воровство, – сказал, и лицо покраснело.

– Я тебя не поняла, сынок? – внимательно посмотрела на меня Тенгегуль-янга.

– Я украл у вас вот это, – сказал я и показал на валявшееся у ног полено.

Я подумал, что сейчас янга набросится на меня, но, наоборот, она мило улыбнулась:

– Что ты хотел с этим сделать? – небрежно посмотрев на деревяшку, спросила она.

– Использовать как дрова.

– У вас что, дров нет? Если надо, возьми и эту. У нас много дров. Не стесняйся. Ведь наше – это ваше, а ваше – это наше. Мы же соседи.

– Стыдно, что он не спросил, – стесняясь, сказала мама.

– Мама правильно говорит. Если что-то нужно, лучше спросить.

Очень стыдно мне стало за свой поступок. Наставления мамы и Тенгегуль-янги стали мне хорошим уроком на всю жизнь. Я очень желал стать хорошим человеком.

РАЗБИТОЕ СЕРДЦЕ

Прошло два дня. Позавтракали курутом. Хадича-опа с мамой (когда мама чувствовала себя лучше, выходила в поле на работу), взяв кетмени, пошли в поле. Хаит-гуль-опа, перекинув через плечо тряпичную сумку, отправилась в школу.

Я часто ходил с мамой и Хадича-опой в поле, но сегодня из-за простуды меня оставили дома.

Немного полежав в постели, вышел во двор. Одному было скучно. Пошел к Урин-гуль-опе, но она ушла в школу. Вернулся домой. Чем же заняться? Куда пойти?

Стоял, прислонившись к холодной пахса-стене, и вдруг увидел в конце улицы красиво-го человека среднего роста в пепельном шерстяном чапане, в синеватой ушанке с красной звездой, в кирзовых сапогах, неторопливо шагающего в мою сторону. Он шел, осматривая дома вдоль улицы, перекладывая сумку из одной руки в другую. Кроме меня его никто не видел. Мгновенно мелькнула мысль: «Наверное, это мой папа», – и... сердце часто-часто забилось. Помня мамины слова, я все же не смог удержаться. Никакая сила не смогла бы меня остановить. Сердце затрепетало, я опьянел от неожиданного счастья:

– Папа! П-а-п-о-ч-к-а!.. П-а-п-о-ч-к-а! Мой папочка!!! Если бы вы знали, как я соскучился по вам! – с громким криком кинулся я навстречу этому человеку.

Скользя по льду, падая, снова вставая, по пути теряя свои галоши, я бежал к своему отцу. Отцу! Упал, встал и снова побежал! Я уже рядом с отцом. Осталось каких-то два-три шага. Папочка! Мое сердце не могло вместить столько радости!

– П-а-п-о-ч-к-а!.. Мой любимый папочка!.. – задыхаясь, бросился я в его объятия. Грудь отца была горячей и широкой, я прыгал, смеялся, целовал его лицо. Папа тоже целовал, обнимал меня, подкидывал над головой. Оказывается одна моя галоша по дороге потерялась. От радости я даже не заметил, что бежал к отцу в одной галоше.

Я с наслаждением осматриваю его лицо, фигуру.

Долгое время мы молча всматривались друг в друга. Почему-то мой отец не был похож на моего отца. Или все отцы так неласковы к своим сыновьям? Или он не очень соскучился по мне? Я вглядывался в его не очень радостные глаза, отец тоже внимательно смотрел на меня и неожиданно задал вопрос:

– Никак не могу узнать, ты чей сын, малыш?

Папа меня не узнал. Было больно, но от долгой тоски по папе я не хотел показать ему свою обиду.

– Ваш!.. – сказал я, всматриваясь в его глаза.

Папин взгляд был очень серьезным.

– Ты меня узнал? Ну-ка, скажи, кто я?

– Вы? Вы мой папа! – не моргая ответил я.

Но папа действительно меня не узнавал. Он улыбнулся, а потом рассмеялся и спросил:

– Вот оно что. Тогда как меня зовут?

– Ваше имя? Ахмад-ота!

Услышав это, отец глубоко вздохнул.

– Ахмад-ота, говоришь... – печально сказал он.

– Да, конечно, отец. Если не Ахмад-ота, то кто же? Мне так мама сказала. Я не мог ошибиться. Я это имя повторяю и днем и ночью. Тысячу, миллион раз я произношу это имя. Я ошибиться не могу. Вас же зовут Ахмад-ота, правда?

Папа засмеялся еще раз и умолк.

– Почему молчите, папа? – глядя в задумчивые глаза и серьезное лицо отца, спросил я.

– Что сказать, сынок? – вставая и снова целуя меня, сказал он. – Не обижайся, сынок! Я... Я... Я, к сожалению, не папа тебе, я дядя. Скоро твой папа тоже вернется. Меня зовут не Ахмад, а Хатамбай. А как тебя зовут?

Эти слова вдребезги разбили мое переполненное радостью сердце. Я онемел и какое-то время не мог дышать.

– Менглибай, – сказал я тихо и навзрыд заплакал.

Дядя расстроился, нежно прижал меня к себе и дрожащим голосом сказал:

– Успокойся, Менглижон!.. Не плачь. Так соскучился по папе? Ах, ты мой любящий отца мальчик!

Дядя тяжело вздохнул. Я уже ничего не слышал. Моя надежда, радость в одно мгновение превратились в мираж, нахлынула какая-то неуправляемая волна боли и разочарования. Дядя Хатамбай утешал и успокаивал меня, но, наверное, не было такой силы, которая могла бы помочь мне.

Я уже во второй раз попал впросак. Дядя Хатамбай всячески пытается утешить меня, но откуда ему знать, что происходит в душе у ребенка, который так долго ждет своего отца? Не дослушав его, я резко повернулся и помчался домой. Шапка куда-то укатилась, рваные галоши опять слетели с ног – всего этого я не заметил. Вбежав домой, бросился на сандал и вновь разрыдался.

Постепенно почувствовал, как болят ноги. Стопы и пальцы ног были изодраны в кровь. Курпача и часть сандала были испачканы. Разодрав старую бязевую рубашку, висевшую на крючке, я крепко обвязал ею обе ноги. Но кровь проступала и сквозь тряпки.

Вскоре, запыхавшись, с моей шапкой и галошами зашел Хатамбай-ака.

– Е, Менглибай, до сих пор плачешь, что ли? Разве мальчики плачут? Стыдно... Если девчонки узнают, что скажут? Не надо, не плачь. Ноги болят? Ну и быстро же ты бегаешь... Менглибайжон, огорчился? Ну я же не могу, будучи тебе дядей, назваться твоим отцом. Ну-ка, посмотрим твои ноги! Охо! Хорошо ты их разодрал.

Он отрезал кусочек кошмы, спичкой зажег его, потушил и приложил к пятке. Кровь запеклась, боль утихла, но душевная рана все еще кровоточила. Надувшись, злой на весь мир, сидел я напротив дяди Хатамбая, а он спокойно меня расспрашивал:

– Сколько тебе лет?

Я угрюмо молчал, уставившись в одну точку.

– Не знаешь сколько тебе лет? – переспросил дядя Хатамбай.

– Шесть, – сказал я неохотно.

– А мама где?

– В поле.

– А Хадича-опа?

– Она тоже.

– А сестра Хаитгуль в школе?

– Да.

– Дома есть хлеб, пшеница?

– Было немного, но закончились.

– Что сегодня утром ели?

– Только чай пили.

У дяди Хатамбая почему-то заслезились глаза, он незаметно вытер их платочком.

– А сейчас ты голоден?

– ...

Он, открыв сумку, достал две лепешки и пригоршню рафинада.

– Не надо, – зло сказал я.

– Почему?

– Я не гадой.

– Как это понимать?

– Обычно еду подают нишим-гадоям.

Услышав такое, дядя Хатамбай весело рассмеялся:

– Это не садака, а мзорбосди¹, умничка мой. Люди не приезжают из дальних мест без гостинцев. Привозят хлеб, сладости. Понял?

Я кивнул.

– Когда вернется мама, вечером приходите к нам в гости. Побеседуем за пиалушкой чая.

¹ Мзорбосди – гостинцы.

Проводив до дверей дядю Хатамбая, я снова растянулся на сандале, размышляя о случившемся и сожалея, что не спросил у дяди Хатамбая о папе. Может, он встречал его где-то?

ДОЛГАЯ НОЧЬ ИЛИ ПЕЧАЛЬНЫЙ РАЗГОВОР

Когда мы с мамой пришли в гости к дяде Хатамбаю, теплая комната уже была полна мужчинами, женщинами, детьми. Веселых, живо беседующих людей освещал подвешенный к потолку яркий светильник. В комнате стоял шум и гвалт. Детская беготня, крики, смех.

Во главе дастархана важно восседали Казимбек-бобо и Фазилбек-бобо. Среди гостей был и мой друг Сайфиддин. Подающий гостям чай дядя Хатамбай, увидев нас, тут же встал, пригласил нас сесть. Я, как и мама, поздоровался за руки со всеми сидящими.

Когда все расселись, дедушка Казымбек прочитал молитву о мире в нашей стране, о скором возвращении солдат, о счастье и здоровье сидящих здесь взрослых и детей.

Супруга дяди Хатамбая, предприимчивая Кизан-янга, радуясь счастливому возвращению мужа, не находила себе места: то радостно смеялась, то кому-то кивала головой, держа руки на груди, то угошала кого-то.

Моя мама, обратившись к Кизан-янге, поздравила: «Будьте счастливы и здоровы, невестка, поздравляю с возвращением мужа». Я тоже присоединился к поздравлению мамы, кивнул головой и посмотрел на всех сидящих.

Дядя Хатамбай угошал всех горячим чаем.

Я с интересом осматривал дастархан. Как ни старался держаться скромно, не мог оторвать взгляда от изобилующего яствами стола: помимо больших и маленьких лепешек, сладостей, кишмиша, джиды и курутов, там было еще много неведомого мне: багурсаки, халва, масляные патиры, катлама – слюнки текли. Все будто говорило: «Если сейчас меня не съешь, то больше не увидишь».

Дядя, подав мне пиалушку чая, пригласил: «Давай бери, угошайся!..» Я-то пиалушку взял и ...застеснялся. Мне казалось, что все смотрят на меня – как же я буду кушать?

– Не стесняйся, как и все, бери, кушай.

Взрослые ели мало – они больше говорили и пили чай. А вот дети, будто на спор – кто быстрее и больше – уплетали багурсаки, патир, халву и катламу – даже крошек не оставалось. Глядя на них, и я осмелел. Мама тихо мне сказала:

– Кушай не торопясь, хорошо прожевывая, – и дала мне в руки кусочек мягкого патира.

О, какая вкусная вещь, оказывается, этот патир! Точно сказала Хадича-опа.

И я, макая и не макая в чай, вначале медленно, потом все быстрее начал кушать, надо было поторапливаться. Не зря говорила мама: «Голодный, беги от голодного!» Не только я, здесь все дети были голодными. Пока то да сё, дастархан у дяди резко опустел.

К этому времени к нам присоединились Юсуф-ака со своей семьей. Хозяева буд-то их и ждали, начали подавать горячее: вначале мясо, а потом и шурпу.

В этот вечер я впервые в жизни вдоволь и досыта наелся.

Прочитав благодарственную молитву, гости, разомлев от хорошего ужина, продолжили беседу.

Оказывается, дядя на войне несколько раз был ранен: в плечо и в ногу. Слушая рассказываемые взрослыми военные истории, я мысленно проклинал войну и людей, начавших ее.

Дети наелись и весело играли в прятки, приглашали и меня. Но я отказался. Сайфиддин сделал то же самое. Мы с другом внимательно слушали рассказы дяди Хатамбая в надежде услышать что-нибудь о наших отцах. Да разве могли нас понять дети, бегающие вокруг своих отцов... им неинтересно слушать рассказы дяди Хатамбая.

Он так интересно рассказывал о войне, что даже взрослые слушали его затаив дыхание. Мы, хоть и не были на полях сражения, но после красочно описанных дядей случаев, казалось, в чем-то участвовали.

Особенно мне понравился последний его рассказ.

– Вот уже два года как мы воюем, – начал эту историю дядя Хатамбай низким голосом, – если попадешь под вражеское наступление, ничего не стоит замерзнуть, умереть. Целыми неделями не снимаешь сапоги – примерзают даже портянки. Чтобы их высушить, нет ни времени, ни возможности.

Однажды в морозную ночь мы вступили в бой с противником. Он на той стороне реки, мы на этой. Битва продолжалась долго, над нами постоянно летали самолеты фашистов, сбрасывая на нас бомбы. Грохот, шум, пыль, стрельба, крики. Бомбы взрываются то там, то здесь, совсем рядом. Потом наши самолеты полетели.

Лес горит, пламя поднимается до неба, вокруг свистят шальные пули. От криков раненых разрывается сердце, настоящий ад, – голос у дяди изменился. – Мы молодцы!.. На что только не пойдешь ради Родины. На одну голову – одна смерть. В руках у нас автоматы. Наступило утро, река замерзла, по льду мы атаковали противоположный берег и заняли намеченную точку. Кто-то из врагов остался на поле боя, кто-то сдался, остальные на время отступили.

Наших тоже много полегло. Я был ранен в руку. Со мной был мой близкий друг Юлдошали, в этом бою он с двумя солдатами шел сзади меня. Утром после окончания боя я их не нашел, потом обнаружил их тела. Юлдошали и два его соратника попали под бомбежку. Трудно описать, что от них осталось. У Юлдошали разорвало живот и кишки вывернуло наружу, а у двух других оторвало руки, ноги, голову. До сих пор перед глазами эта картина. Плакать не мог, только сердце жгло. По приказу командира взяли документы погибших и похоронили их там же, на поле боя.

Это были красивые, сильные, храбрые и молодые ребята. А сколько их полегло в холодных лесах России, с ними их надежды, мечты. Я не смог закрыть глаза Юлдошали. Глаза, не насытившиеся жизнью... Он так и ушел с открытыми глазами, бедненький.

Будь проклята эта война!

Дядя тяжело вздохнул, уставшие глаза его стали еще печальней.

Дослушав его историю, я подумал: «Случайно, один из этих воинов, не мой ли отец?» Дядя специально не назвал их имена. Нет, это не так. Не будет же он своих родных обманывать. Если не мне, то хоть матери сказал бы. Россия большая, и война не в одном месте шла. Значит, отец воевал где-то в другом месте. Да и говорит же мне дядя: «Отец обязательно вернется». Ведь такие храбрые, сильные, прошедшие войну люди, как мой дядя, не будут обманывать. Но если это все же так, и он меня просто пожалел, я его не смогу простить.

Рассказ дяди о трех воинах заставил меня задуматься. Наверное, и у них были дети, которые, как и мы, с нетерпением ждут их. Что они, бедненькие, теперь будут делать? Всю жизнь будут ждать своих отцов? Разве это справедливо? Ах, эти изверги фашисты! У них ведь тоже есть, наверное, и родители, и дети? Если они их любят, зачем же начали войну? Вообще, чего не хватает людям?

От моих мыслей отвлек меня плач мамы. Я очень испугался за нее. Увидев, как я беспокоился, мама взяла себя в руки:

– Как жалко погибших молодых парней и их детей, ожидающих возвращения отцов, – сказала мама, посмотрев на меня, а потом на дядю.

Из глаз у дяди текли слезы. Сердце мое тоскливо заныло. Дядя больше не рассказывал про войну. Наливая нам чай, он еще раз поинтересовался нашей жизнью. И в конце разговора попросил Аллаха, чтоб у всех дома был достаток, покой и мир.

Продолжение следует...

Перевод с узбекского Рауиля АШРАПОВА

переводы

Искал тебя...

* * *

То темной думой взяты души в плен,
 А то согреты и освещены.
 Мы на дороге млечной просто тлен
 Опять с земли на небо смешены.
 Несемся вновь по Млечному пути,
 Махнуть рукой не в силах жизни вслед.
 Что в этом мире мы – и я, и ты,
 Не помнящие радостей и бед?
 Куда спешит, несется звездный мир?
 Летит как птица, а куда не знает.
 И мчится всадник времени таксир,
 И шар земной своей арбой считает.

Жизнь

Весна умчится, торопясь дождем.
 Устанет лето, ветер поджидая,
 А осень коротать судьбу вдвоем
 Придет к тебе, твоим словам внимая.

Весна

Выглядеть как ты, никто не сможет,
 Так зажечь сиянием глаза.
 Зависть всех красавиц в мире гложет,
 Ведь с тобой сравниться им нельзя.

* * *

Кокетка, ты свела меня с ума!
 Зачем открыл тебе свою я страсть?..
 Коварна ты, как пери, и нежна,
 Я так боюсь в глазах твоих пропасть.
 Чем ты красивее, тем больше холодна,
 Как те цветы, как яркая луна.

* * *

Ты есть, и сердцу нечего желать.
 Тебя оно в моей ладони ждет.
 Куда бы я ни повернул, оно опять,
 Как стрелка компаса, опять к тебе ведет.

**Икром
ИСКАНДЕР**

Родился в 1972 г.
 Окончил факультет журналистики
 НУУз. Автор поэтических сборников
 «Бир даста гул», «Баҳорни излайман»,
 «Ёмғирли фасл» и др.

* * *

Не горюй. Ведь ты же знаешь,
Путь к душе – ничей.
И не плачь. Ты ж понимаешь,
Слаб из слез ручей.
Есть огромная преграда
На его пути.
Камень тот размером с сердце
Нам не обойти.

* * *

Белый снег за окном.
Ночь бела и длинна.
А беседа вдвоем
Двум сердцам так нужна.

И пылает огонь,
Пышет жар из печи.
Дорогая, не спорь,
Посиди, помолчи.

Нам сегодня никто
Не посмеет мешать.
И туман за окном
Будет нас охранять.

* * *

Искал тебя. Все шел и шел,
Не ведая, как далеко и долго.
Так мало по прямой я в жизни шел,
Так по кривой плутал я много.

Пусть путаник и путник неумелый,
И не считал своих путей-дорог.
То от тебя бреду дорогой белой,
То вдруг к тебе ступаю на порог.

И твердо верю, что дорога – песня.
Как спеть ее о жизни и судьбе?!
Одно теперь мне в жизни интересно,
Чтоб все дороги привели к тебе.

* * *

Я так старался свой сберечь покой,
Как выразить все это, как назвать,
Как описать дрожащую рукой,
Портрет любви моей нарисовать?

* * *

Не знаю тех, кто не ленись растит
Цветок для наслаждения другого.
В твоём сердечке вырос сад обид?
В моем – прощенье запоздало снова.

* * *

И тебя этой темною ночью
Режиссер моих снов заморочил.
И назначил на главную роль.

* * *

Ничто не вечно, знаю точно я.
На этом свете ничего не вечно.
Зачем тогда боюсь разлуки я...
Ищу чего-то в жизни быстротечной?..

Быть может, ты так весела вдали,
А может, ищешь снова новой встречи.
Осушишь слезы терпкие мои,
Положишь руки снова мне на плечи.

Не стану больше я смотрящим вслед.
И не надеюсь вновь меня оставить.
Земля, вращаясь столько зим и лет,
Решит нам снова встречу предоставить.

* * *

Дождь всю ночь барабанил по крыше,
Тарахтел он то громче, то тише,
Отгремел репетицией марша
И куда-то отправился дальше.

* * *

Ручейку промолвила река:
«Пусть дорога твоя не легка,
Будь прямым – доберешься до моря,
Заиграешься – ждет тебя горе».

* * *

Когда вскипаем суетой, как море,
В смятении страшимся утонуть.
В далеком детстве на зеленой воле
Мерцает свет, нам освещая путь.

Перевод с узбекского Ларисы Юсуповой

Лариса Юсупова

Окончила режиссерское отделение Ташкентского института культуры. Поэт, писатель, переводчик.

переводы

Мухаммад АЛИ

АМИР ТЕМУР ВЕЛИКИЙ

*Роман-эпопея***КНИГА ВТОРАЯ****УМАРШЕЙХ МИРЗА¹****Глава десятая****I**

В середине осени 1376 года в Хаджитархан дошли печальные известия. Правитель Жужи улуса пришел от них в отчаяние: его средний сын Кутлуг Буга, выступивший с войском против Тохтамыш-оглана, погиб в тяжелом бою около Сабрана!..

Хан возлагал на него большие надежды, берег, считал своим преемником. Он надеялся, что сын окончательно решит вопрос с этим ублюдком Тохтамыш-огланом, который, сбежав к Амиру Темуру, запятнал честь Жужи улуса. Урусхан пришел в ярость, оттого что Тохтамыш-оглан, став правителем городов Отрар и Сабран, начал их укреплять. Хромой Темуру – хан называл его только так – хочет посеять раздор между чингизидами, настроить их друг против друга, разжечь распри. Вот и Тохтамыш-оглан, соблазнившись лживыми обещаниями и дорогими подношениями, на что-то надеется. Его следует поставить на место, прогнать в шею!

Когда назрела необходимость отправить войско в Сабран, средний сын Кутлуг Буга вызвался руководить походом, просил, чтобы именно ему дали возможность поквитаться с изменником. Хан поддержал его. Предстоящая победа подняла бы авторитет Кутлуг Буги и перед братьями, которые тоже мечтают завладеть тронном, и перед всем улусом.

Кутлуг Буга был смелым и ловким воином. В начавшемся жестоком бою его вывели из терпения беспомощность и несогласованность действий. Вместо того чтобы стоять на фланге и наблюдать за ходом боя, по необходимости руководя им, он, расшвырнув, с криком кинулся в гущу сражения. Это произошло столь стремительно, что даже его телохранитель Идику-мангит не успел отреагировать. Когда Кутлуг Буга пришел в себя, он увидел, что оказался на передовой, назад дороги нет... И справа, и слева сверкают сабли, вокруг гора трупов.

Во всей этой неразберихе Окбуга-бахрин, сражавшийся в первых рядах, случайно увидел принца. Он не поверил глазам и внимательно присмотрелся. Окбуга-бахрин не ошибся: перед ним действительно отважно бился средний сын Урусхана Кутлуг Буга! Он торопливо натянул лук и прицелился во врага. Окбуга-бахрин был отличным стрелком, но внезапно потерял принца из виду. Кутлуг Буга то появлялся среди нукеров, то исчезал, ловко орудуя саблями. Окбуга-бахрин, затаившись, стал ждать. Сын Урусхана, не подозревавший, что находится под прицелом, рано или поздно обнаружит себя. Наконец, вот он совсем один, рядом никого... Окбуга-бахрин натянул лук... и смертельная стрела со свистом вонзилась в грудь Кутлуг Буги. Наследник Жужи улуса, упав с лошади, испустил дух. Среди воинов началось замешательство: преждевременная смерть их предводителя поубавила пыл.

¹ Продолжение. Начало в № 2 за 2016 год.

Окбуга-бахрин поспешил в ставку, чтобы сообщить радостную весть Тохтамыш-оглану. Довольный амир повернул лошадь. Но вдруг две случайные стрелы, будто ниоткуда появившиеся, вонзились в грудь Окбуга-бахрина. Он замертво рухнул с лошади.

Смерть Кутлуг Буги должна была погасить боевой запал воинов, однако войско Урусхана в исступлении, с новой силой набросилось на противника. Бешеный напор нукеров испугал воинов Тохтамыш-оглана, в результате войско дрогнуло. Тохтамыш-оглан, обладающий лишь громким именем – «потомок Чингизхана» – и не имеющий ни таланта полководца, ни опыта ведения боя, бросив войско, успел бежать. Нукеры Кутлуг Буги преследовали его, как загнанного волка. Отрар и Сабран – вилайеты Тохтамыш-оглана – были жестоко разграблены, мужчины уничтожены, а женщины и дети взяты в плен. Узнав об этом, хан Жужи улуса Урусхан от ярости не мог произнести ни слова и лишь шумно вздыхал: «Пуф! Пуф!»

– Достать хоть из-под земли и привести ко мне Идику-мангита и Казанчи-бахадур! – приказал разъяренный хан.

– Почему ты упустил Тохтамыш-оглана? – сдвинув брови, строго спросил хан только что вошедшего Идику-мангита.

Идику-мангит, один из самых смелых и отважных амиров улуса, перед ханом выглядел побитой собачонкой.

– Я не уследил, мой повелитель! Мы проворонили! – жалобно промямлил Идику-мангит. – Проворонили-и-и-и!..

– Кутлуг Бугу не устерег, упустил Тохтамыша! – продолжал задыхаясь хан. – Я тебя, мангит, привяжу к хвосту лошади и пушу ее вскачь всем на смех! Собаки будут нюхать твоё вонючее мясо!

Потом набросился на Казанчи-бахадур:

– Где Тохтамыш? Ты же хвалился, что поймал его, ну и где он, поймал? Что это за победа? Упустили главного! Мне нужен этот ублюдок!.. Где он? Где, говорю? Я бы отомстил за своего сына Кутлуг Бугу!.. Пуф-ф!.. Я бы вырвал его сердце и, зажарив, съел! Съел бы его сердце!.. Его сердце!!!

– Правитель мира! Я шел по его следу... Я хотел привести его к вам, как собаку на ошейнике. Я хотел его проучить... – оправдывался Казанчи-бахадур, ползая на коленях и целуя полы халата хана. – В суете я, растяпа, проморгал Кутлуг Бугу...

– Шел по следу Тохтамыша?.. Если шел по следу, то где он?.. Говори, собачье отродье!..

– Он сбежал с поля боя! У него быстрый конь, говорят, иноходец Амира Темура, мой повелитель, мы не могли догнать...

– Растяпы! Упустить такую возможность! Дураки! Вас надо повесить на столбе!..

Казанчи-бахадур какое-то время стоял молча с опущенной головой, потом заискивающе заговорил:

– Мой владыка! Я пришел не с пустыми руками! Пока вместо Тохтамыш-оглана я привел одного влиятельного амира...

– Что? Влиятельного амира?.. Пуф-ф-ф!..

– Привести!

Казанчи-бахадур, передвигаясь по-медвежьи, приташил связанного пленника – с реденькой бородкой и жиденькими усами крепыша Урунга Темура, раненного и потерявшего сознание на поле битвы.

– Урунг Темур?! Это ты?

Урунг Темур, прихрамывая, подошел к хану и повалился на колени.

– Смилюйтесь, повелитель!

– Что случилось?.. Развяжи его! – приказал Урусхан.

– Помилуйте вашего раба, мой повелитель! Моя жизнь в ваших руках, – умолял на коленях пленник.

– Говори!

– Я... поклялся, что всегда буду рядом с Тохтамыш-огланом... Я не мог нарушить клятвы...

– Хмм! Поклялся, говоришь?

– Помилуйте... – Урунг Темур не смел поднять глаз на хана.

Во дворце повисла тишина.

– Ну, скажи, что ты видел во дворце хромого Темура?

Урунг Темур, едва придя в себя, без утайки рассказал обо всем, что видел в Самарканде. Урусхан, не перебивая, внимательно слушал его.

– За то, что ты остался верен клятве и сказал правду, я прошая тебе твой грех... – неожиданно произнес Урусхан.

Идику-мангит онемел от великодушия правителя.

– Слава самому великодушному из великодушных! – Урунг Темур, не веря, что помилован, целовал ноги хану.

– Знаешь, как ты загладишь свою вину?

Приказывайте, мой господин! Приказывайте! – ожил Идику-мангит. – Скажете войти в воду – войду в воду, прикажете в огонь – в огонь...

– Много говорить не буду. У меня нет такой привычки. Срочно поедешь во дворец хромого Темура! И разъяснишь этому хромцу... Пусть с нами не шутит! Мы потомки Чингизхана! Пусть помнит! Пусть по-хорошему передаст нам ублюдка Тохтамыша, убившего нашего сына! А если нет, пусть назначит место сражения! Понял?

– Понял, повелитель, понял! – склонив голову, промолвил Идику-мангит.

В это время доложили, что Тухтакия готов отдать почести правителю.

– Жду вашего приказа, мой повелитель! Бахадуры и джигиты ждут снаружи...

– К сожалению, Тохтамышу удалось сбежать, эти растяпы его упустили. А жизнь Кутлуг Буги оказалась короткой... Да, вот такая у меня участь... – посетовал Урусхан. – Дорогой сын! Живо собирай войско, зови амиров! Отправь людей в Буртас, Сарайчик, Башкирд и Крым! Подтяни и амиров Тохтамыша! Алибек-кунгирата... Вон и Урунг Темур здесь...

– Будет исполнено, мой повелитель! – сказал Урунг Темур. – Я буду рядом с принцем!..

– Самым алчным пообещай денег, подарков... Не жалея казны! Нужно идти в поход на Сигнак! Кажется, хромой Темур еще не знает нас, какова наша сила. Он, пожалуй, вновь пошлет Тохтамыша с войском, тот у него теперь на побегушках. Точно пошлет, не сомневаюсь! Нужно быть готовыми. Тохтамыша поймать! Но привести живым! Жи-вы-м! Пуф-ф!.. Понял?..

Тухтакия, словно не видя страданий отца, равнодушно смотрел на него, а в голове мелькало: «Только и слышно: Кутлуг Буга! Кутлуг Буга! Все ему, все для него... Даже на курултае, отец сказал, что Кутлуг Буга – наследник Жужи улуса, хотя у него есть старший брат! Вот и на нашей улице праздник! Теперь Тухтакия стал нужен?»

Он хотел поддеть отца, съехидничать, но не решился и заговорил совсем о другом:

– Если... я поймаю Тохтамыша...

Урусхан, выпучив глаза, уставился на Тухтакию.

– Ну... поймает... Говори, что там у тебя на душе?

– Если я поймаю Тохтамыша, – продолжал принц не смущаясь, – вы мне пожалеете вилайет Хаджитархан?

Если в такой момент не потребовать свою долю, то он – первенец – так и останется ни с чем. Ничего у него нет: он не правит ни одним вилайетом, да и во дворце к нему нет должного уважения...

– Не зря говорил один страдающий бедняга: я об одном пою, а мой кобуз о другом... – с болью сказал Урусхан. – Мяснику – туша, козе – смерть... Ладно, ладно...

Хаджитархан будет твоим, твоим! Бери!.. О боже! Ведь весь Жужи улус ваш, дура-леи! Я с собой в могилу все унесу что ли, сколько мне еще осталось!

II

Когда Тохтамыш-оглан во второй раз пришел как побитая собачонка к Амиру Темуру, тот великодушно не стал указывать на его промахи и ошибки, по-прежнему был ласков и милостив к нему. Снова дав войско, он отправил с ним Амира Улжайту-опарди, благословив на повторный поход. По расчетам Сахибкирана, Тохтамыш-оглан должен был давно взять Сабран и прислать в столицу весть о триумфальной победе. Однако прошло два месяца – вестей все не было...

Это не на шутку беспокоило Амира Темура.

Наконец, из Хумаюн урды пришел высочайший указ правителю Хутталана Мухаммаду Мираку: «Срочно отправиться к Тохтамыш-оглану. Пожелать ему быть смелым в вопросах, касающихся салтаната, и упорным в достижении триумфальной победы!» На самом деле Мухаммад Мирак сам обратился к Мухаммаду Чурагадодхаху, мол, если Амиру Сахибкирану будет угодно, то он готов привезти новости от Тохтамыш-оглана. Амир Темур всегда поддерживал смелых и храбрых, тепло отзываясь о них.

Мухаммад Мирак отправился в путь. С шестьюдесятью воинами, обойдя бескрайние степи, он был на подходе к Сабрану, у притока Сырдарьи, своенравной и глубокой речки Арис. За быстротекущие воды ее называли иногда Довдирсай¹. Моста поблизости не было. Воины надеялись найти брод.

Вдруг Мухаммад Мирак услышал чей-то стон, доносившийся из глубины роши... Встревоженный амир не стал никого отправлять туда, а сам поспешил в заросли. Дорогу преградил наискось упавший крупный тополь. Послышалось обессиленное фыркание лошади.

Мухаммад Мирак подошел поближе и увидел, что на небольшой полянке на сухой траве... лежит в беспмятстве окровавленный голый принц Тохтамыш-оглан! Он не поверил своим глазам! Немало удивившись, он возблагодарил Бога, что человек, которого он искал, оказался перед ним.

Рана на правой руке, голод и сильная жажда обессилили Тохтамыш-оглана. Чуть поодаль около дерева стоял скакун с искривленным золотым седлом и серебряной уздечкой, валявшейся на земле. Мухаммад Мирак впервые в жизни видел слезы в глазах лошади. Знаменитый конь Амира Темура! Он был восхищен умом и удивлен верностью животного.

– Мой принц! Что случилось? – участливо спросил правитель Хутталана, наклонившись над Тохтамыш-огланом.

Тот с трудом открыл глаза. Кто это? Друг? Или враг? Сквозь туман стала вырисовываться ухмыляющаяся рожа, кажется, это убийца Казанчи-бахадур...

– А-а-а!.. Это ты?.. Подлец Казанчи! Проклятый враг!..

Тохтамыш поспешно протянул руку к оружию, но тут же вскрикнул от боли.

– Это я, я! Мухаммад Мирак! Я не враг, не волнуйтесь!.. Помните, вы меня прозвали палваном за мой завидный аппетит. Палваном!..

– Палван? Какой палван? Пошел прочь! Хм-мм-мм!..

– Это я, правитель Хутталана Амир Мухаммад Мирак! Друг, с вами ваш друг! Амир...

– А-а-а... господин амир... Палва-а-а-н... Так бы сразу и сказали... Я думал, это Казанчи... Да-а... Вы рядом... Рядом со мной... мой верный раб...

Довольный Мухаммад Мирак позвал воинов, они одели принца и бережно перенесли его в сооруженную палатку. Амир обработал рану больному и напоил целебным

¹ Довдир – взбалмошный.

снадобьем. После легкого обеда Тохтамыш-оглан почувствовал себя лучше. Затем вопросительно посмотрел на «палвана», мол, откуда вы здесь появились.

– Мы вас искали, мой принц! Амир Темур отправил нас к вам, чтобы узнать, каков результат третьего сражения. Государь обеспокоен. Я сам вызвался искать вас. Ваш преданный раб у ваших ног... Мы шли к Сабрану. Амир Темур передал вам пожелание быть смелым в вопросах, касающихся салтаната, и пожелал вам проявить упорство в достижении триумфальной победы...

– Мы благодарны за милость великого государя... Но, к сожалению, мы не стали достойным сыном... Эх!..

Измученный Тохтамыш-оглан, дав понять, что больше не хочет говорить, откинулся на подушку и тут же заснул. Мухаммад Мирак вышел из палатки, чтобы дать ему отдохнуть и распорядиться насчет скакуна Ханоглана, которого надо было покормить.

Узнав подробности третьего сражения от Тохтамыш-оглана, он, выдавший многие сражения воин, пришел в ужас.

...Сражение началось стремительно, воины вели себя дисциплинированно и храбро. Войско Тухтакии хоть и казалось немногочисленным, но в первый день силы были равны. Во второй день боя вражеское войско было вялым и казалось, что враг намерен отступить. Отступление врага – победа Тохтамыш-оглана!

Действительно, через какое-то время на поле боя послышались победные крики: «Враг отступил!», «Противник бежит!». Вне себя от радости Тохтамыш-оглан крикнул с холма:

– Победа за нами, джигиты! Противник отступает! Отступает! Следуйте за ним, уничтожить всех! Вперед, за врагом! – далеко слышен был его тонкий голос.

Воины дружно подхватили:

– Вперед, за врагом!

– За враго-о-ом!

– Преследуй врага-а-а! Бегут! Бегут! Враг отступает!

Но неожиданно появился Амир Улжайту-опарди и, увидев преследующих воинов Тохтамыш-оглана, взмолился:

– Мой принц! Ошибка! Это уловка противника! Нельзя преследовать врага! Отдайте нукерам приказ вернуться! Нам надо здесь дожидаться рассвета! Отдайте приказ, мой повелитель!

Однако голос опытного амира потонул во всеобщей неразберихе и суматохе.

Радость Тохтамыш-оглана длилась недолго. Тармачук внезапно доложил, что с левой стороны из-за высокого холма показались какие-то воины. Удивленный принц поглядел в ту сторону и был оглушен криками:

– Хай-йо! Хай-йо!!! Дави! Дави-и-и!

– Это что за войско? – спросил пораженный Тохтамыш-оглан.

– Не знаю... – ответил Тармачук, покрывшись холодным потом.

– Войско Тухтакии? Но мы же его преследуем? Они что, вернулись? – пытался успокоить себя принц.

Вдруг, откуда ни возьмись, справа тоже послышались крики:

– Хай-йо! Хай-йо!!! Хай-йо-о-о!!! Да-а-а-ви!..

Тохтамыш-оглан похолодел! Негодяй Тухтакия! Это его уловка! Амир Улжайту был прав! Все: и малочисленность войска, и неповоротливость воинов, и отступление – хитрая задумка врага с целью заманить воинов принца в ловушку, а затем из засады броситься на Тохтамыш-оглана и взять его в плен, а воинов окружить и уничтожить! Ах, как же поздно он это понял! Почему не послушал Амира Улжайту, по-че-му?..

В этот момент Тармачук увидел, как издалека вихрем несется чей-то конь, и его маленькие глаза расширились от ужаса:

– Мой принц! Вы видите?.. Нам несдобровать! Сзади тоже враг! Надо быстрее бежать! Нельзя медлить! Бежать! Поскакали!..

Неожиданно прозвучал окрик:

– Стой, подлец проклятый!

Принц посмотрел на приближающегося всадника, который нетерпеливо подстегивал коня и... узнал Казанчи-бахадур, который упустил случай настигнуть его после второго сражения!

– Умоляю вас! По коням! Быстрее! Быстрее! – волновался Тармачук...

«Побег – единственное решение! Побег еще не поражение!» – подумал Тохтамыш-оглан.

Почувствовал принц себя бессильной былинкой, ловко вскочил на коня, и Ханоглан полетел прочь. Тохтамыш-оглан невольно удивился чуткости иноходца, сразу понявшего, что нужно делать.

На самом деле Ханоглан очень соскучился по Самарканду. В столице, возможно, он бы увидел Амира Темура, который приласкал бы его, покормил изюмом...

Его хозяин, потерпев поражение, должен бежать, спастись. Ханоглан почувствовал это и летел как ветер, не чувствуя под собой ног, мимо ушей и скал, через поля и кишлаки домой, в Самарканд! Он несся как быстрокрылая птица, едва касаясь земли, вытянувшись в тонкую стрелу. Тохтамыш-оглан, вцепившись в серебряные поводья, пригнулся к шее скакуна. Издали казалось, что конь скачет один, без всадника.

Воины Тохтамыш-оглана, бросив поле боя, поскакали вслед за ним, но, как ни старались, не могли догнать стремительно мчащегося Ханоглана. Всадники противника настигали беглецов. Тохтамыш-оглан внезапно услышал крик Тармачука: «Рассыпаться! Разбре-е-е-стись!» Воины торопливо сыпанули в разные стороны.

Амир Улжайту-опарди и десять-пятнадцать воинов скакали за Тохтамыш-огланом до Довдирсай. В это время из ущелья выскочило двадцать-тридцать вражеских нукеров, которые кинулись наперерез. Сзади наседали другие. Чуть поодаль слышались оскорбительные выкрики Казанчи-бахадура. Между тем подоспел Амир Улжайту-опарди и вступил в бой с преследователями. Силы были не равны. Амир Улжайту-опарди сражался ожесточенно, ловко орудуя саблями.

Много солдат полегло от его меча. Казанчи-бахадур спешно повернул в его сторону. После небольшой словесной перебранки они начали штыковой бой, но результата не было, тогда схватились за сабли.

Оба одинаково искусно владели этим оружием. Амир Улжайту-опарди, уловив момент, нанес ловкий удар по голове противнику, но Казанчи-бахадур увернулся и, отдышавшись, начал ответную атаку. Бой был равный, слышался только звон сабель.

Неожиданно Амир Улжайту-опарди почувствовал легкость в руке, державшей оружие: его победоносный меч, десять лет прослуживший ему верой и правдой, на сей раз подкачал, сломавшись у самой рукоятки! Он поспешно попытался снять с плеча булаву, но не успел. Казанчи-бахадур, с налитыми кровью глазами, не считаясь с возрастом противника, беспощадным ударом снес голову пожилого амира, как незрелую дыню. Голова великого воина, никогда не склонявшаяся перед врагом, покатила по земле...

Казанчи-бахадур тут же помчался по следу Тохтамыш-оглана. Подстегивая своего иноходца, бахадур стремительно настигал Ханоглана, несмотря на то что земля после дождя была рыхлой.

Ханоглан долетел до реки Довдирсай. Скорость богом береженого коня была так велика, что если бы он и захотел остановиться, то уже бы не смог.

Издалека казалось, что на коне сидит не потомок доблестного Чингизхана Тохтамыш-оглан, а болтается что-то безжизненное, наполненное хламом и похожее на старый слабо перевязанный мешок.

Чувствуя за собой дыхание врага, Ханоглан стремительно прыгнул в речку

Довдирсай!.. Когда Казанчи-бахадур натянул поводья и остановился, Ханоглан был уже в шестидесяти шагах от берега. Иноходец плыл, как акула, ловко лавируя в бурных грязно-коричневых волнах. Бахадур не раздумывая натянул тетиву лука и прицелился в голову Тохтамыша. Он был отличным стрелком (говорили, что он муху на лету собьет) и уже готов был выпустить стрелу, как вспомнил приказ хранителя мира Урусхана: «Привезешь мне Тохтамыш-оглана живым!» Его нельзя убивать, надо подстрелить. Он тут же изменил направление стрелы...

Стрела попала в правое предплечье, разорвав локоть. Тохтамыш-оглан прижался к седлу. Кровь, хлынувшая из руки, окрасила воду. «Если накалить кинжал и прижечь рану, то кровь остановится, – застонав, подумал Тохтамыш-оглан. – Хорошо, что стрела попала в руку, если бы чуть левее, то конец...»

Глава одиннадцатая

I

Подлая выходка Зиндачашма-опарди наделала много шума в Самарканде. Все, кто приходил на базар, видели страшное чучело опарди.

Проклятия сыпались на него со всех сторон.

– Вот, Йанал... Этот подлец наконец получил, что хотел! – сказал Ахий Джаббар-бахадур стоящему рядом парню. – Кто другому роет яму, сам в нее и попадет.

– Такова судьба, – буркнул по-философски настроенный крепыш Йаналтекин. – У него на лбу так написано...

– Ты прав, что на лбу написано, то и будет. Никто не избежит своей участи. Но Всевышний расписал для своих рабов хорошие и плохие дни, – заметил Ахий Джаббар-бахадур. – День состоит из светлого времени и ночи. К какой части дня стремиться – решает сам человек. Зиндачашм-опарди стремился только к темной...

– Он еще легко отделался, проклятый... – вмешался в разговор Учкора. – Наш государь проявил великодушие, простил однажды его предательство, даже устроил пир и одарил ценными подарками, заботясь об авторитете этого нечестивца. И после такой милости... он снова затеял покушение на правителя.

– Не дай бог никому такого...

– Если такое случится, я себя порешу... это уж точно! – решительно и важно заявил Учкора. И тут же затыкнул свою любимую песенку:

*Земля не насытится дождем,
А жена – мужем... никогда-а...*

II

В такяхане¹ можно было встретить разных людей: амиров, бахадуров, купцов, иногда чиновников. Сюда приходили люди, которые надеялись побаловаться кукнаром и даже попробовать гашиша.

Иногда заходили и дервиши в разном тряпье, в конусообразных шапках с медными кашкулами² за плечами. Им тоже здесь находилось местечко.

Люди чувствовали себя здесь раскрепощенными, значительными. Такяхане открывались преимущественно чужеземцами. Но это такяхане принадлежало одному богачу из Ургута, а руководил всем его представитель Уста Шункар. В Самарканде было много таких заведений, но это было самое известное, его так и называли «Уста Шункар», а если заходила речь о времяпровождении, то многие предлагали: «Пойдем к Уста Шункару!».

¹ Такяхане – место, где люди весело проводят время.

² Кашкул – сосуд продолговатой формы, служивший дервишам для сбора подаяний.

Под стать своему имени Уста Шункар был крупный, богатырского телосложения, никогда не унывающий и веселый мужчина с вечно красным носом. Двигался он, несмотря на свои размеры, очень проворно. Летом двор такяхане превращался в райское местечко, от большого арыка, протекающего через двор, веяло прохладой и свежестью. Зимой люди сидели в большой комнате, десять сури¹ всегда были заняты, вокруг всегда было шумно.

Когда Ахий Джаббар-бахадур с приятелями вошли, то увидели, что нет ни одного свободного сури.

– Здравствуйте, Уста!... – сказал бахадур.

– Мир вам, бахадур!

Уста Шункар как всегда радостно направился к гостям.

– Садитесь на сури в левом углу, господа бахадур!... Это место я приберег для особых гостей...

Ахий Джаббар-бахадур раньше был здесь частым гостем, но после женитьбы на Оккиз ни разу сюда не заходил, потому что его райским местом была та небольшая комнатка в Боги Чинаре, в которой жила Оккиз, ставшая для молодоженов лучше царских палат. Но Учкора, Йаналтекин и другие воины не отставали: «Поздравляем, поздравляем! Когда пригласите обмывать?» К тому же он, хвастаясь как-то, пообещал, что устроит застолье.

Каждый раз, когда Ахий Джаббар приходил сюда, невольно вспоминал кофейню Нозима Мехмета во времена сарбадаров, и сердце его сжималось (она находилась на другой улице, сейчас этой улицы нет). Потом воспоминания оживали одно за другим. Прямодушный Абу Бакр Калави, стремящийся всегда говорить красиво... всезнающий студент Мавляназаде... честный и смелый лучник Хурдак Бухари... Шахрияр, Калтатай... другие сарбадары... Рано погибшая Жахан-бика... Какие были времена! А теперь все прошло, прошло...

Джигиты направились в угол.

Поодаль через два сури сидело трое мужчин. Один из них, скорее всего, хозяин застолья – худощавый мужчина, косой на левый глаз, с вытянутой головой и низким голосом, зимой и летом одевающийся в один и тот же наряд – три чапана, надетые друг на друга, – что-то рассказывал. Рядом с ним низкорослый толстяк, иногда отвечающий собеседнику, похлопывая его по плечу и смеясь тонким голосом. Третий в разговор не вмешивался.

Ахий Джаббар-бахадур встречал их, не считая третьего, здесь не раз. Общительные Худой и Коротышка вокруг себя постоянно собирали людей, их истории считались самыми интересными и смешными, к тому же они были в курсе всех новостей.

– Нужно отдать должное Амиру Сахибкирану, он не раз проявлял к нему великодушие и милость... – пробасил Худой.

Бахадур понял, что речь идет о Зиндачашме-опарди.

– Знаешь... Кто ведет нечестную жизнь, тот будет бит палками. Давайте прекратим о нем разговор! Еще его злосчастье нас коснется, ака! – махнул рукой Коротышка.

– Ты прав, братишка, – подтвердил Худой. – Оставим его. Но меня беспокоит одно...

– Что, ака?

– С Золотой Ордой у нас отношения ни к черту. Скорее всего, будет война. Война – скверная штука. Пусть беда пройдет стороной...

– Да, ака, – согласился Коротышка. – Я слышал, что Камариддин-дуглат напал на Андижан.

– О боже! Вот подлец! Снова?

– Правитель Хорезма подтянул войска к Бухаре, а Махмудшах Бухари взял и открыл им ворота.

¹ Сури – высокий настил из досок на четырех столбах.

– Махмудшах Бухари – отличный танцор, – засмеялся Худой. – На свадьбе Султан Махмуда – сына Амира Кайхусрава – так плясал! Я сам свидетель...

– Да... танцоров много, танцоров, – многозначительно покачал головой Коротышка.

– Этим негодьям нужно прикрутить хвосты! Поняли? – вмешался в разговор третий, сидевший спиной к бахадуру.

Недалеко от них на соседнем сури сидело человек пять. Они беззаботно играли в нарды.

В левом углу на самом дальнем сури сидела тройка друзей, которых собрал известный в Самарканде еще крепкий и бодрый восьмидесятилетний Эсон-бува, живущий в махалле Наддоф. Один из приятелей был из Ургута, другой из Замина, они частенько приезжали навестить старика. Эта троика потягивала кальян, пила кукнар, философствуя, как обычно, о превратностях судьбы. Вот и сейчас Эсон-бува затянулся в очередной раз, шумно и прерывисто выдохнул, а затем произнес никому не понятное загадочное слово: «Куршо-о! Куршо-о!» Люди давно привыкли к его странностям.

Эсон-бува протянул кальян приятелю, сидевшему спиной к Ахий Джаббар-бахадру. Тот пару раз затянулся и передал ургутцу. Каждый раз, когда затягивали, кальян издавал сильный звук. Курительный прибор пошел по кругу.

– О бесконечный мир!.. Тесный и одновременно просторный! – воскликнул Эсон-бува, затянувшись очередной порцией курительной смеси. – Если хочешь увидеть мощь Бога, глянь на высокие горы! Ух-ху-у!.. Ох-хо-о! Глянь на бездонные моря, на резвые реки, мчащиеся как горные козлы и резвые жеребцы!.. Куршо-о-о! Куршо-о-о!..

На скатерти перед Ахий Джаббар-бахадуром и его приятелями появились кушанья, затем в толстобоком ушастом узорчатом кувшине появилась буза. Учкора поспешно начал ухаживать за всеми. Выпили по первой, согрели горло. Ахий Джаббар-бахадур, глядя на курящих в углу, вдруг что-то вспомнил и сказал:

– Однажды Эсон-бува взял несколько незрелых коробочек кукнара, завернув в носовой платок, замочил, а затем, тщательно отжав, переложил их в фарфоровую касу¹. Глядя на чистый темно-коричневый, как янтарь, сок он задумался – это же самое бесценное в мире наслаждение... Нет, не в том оно, что надо пить кукнар, а в том, какое перед этим испытываешь искушение...

– Ох! Ох! – воскликнул один из сидящих слева.

– Действительно, поставив перед собой касу с кукнаром, Эсон-бува с наслаждением погрузился в мысли, предвкушая предстоящее удовольствие. В это время внезапно прилетела большая птица Семург и призывно махнула крылом, Эсон-бува, мол, держи меня за ноги. Она же умная птица. Эсон-бува поспешно схватил ее за ноги. И когда она хотела подняться, внезапно появившийся заминский приятель закричал: «Эй, я тоже здесь!» – и схватил старика за ноги. Семург, раскинув огромные крылья, летела, летела и летела, наконец, приземлилась в одном месте. Глядь – в большом кувшине кипит золото!..

– И где это, мы бы тоже туда отправились, – кто-то слева вставил словечко.

– Меня тоже возьмите с собой! – вмешался еще кто-то.

Все стали прислушиваться к Ахий Джаббар-бахадру. Привыкший к таким шуткам Эсон-бува, знавший бахадура, добродушно посмеиваясь, смотрел на него.

– ... Эсон-бува и его приятель кинулись к золоту и начали набивать им карманы! – продолжил бахадур. – Семург взлетела. Когда они поднялись к самому небу, довольный Эсон-бува сказал своему приятелю из Замина:

– Ты видел, какой огромный был кувшин! Я такого никогда не видел! Во-о-о-о! Повезло же нам!

– Да не очень он и большой, – проворчал зааминец. – Нет-нет... Обычный кувшин.

¹ Каса – чашка.

– Говоришь, небольшой? Э-э-э! Очень большой!..

– Кувшин как кувшин! Ма-лень-кий! У нас таких много! – не уступал приятель. – В горлышко даже рука не помешалась... я замучился, пока доставал золото.

Спор не прекращался. Эсон-бува вышел из себя и заорал:

– Хай! Ие! Что ты препираешься! Не выводи меня из себя! Ты же видел, какой огромный был кувшин, а сейчас твердишь обратное, а?! Я же тебе говорю, кувшин был как тандыр! Да, как тандыр! Ты же сам видел! Приблизительно во-от такого размера! – Эсон-бува сердито развел руками, отпустив ногу птицы Семург! И они оба стремительно полетели вниз. Испуганный Эсон-бува очнулся, смотрит, каса лежит перевернутая, и выжатый сок кукнара весь вылился. Задумался он, оказывается!

Раздался оглушительный смех! Особо выделялся низкий хохот Худого и звонкое хихиканье Коротышки. Эсон-бува и его приятели тоже весело заливались смехом.

В этот момент человек, сидевший спиной к Ахий Джаббар-бахадру, бросил на него быстрый взгляд. Бахадур опешил: это был Амир Муса! Десятник до этого слышал, что амир иногда собирал здесь своих друзей – Амира Кайхусрава, Зиндачашма-опарди и других – покурить кальян. Они с давних пор, приезжая в столицу, навевались сюда. После того как Амир Муса женил своего сына на дочери Амира Темура, он стал завсегдатаем этого заведения.

Ахий Джаббар-бахадур сделал вид, что не заметил амира, и наклонился к угощениям.

Внезапно кто-то из играющих в нарды начал рассказ:

– До этого тоже произошел интересный случай. Однажды Эсон-бува в присутствии своих приятелей, отжав в касу кукнар, замечтался. В комнату влетела испуганная кошка. Все стали ее гнать с криками «Хай! Хай!». Обезумевшая кошка заметалась по комнате и угодила одной ногой в касу с кукнаром! Друзья призадумались.

– Ие! Что теперь будем делать? Кукнар чистый или оскверненный? – спросил Эсон-бува. – Такого раньше со мной не происходило.

– Теперь кукнар нельзя пить! – сказал один.

– Нужно спросить у почтенного имама! – посоветовал другой.

Они отправили к имаму человека.

Почтенный имам вынес решение: «Быстро найдите эту кошку и отрежьте ей ту ногу, которой она угодила в касу! Ее нога стала оскверненной!»

Снова раздался всеобщий хохот.

Худой и Коротышка, уловив настроение присутствующих, многозначительно переглянулись, настало время острот.

– Ты, братец, коротышка, а я худой, – начал Худой.

– Да, ака, я коротышка.

– Аллах создал нас такими! Все от Бога, – сказал Худой. – Было, оказывается, двое похожих на нас, один – худой, другой – коротышка.

– Даже так! Эх вы, – усмехнулся Коротышка. – Так бы прямо и сказали, что это вы и я!

– Отгадал – ты и я! Знаешь, я, худой, всегда думаю о тебе, о коротышке: не так ли сильно он расстроен, не слишком ли он низкорослый...

– Спасибо, ака... Знаю, что вы отличный садовник, – начал остроту Коротышка.

– Да, я известный садовник.

– Вы очень искусный садовник, известный по всему краю своими фруктами.

– Всему.

– Вы хороший садовник, ака, но я узнал, что вы все деревья в саду посадили чужими руками... – подколот довольный Коротышка. – А я все своими руками делаю.

– Своими руками? И они плодоносят?

– Ну, ака, даст бог, в следующем году...

Худой умекнулся:

– Ладно, не расстраивайся. Будешь ждать, когда наступит следующий год? Пока, братец, наши плоды поешь...

Такихане вновь взорвалось дружным хохотом. Не удовлетворившись, Коротышка перешел к неприличным островам.

– Вы, ака, хороший музыкант! – сквозь хохот присутствующих прокричал Коротышка.

– Я, братец, отличный музыкант.

– В этом доме много музыкальных инструментов, вы, ака, кажется, плохо видите, – продолжил Коротышка. – В ваши руки попал мой инструмент, а вы, думая, что это ваш, крепко схватились за него и не отпускаете, ака.

Снова взрыв хохота, особенно выделялось звонкое хихикание Коротышки.

– Ты прав, как попал мне в руки твой инструмент, я и сам не знаю, – Худой на секунду задумался. – Я еще думаю, что это он такой маленький... Да, я слегка косоват, мог и не увидеть... В этом доме много музыкальных инструментов, я ищу камон¹. Скажи, этот камон или этот?

Горлинка, напуганная гогом, со страху улетела. Всех восхитила смекалистость Худого, давшего шекотливый ответ. Коротышка показался еще ниже ростом. Амир Муса вытер слезы, выступившие от смеха.

Остроты могли продолжаться, но кто-то из играющих в нарды, вдруг раскричался и испортил все.

– Ничего подобного! Рисунок этой нарды был вот такой!

– Знай, что говоришь! – перебил здоровяк первого. – Не такой, а такой! У тебя глаза или просто дырки? Я же тебе говорю, что на нарде узор был сверху, шел сверху вниз!

– Я ему одно, а он долдонит другое! О боже! Ты так не говори! Узор был снизу! Вот тут снизу...

– Вай, а я говорю тебе, сверху!

– Снизу, говорю, снизу!

– Сверху же, говорю тебе, головотяп, сверху! Не выводите меня! Он в своем уме...

– Снизу! Я говорю, снизу! Вот растяпа! Ха-ха-ха!

– Ты что, дурак?!

– Сам дурак! Понял?..

Здоровяк вышел из себя и закричал:

– Да простит Бог! Да простит Бог! Клянусь головой Амира Темура, узор на нарде был сверху, спускался сверху!..

Кровь ударила в лицо Ахий Джаббар-бахадур. Он вскочил и без слов отвесил пощечину здоровяку.

– Эй, негодный, сын прачки! – закричал Ахий Джаббар-бахадур. – Думаешь, что говоришь! Ты хочешь прежде времени сдохнуть?!

Все остоленели и с удивлением смотрели на происходящее.

– Ие! Ие! – удивленно поглаживая шетинистую шеку, поглядывал на Учкору и Йаналтекина, стоящих позади бахадура, здоровяк. – Что я такого сказал?

– Эй, сын прачки, подлый ублюдок! – разъяренный бахадур тряс здоровяка за ворот. – Ты, бестолочь, как неверующий, Мусу поставил выше Адама! Какое ты имеешь право упоминать и клясться именем правителя Сахибкирана Амира Темура Курагана? Пророк говорил, что Всевышний не одобряет такие клятвы. Как ты посмел, подлец, клясться головой нашего государя? Ты кто? Отрубить тебе голову, а? Ты, пустое корыто! Ты даже не достоин целовать следы государя! Знай, он такой высокопоставленный государь, что совсем не нуждается в твоих словах! Он величественный, как Искандер Двурогий, завоевавший и Магриб, и Машрик, великодушный и царственный, как Кайхусрав, Харун ар-Рашид, внушительнее Бухтаннаса Шаддада!

¹ Камон – смычковый музыкальный инструмент.

Вокруг слышалось: «Эй, не ссорьтесь!», «Помиритесь!», «Это грех!».

– Каюсь, бек! Каюсь! Я не буду больше играть, вот... – здоровяк пытался освободить свой ворот.

Амир Муса с усмешкой смотрел на них.

Люди разняли их.

Учкора замурлыкал свою любимую песенку.

Глава двенадцатая

I

Когда посол хана Золотой Орды Урусхана Идику-мангит пожаловал в Самарканд, Амир Темур был в Бухаре.

– Придется ехать в Бухару, Кука... – с сожалением сказал Идику-мангит Кукаману. – Хотя хан приказал нам быстро возвращаться, мы должны посетить Его величество Амира Темура.

Кукаман в душе обрадовался, он никогда не был в Бухаре, а сейчас представилась возможность посетить этот великий город. Идику-мангит тут же распорядился выезжать.

Сахибкиран очень почитал Бухару и часто приезжал сюда, посещал все священные места и общался с местными жителями. Здесь родилась его любимая мать Тегина Хотун! Его тянуло сюда. Как прекрасно окунуться весной в прекрасную зелень Занжирсарая, где родилась махди улё Сараймулькханум, а зимой устроить охоту. Сахибкиран, узнав о прибытии посла Идику-мангита, остался доволен. Один из влиятельных амиров Жужи улуса приехал к нему как посол, это, по его мнению, хороший знак.

Об Амуре Идику, выходец из мангитов, Сахибкиран слышал много противоречивого: хитрый, коварный, смелый, способный вывернуться из любой ситуации, умный и сообразительный человек. Идику-мангит не прочь втереться в доверие к Урусхану, но, если ему выгодно, может и отвернуться от него. Он безнравствен, искусен в интригах и подстрекательстве. Скорее всего, и к Амиру Темуру он отнесется так же.

Амир Темур принял Идику-мангита в одной из загородных усадеб Бухары.

У ворот посла встретили Мубашшир-бахадур и Мухаммад Чурага-додах и сопроводили к Сахибкирану.

У дворца его попросили сдать оружие.

Идику-мангит вошел в приемную, воздал почести сидящему на золотом троне Амиру Темуру и передал послание правителя Жужи улуса.

– Пусть величие ваше будет еще большим! – поклонился Идику-мангит.

Удивительно, лицо амира Жужи улуса и манера держаться показались Амиру Темуру знакомыми, хотя прежде они не встречались.

Идику-мангит, терзаемый завистью, смотрел на султана Турана, величественно восседавшего на троне. Амир Темур – сын обычного Шахрисабзского амира, он не потомок ни Чингизхана, ни Искандера и только своим умом, смелостью и силой достиг высокого сана, стал властителем чагатаев, освободил родную землю от Чингизидов... а теперь Туран в его руках... Ничего подобного не встречалось в истории, чтобы из простых стать правителем! Это удивительно!..

«Я тоже, как Амир Темур, должен отнять престол у ханов Жужи улуса! Но как?.. И Амир Мамай не скрывает своих притязаний. А теперь принц Тохтамыш-оглан вмешался. Я сам помог ему сбежать. Надо ли было проявлять такое милосердие?.. В результате еще один соперник. Как жаль...»

Краткое послание Урусхана без вступительных слов было похоже на ультиматум, в нем без церемоний в десяти-пятнадцати строках содержалось следующее:

«Моя цель такова: Тохтамыш-оглан убил моего любимого сына, мою опору, звезду очей моих... Он мой враг! Смерть моего сына – его грех... Отдать его мне! А если нет, то назвать место сражения!»

Сердце Амира Темура заняло: Урусхан тоже лишился сына!

– Сколько лет было его сыну?... – невольно спросил Сахибкиран.

– Двадцать, Амир Сахибкиран... – опешил от неожиданного вопроса Идику-мангит. – Хороший был сын...

«Двадцать лет... Двадцать лет... Он был ровесником Джахангира Мирзы. Пусть Бог даст ему терпения», – подумал Сахибкиран и повернулся к Мухаммаду Чурага-лодхаху:

– Передай великому визирю, пусть проследит... Мавляна Убайд пусть напишет в письме, что по законам гуманности и согласно традициям салтаната ни один человек из другого государства, попросивший защиты, ни при каких условиях не передается в руки его врага. Тохтамыш-оглан попросил защиты. Он наш гость, а гость неприкосновенен. Мы его никому не отдадим! И если вы хотите войны, мы готовы сражаться!..

– Простите, Амир Сахибкиран! – заерзал Идику-мангит. – В качестве гонца доставлять такое резкое послание мне не хотелось бы... Мне приказали... Я хотел другого.

Амир Темур, открывший рот для ответа, внезапно вспомнил, кого напоминает посол Урусхана, и замер. О Всевышний! Идику-мангит своей манерой держаться, поведением был похож... на Амира Мусу! Но одно различие: Амир Муса проще, наивнее, а Идику-мангит хитрее, коварнее.

В приемной повисла гнетущая тишина.

Идику-мангит оказался в трудном положении. Возвращение в Сарай-Берке с письмом Амира Темура означало только одно – начало войны между двумя могущественными правителями.

II

Прошло несколько месяцев. Когда Сахибкирану сообщили, что Урусхан с нукерами остановился в Сигнаке, Амир Темур уже успел собрать огромное войско и добраться до Отрара. От Сигнака до Отрара было двадцать четыре йигача¹.

Наконец, в середине месяца хут² в Хумаюн урду был издан указ – пятьсот человек под предводительством Мубашшир-бахадур (включая еще несколько смелых и отчаянных амиров) должны начать наступление и дать ночной бой. Амир Темур не сомневался, что ему будет сопутствовать удача. Ночью, вступив в ожесточенное сражение, воины Сахибкирана одержали победу, разобшив войско противника.

На рассвете Мубашшир-бахадур, целившийся в принца Жужи улуса Темура Малика, ранил его лошадь!..

Сахибкиран в сопровождении проводника Тохтамыш-оглана продолжал преследовать Урусхана. Через пятнадцать дней пришло известие, что Урусхан преставился, покинул этот мир, вместо него на престол вззошел его старший сын Тухтакия!

Услышав новость, Сахибкиран понял, что воевать больше нет смысла.

– Сын мой! – обратился он к Тохтамыш-оглану. – Мы передали вам правление Дашти Кипчаком, теперь здесь нет равных вам по силе.

Тохтамыш-оглан, поцеловав руку Сахибкирану, низко поклонился. Он был счастлив, что избавился от злейшего врага и стал правителем Дашти Кипчака.

Амир Темур с победой вернулся в Самарканд в начале 778 года хиджры, года Змеи, а по христианскому летоисчислению в марте 1377 года.

¹ Йигач – приблизительно шесть километров.

² Хут – название двенадцатого месяца солнечного года, соответствующего периоду с 22 февраля по 21 марта.

Однако Тохтамыш-оглан недолго правил завоеванным вилайетом. Через какое-то время после смерти отца Тухтакия тоже скончался, и на престол Жужи улуса возшел Темур Малик. Он не забыл ни о поражении, ни о простреленной ноге... Собрав огромное войско, он пошел войной на Отрар. Названный сын Амира Темура с остатками своих нукеров в четвертый раз сбежал во владения государя и сохранил свою жизнь...

Султан Турана сидел на голубой террасе дворца Боги Баланд, диктуя Мавляна Убайду свои мысли и наблюдения, которые тот старательно заносил в голубую тетрадь, кое-что изменяя, иногда давая пояснения Мухаммаду Чурага-додхаху, молча наблюдавшему за происходящим. Мысли правителя то и дело возвращались к Тохтамыш-оглану.

Правильно ли он поступает, не торопясь принять Тохтамыш-оглана, нужно ли, назвав его сыном, связывать с ним свои надежды? В чем причина сомнений? Очередной позорный побег принца?

...Прошло несколько дней с момента возвращения Тохтамыш-оглана из Сигнака, однако никто не пришел его навестить. О нем словно забыли. Амир Темур, как правило, всегда сам приглашал его к себе, справлялся о здоровье, поддерживал, поднимал дух и, несмотря ни на что, снова давал ему нукеров и отправлял в очередной поход. Но теперь вот уже четыре дня никого нет. Конечно, пришел Мухаммад Мирак, но какой от него толк?..

Принц переживал: теперь от Сахибкирана не ждать помощи? Он остыл к Тохтамыш-оглану? Сколько раз он его поддерживал, но, к сожалению, удача отвернулась от Тохтамыш-оглана. Что теперь будет?..

Через два дня ровесники Тохтамыш-оглана пригласили его в гости в Боги Накш жахан, интересовались настроением, подробностями сражения с ханом Жужи улуса.

Принц, не желая принижать своих достоинств, вел себя так, будто ничего не случилось, и спокойно отвечал:

– Сражение было тяжелым... Войско врага превосходило численностью в десять раз. Кроме того, враги использовали подлую уловку: сначала выпустили малочисленное войско, сделали вид, что бегут с поля боя, погнавшись за ними, мы попали в засаду, многие нукеры погибли...

Никто не проронил ни слова. Принц медленно продолжал:

– Если честно, мои воины оказались слабее вражеских... Их было маловато... Если бы моих нукеров было не две тысячи, а десять, победа была бы за мной...

Умаршейх Мирза, слушая рассказ принца со стиснутыми зубами, не выдержал.

Старший сын государя невзлюбил принца с первого взгляда. Он считал, что от спесивого, надменного и коварного Тохтамыш-оглана Турану нет и не будет никакой пользы, только вред. Последующие события и бегство Тохтамыш-оглана с поля боя показали, что он прав. Огорчало, что Его величество отец легко поверил такому человеку.

– Вам войско... показалось маловатым, мой принц? – язвительно растягивая слова, спросил Умаршейх Мирза. Он посмотрел на Тохтамыш-оглана прищуренными от ярости карими глазами.

Присутствующие насторожились.

Тохтамыш-оглан сделал вид, что не расслышал и, посмотрев ясными глазами на амирзаде, переспросил:

– Что... маловато... что вы сказали господин амирзаде? Я не расслышал...

Все поняли, что он специально провоцирует амирзаде.

– В таком случае... Вам нужно раскрыть уши! – внезапно сказал Умаршейх Мирза. Амирзаде угрожающе положил левую руку на саблю.

Тохтамыш-оглан залился краской гнева.

– Даже так? – через силу улыбнулся он. – Еще не родился тот, кто может нам открыть пошире уши!..

Вне себя от гнева, Умаршейх Мирза вскочил не раздумывая, вытащил меч из ножен и закричал:

– Вот сейчас я их и раскрою! Научу слушать тебя, растяпа, глупая курица!.. Ты узнаешь! Да! Да-а!

– Не смейте меня оскорблять! – заскрежетал зубами Тохтамыш-оглан, он был готов сразаться и давно держал меч наготове. – Говорю, не смейте оскорблять!

– Бессовестный! Если неумеючи метать прашой, она ударит и по голове, и по заду! Да! Сколько можно для тебя собирать войско? Все равно сбежишь с поля боя, как резвая коза! И не стыдно?.. Еще хнычет, войска ему мало. Без стыда и совести! Трус!..

– Кому вы это говорите, эй, амирзаде! Думайте, что говорите! Знайте, я потомок Чингизхана! Не забывайте об этом!!! Раз я молчу, то можно что угодно говорить?!

– Цена твоей знатности – копейка, так и знай! Это тоже судьба-а-а! – Умаршейх Мирза излил все, что скопилось в душе. – Из-за твоего головотяпства погибли отважнейшие воины Амир Улжайту-опарди, Шодравон-найман. Не смог возглавить одно войско, эх ты, принц благородных кровей! Теперь ты получишь по заслугам, бестолочь! Пойдем выйдем!

– Так на лбу написано! В чем моя вина? В чем я повинен? – стал оправдываться Тохтамыш-оглан. – Ие? Это я бестолочь? Ха-ха-ха! Я покажу, кто из нас бестолочь! Раз надо – выйду, мне нечего бояться!

Забияки встали в стойку, играя мечами.

Зычный голос Мухаммада Чурага-додхаха отрезвил всех.

– Остановитесь! Гнев затмевает разум! Не поддавайтесь искушениям шайтана! Лохавла вала куввата!¹ Дорогой амирзаде, вы знаете, что ваши слова могут дойти до ушей Амира Сахибкирана? Вы думаете о последствиях? Господа амиры! Разнимите их! Или вы хотите услышать упреки в том, что спокойно наблюдали за ссорой?

– Знай! У меня есть к тебе свой счет! Мы еще встретимся наедине, мой принц! Помни об этом! – со злостью кинул сопернику Умаршейх Мирза.

Он решил во что бы то ни стало поговорить об этом негодяе с Сахибкираном.

Принц Тохтамыш-оглан, хмуро взглянув на амирзаде, промолчал...

Неприятное происшествие во дворце Боги Накш жахан снова смутило Амира Темура. Значит, ровесники не уважают Тохтамыш-оглана... Причиной этому, конечно, его поведение. Но Дашти Кипчак нужно усмирить, это очень важно для салтаната. Оправдаются ли надежды, возлагаемые на Тохтамыш-оглана?..

Плохо, что он ни с кем не может поделиться своими сомнениями по поводу принца Тохтамыша. Да и стыдно! Ведь он сам перед всеми придворными сказал, что принц похож на его сына, сам назвал его сыном, сам возвысил его! Он хотел сделать Тохтамыш-оглана своим человеком. Но, кажется, обманулся. Сколько попыток, действий, сколько нукеров, денег, надежд, желаний, стремлений... Все напрасно...

Или... отказаться от его услуг, от замысла? Может быть, он пытается совершить невозможное? Хочет достать звезду с неба?..

Эти невеселые мысли и сомнения Сахибкирана были прерваны известием о том, что к нему направляется Урунг Темур.

– Амир Сахибкиран!.. Амир Сахибкиран!.. Радостная весть! – громко провозгласил Ахий Джаббар-бахадур, бросившись к ногам султана.

Вслед за ним вошли Амир Жаку-барлас, Амир Довуд-дуглат и секретарь канцелярии Давлатшах-бахши уйгур. К голубой террасе постепенно подходил дворцовый люд.

«Дай бог, чтобы всегда были только радостные известия!» – подумал Амир Темур. Десятник Джahanгира Мирзы от волнения не мог произнести ни слова. Все растерянно смотрели на него.

– Возьми себя в руки, бахадур! Встань! – попытался успокоить его Амир Темур. – Говори, что за приятная весть?

¹ Слова из молитвы против шайтана.

Ахий Джаббар-бахадур со слезами радости на глазах, отвешивая поклоны, сделал несколько шагов назад и заговорил:

– Хочу суюнчи!¹ Желая получить суюнчи Его величества!.. На царском небосклоне появилась светлая прекрасная звезда! Среди множества даров Всевышнего вам вновь дарована радость отцовства! Сундук салтаната вновь пополнился еще одной бесценной жемчужиной! Уважаемая Тагай Туркан-ока подарила Его величеству сына!

Это действительно была радостная весть. Как говорится, радость не приходит одна, за ней обязательно последует другая. Следом Сахибкирану принес новость Мухаммадбек ибн Муса, вернувшийся из Ташкента: древний Банокат, разоренный во время наступления Чингизхана, вновь восстановлен согласно указу Его величества. На берегах реки Сырдарья вновь вырос прекрасный город.

«Аллах подарил сына вместо Джахангира Мирзы! Спасибо, Господи!» – подумал Сахибкиран со слезами на глазах. Одна слезинка скатилась по его щеке и упала с его бороды на землю...

– Достопочтенная сестра государя Кутлуг Туркан-ока просит Ваше величество дать имя новорожденному сыну... – произнес в это время Ахий Джаббар-бахадур.

Амир Темур давно уже думал об этом, вот и сейчас, прежде чем бахадур сообщил о пожелании сестры, эта мысль мелькнула в его голове.

– Нашего сына мы нарекаем Шахрухом! Пусть будет падишахом, всегда следующим дорогами справедливости! Запишите в книгу истории, что Шахрух Мирза родился 14 числа месяца рабиуссония 779 года². Новый город назовем в честь новорожденного амирзаде – Шахрухия!

Окружающие одобрительно повторяли: «Шахрух», «Шахрухия».

– Бахадур, получи суюнчи!

Сахибкиран вытащил мешочек, наполненный монетами, и бросил Ахий Джаббар-бахадру. Тот от волнения не смог поймать мешочек и уронил его на землю. Динары рассыпались на ковре перед террасой. Ахий Джаббар-бахадур стал торопливо собирать их.

В шуме несмолкающих поздравлений никто не заметил появления в дверях дворцового сада Урунга Темура.

Когда принц Тохтамыш-оглан впервые пожаловал к султану Турана, в его свите был и Амир Урунг Темур, который отличался мужеством и железной невозмутимостью. На поле битвы Казанчи-бахадур, воспользовавшись падением бесстрашного амира с лошади, захватил его в плен и привез к Урусхану. Тогда Урусхан пошадил его.

Урунг Темур жил в Сигнаке, терпеливо снося все лишения, но его тянуло в Самарканд, к Амиру Темуру. Наконец, он нашел возможность бежать. Через какое-то время после возвращения принца Тохтамыш-оглана он тоже отправился в Туран.

Сахибкиран был рад его приезду.

– Сейчас Жужи улусом правит Темур Маликхан, – сказал Амир Темур после традиционного обмена приветствиями. – Как себя чувствует хан?

Урунг Темур был благодарен Богу за то, что оказался здесь в такой радостный для правителя день, он поздравил Сахибкирана, потом перешел к основной цели своего визита:

– После того как Тохтамыш-оглан, проиграв битву, бежал, Темур Маликхан стал еще более надменным и несносным... – Урунг Темур попытался усмехнуться. – Он же был самым младшим у правителя, избалованным. Ему нет дела до земных проблем. Его интересуют лишь пиры и кутежи, дни проходят в наслаждениях и удовольствии: спит до полудня, никто не смеет его будить, даже если бы начался всемирный потоп. В государстве дела ведутся кое-как. Народ ему не доверяет. В Жужи улусе поговаривают, что принц Тохтамыш-оглан в десять раз лучше этого хана, что лучше бы он занял трон, все хотят видеть Тохтамыш-оглана правителем...

¹ Суюнчи – подарок, вознаграждение за радостную весть.

² 20 августа 1377 года по христианскому летоисчислению.

Амир Темур задумался. На самом деле, что это за правитель, который не может навести порядок в государстве, а думает лишь об удовольствиях и забавах, это же наверняка приведет к краху страны.

Значит, настал счастливый час Тохтамыш-оглана! Все решено: Сахибкиран сам не пойдет войной на Дашти Кипчак, это сделает его сын! И займет престол Жужи улуса! Проиграв четыре раза, на пятый он обязательно выйдет победителем и наденет корону правителя! Его восхождение на престол неизбежно! Темур Малик недееспособен, этим надо воспользоваться! Это очевидно.

В Хумаюн урду тут же издали приказ: собрать войско, достойное принца Тохтамыш-оглана, отправить в Сигнак с войсками Урунга Темура, Мухаммадбека ибн Мусы, Гиессиддин-тархана, Мухаммада Мирака под предводительством Амира Довуд-дуглата, чтобы захватить власть и трон для принца Тохтамыш-оглана.

Глава тринадцатая

I

В стране наступило спокойствие и устойчивый мир, можно было заниматься обустройством государства.

Однако Аббас-бахадур кипчак, тайно отправленный в Хорезм менее шести месяцев назад, привез неприятные вести. После возвращения из Хорезма бахадур заболел, но как только Сахибкиран потребовал его, он тут же явился в Куксарай.

– Чем ты нас порадуешь? – спросил Амир Темур.

– Амир Сахибкиран, в последние два года правитель Хорезма Юсуф Суфи несколько раз нападал на Бухару и Кот, опустошая их! – ответил Аббас-бахадур кипчак. – Он брал все, что попадется под руку, не гнушался ничем. Правитель все еще враждебно настроен, а в последнее время это чувствуется все сильнее.

– Да, сплетники и подстрекатели, окружающие нашего свата Юсуфа Суфи, никак не успокоятся. Это их проделки... – медленно произнес Амир Темур и решил, что так более продолжаться не может, надо отправить в Хорезм официального посла, авторитетного влиятельного человека.

Его выбор пал на Давлатшаха-бахши уйгура. В этот день была свадьба Умаршейха Мирзы и Бахт Малик-оки, вдовы Джахангира Мирзы. Во время торжества Сахибкиран подозвал Давлатшаха-бахши уйгура и поведал о своих намерениях, обговорив, что он должен сказать хорезмскому правителю, а также перечень подарков и подношений уважаемому свату. В конце 1377 года Давлатшах-бахши уйгур отправился в Хорезм.

Бахт Малик-ока после смерти принца жила одна.

– По древнему обычаю супруга брата после его смерти переходит к младшему брату, – напомнила Кутлуг Туркан-ока Сахибкирану. – Наш внук Пир Мухаммад Джахангир скоро станет совершеннолетним, он сын престолонаследника... Неужели он, будучи сиротой, станет зависимым от кого-то?

Сахибкиран согласился с сестрой.

В середине месяца саратан к празднику Курбан хайит Амир Темур запланировал посетить могилы Шейха Шамсиддина Кулала, Тарагай-бахадур и Джахангира Мирзы. В честь умерших было совершено жертвоприношение, прочитаны молитвы. Люди шли со всего Шахрисабза.

Сахибкиран раздавал подаяния, оказывал помощь нуждающимся людям, нищим и беднякам.

Принцесса и жена султана направились к могиле Джахангира Мирзы. Когда приблизились к мавзолею, Ханзада-ханум пропустила вперед махди улё.

– Начните вы первой, Ваше величество!

Сараймулькханум знала, что принцесса Хорезма предпочитает навешать могилы в одиночестве и не стала возражать. Пришел черед Ханзады-ханум. В этот раз она

была с маленьким Мухаммадом Султаном. Прочитав молитву, она приложилась пурпурными губами к холодному камню, погладила нежными руками надгробие. Затем сделала то, о чем мечтала еще в Самарканде: она надела треугольный амулет из черного бархата, который хранила два года (принц всегда носил его у сердца от сглаза) на шею своему двухлетнему сыну.

– Спите спокойно, мой принц! Ваш бархатный амулет теперь у вашего сына! Пусть он сохранит его! Пусть Аллах прибавит ему лета, которые вы не дожили!

Затем подняла на руки сына и, легонько шекоча ему нос, тихо прошептала:

– Никогда не снимай его, душа моя!

Мухаммад Султан удивленно смотрел в заплаканные глаза матери.

Прочитав молитву и отвесив поклоны умершему, она собиралась выходить и нечаянно подняла глаза...

На потолке были вырезаны слова из хадиса Мухаммада Мустафы: «Умный человек надеется на свой ум, глупец – на мечты». Ханзада-ханум сжалась, осознав их смысл! Действительно, мечты позади, верить в них – глупость, нужно жить умом, умом!»

Бедная принцесса кинулась к надгробью, обливаясь горячими слезами и прощаясь со своими надеждами и чаяниями. Мухаммад Султан беззаботно ползал по мавзолею.

...На востоке был популярен обычай, когда султаны, переодевшись в одеяния дервишей, каландаров или странников, обходили свои владения, наблюдая за всем, стремясь своими глазами увидеть, как живет их народ. Так поступали, к примеру, Хорун ар-Рашид, Султан Махмуд Газневий. Амир Темур тоже раз в год тайно прогуливался по Самарканду, узнавая цены на базаре, слушая разговоры в такяхане... А потом кого-то казнили, кого-то бросали в зиндан. О его тайных прогулках не знал никто: ни Сараймулькханум, ни Мухаммад Чурага-додхах.

Вот и сейчас он обошел махалли Симхана, Чакар, Дегрез, Кукнорихана, Кунчикар, Хазрати Имам и другие. Все с удивлением оборачивались на «дервиша», а дети, не отставая от него, кричали: «Дервиш бобо! Дервиш бобо! Дайте нам вашу палку! Отдайте вашу палку!», «Отберем мы у вас палку!», а иногда затягивают песню-дразнилку.

Глядя на детишек, он вспомнил свое детство. Как хорошо быть ребенком! Вот бы и ему сейчас побегать с этими мальчишками!

Кеш называли «Вершиной науки и благочестия». Весной город становился зеленым, и новое название города Шахрисабз отсюда.

У могилы Абу Мухаммада аш-Кашши, которая называется Хазрати Имам, нужно построить мечеть и здания. Это место, называемое Дор ус-сиядат, должно стать семейным склепом Амира Темура. Джахангир Мирза погребен здесь... Уже построена огромная усыпальница. Чуть дальше нужно построить гробницу и для себя... Никто в этом мире не вечен... Наступит время, и он уйдет, так пусть его тело покоится в родном городе...

С посохом дервиша обходя город, он на минуту остановился на главной площади в отцовской махалле. Он любил свой Шахрисабз. «Этот город должен стать самым известным в мире», – решил он. Он невольно предался мечтам...

Будущий дворец должен быть монументальным, выше ста аршин в высоту, с красными угловыми башнями, с голубым куполом, внутри разные комнаты, коридоры, комнаты для гарема. Стены комнат будут украшать причудливые узоры, красивые орнаменты и великолепные картины.

Красота разноцветных куполов изнутри и снаружи будет очаровывать, каждый угол будет расписан куфийскими письменами, бирюзовая окантовка, которой украсят все минареты, должна смотреться как огромный голубой поясной платок. Будет использовано не только куфийское письмо, но и сулс, цвета будут создавать чудную гармонию, их сияние будет излучать свет. Громадный дворец при луне будет сверкать белизной, его сияние будет освещать все вокруг, и он назовет его «Оксарай»²...

¹ Бобо – дедушка, старик.

² Оксарай – Белый дворец.

Чуть выше дворца будет водоем с холодной прозрачной водой, которую будут доставлять из родников перевала Тахти Корачи. Вода из водоема водопадом будет течь вниз, к узорчатым прудам дворца, выложенным причудливой мозаикой, где будет обитать разноцветная форель...

Амир Темура сладко вздохнул. В эти дни он пребывал в несколько унылом настроении – вестей от принца Тохтамыш-оглана до сих пор не было, это тревожило его... Отправлен посол в Хорезм, но результат неизвестен...

Сахибкиран отбросил тревожные мысли и огляделся. Вот это да! Он оказался около усадьбы Шейха Шамсиддина Кулалы. Он вспомнил события двадцатипятилетней давности. Сердце его сжалось. Тогда тоже была середина месяца саратан, к дому шейха вела тропинка между деревьями и цветниками, в начале дорожки протекал небольшой арык. Через арык было брошено два бревна. Тогда... здесь, около воды, он увидел красавицу с сорока косичками...

Да, все прошло...

Интересно, а сад все такой же, цветы еще растут?.. Человек всегда мечтает вернуться в детство, перебирая все в памяти...

Сахибкиран невольно повернул к тропинке. Он шел неторопливо, не догадываясь, что его ждет.

И увидел чудо!

Сорокадвухлетний «дервиш» приблизился к арыку и обомлел! Около моста сидела, играя с водой, девушка двенадцати-тринадцати лет в красной бархатной тюбетейке с сорока косичками! Когда она наклонялась, несколько косичек падало в воду, а она старательно закидывала их назад! Эта красавица с прекрасными глазами, с прелестным личиком показала Амиру Темуру бесценной жемчужиной, очаровательнейшим созданием на свете!

Услышав шаги, прелестница смешливо глянула на дервиша, её искренняя улыбка так украшала ее, что Амир Темура затрепетал. Прекрасные глаза девушки излучали таинственный свет, и сердце Амира Темура заколотилось, а тело охватила легкая дрожь...

Хвала и честь вечному Творцу! Это та девушка, которую он видел двадцать пять лет назад, очаровательная пери! Эта же та девушка!.. Нет, это не она... но как похожа на нее! Только у той была зеленая тюбетейка, а у этой красная. И опять в этом же месте. Это та девушка, точно та! Слово и не прошло столько времени... Это невозможно. О Боже! О Боже! Это сон или явь?.. Кажется, сон... Вот сейчас он проснется – и чудо исчезнет! Нет, это не сон! А что это? О Всевышний, все в твоей власти! Ты знаешь, что делаешь! В этом нет никакого сомнения!

Как ни старался Амир Темура, не мог поверить в происходящее.

– Как зовут вас, красавица? – спросил, чуть ли не задышавшись, Амир Темура. Он вспомнил, что когда-то по оплошности он не узнал имени той прелестницы.

Дервишей и каландаров люди, как правило, не боялись, считали их безобидными. Красавица с сорока косичками, не задумываясь, ответила:

– Туман-ока...

– Туман-ока, – сладко прошептал Сахибкиран. Голосок красавицы был нежный и мягкий. Невольно повторяя ее имя, решил разузнать, откуда она и чья дочь.

Он никогда прежде не встречал эту девушку и от волнения онемел. Девушка опередила его:

– Я дочь хакима Шахрисабза господина Амира Мусы... Моя мать – Орзумулька-ока – дочь хакима Ходжента Амира Баязида-жалаира.

«Ие! Дочь Амира Мусы? Дочь Орзумулька-оки? Вот это да!»

Изумлению его не было предела. Он понял, что это судьба, иначе почему Туман-ока все так быстро выложила!!!

Сахибкиран решил взять в гарем Туман-оку. Все! Он женится на этой прелестнице. Она будет украшением его гарема!

Она же изначально предназначалась ему, он почувствовал это! Он был изумлен милостью Бога...

Красавица, ничего не подозревая, с улыбкой смотрела на странного дервиша.

II

Женщины гарема по-разному восприняли эту новость. Красавицы-наложницы завидовали и заранее ненавидели, мир и покой был нарушен. Сараймулькханум все это подмечала про себя. Она заметила изменения в поведении Дильшод-оки. У главной сердцеедки дворца был скрытный характер, она всегда была скромна и никогда не вмешивалась в разговоры, ее прекрасные черные глаза почти всегда были опущены. Но если она начинала говорить, то язычок у нее был остренький.

– Госпожа, Его величество наш господин протянули руки к новому бутону? – не поднимая глаз, стыдливо спросила Дильшод-ока. – Кто эта счастливица?

Три года назад после свадьбы с Сахибкираном она была младшей женой, с уважением относилась к предшественницам, но ей было безразлично, кто будет следующей.

– Да, – ответила махди улё. – Это дочь нашего дяди Амира Мусы и моей подруги Орзумульк-оки. Ей на самом деле улыбнулось счастье, она удостоилась внимания государя.

– Вот как? Она еще и дочь вашего дяди? – удивленно переспросила Дильшод-ока. – Младшая сестра мужа Оки-бегим? Мы об этом не знали. Удачи ей!

Дильшод-ока подумала, что госпожа сама предложила Сахибкирану свою племянницу. Сараймулькханум догадалась о ее мыслях.

– Да, нашего дяди дочь. Супруг Оки-бегим – сын старшей жены дяди. Если хотите знать подробности, то я вместе с вами впервые слышу эту новость... Моя золотая! Вы же знаете, что наш государь Сахибкиран резвый скакун... А для жеребца нужна каждый раз новая площадка. Если жеребец захочет скакать, кто его остановит? Вы разве не понимаете, что гарем должен постоянно пополняться новыми бутонами? Помимо этого... – махди улё с улыбкой многозначительно продолжила, – у новых бутонов есть бесценный аромат, а расцветшие до них цветы должны заимствовать их благоухание...

Дильшод-ока покраснела и с улыбкой поклонилась:

– Примите мои извинения, Ваше величество! Я проявила бестактность. Какое я имела право задавать подобные вопросы...

Сараймулькханум знала, что дочь Амира Камариддина обидчива.

...Когда Амир Темур, окрыленный романтическими грезами, вернулся из Шах-рисабза в Самарканд, из Сигнака прибыл гонец. В послании сообщалось, что принц Тохтамыш-оглан благополучно занял престол в Сигнаке благодаря помощи Амира Темура, что он каждую минуту восхваляет своего покровителя и что в битве с Темуром Маликом с первой же попытки он одержал победу.

Амир Темур был рад такому посланию и восславил Аллаха за поддержку. Теперь его приемный сын не просто Тохтамыш-оглан, а Тохтамышхан! Теперь северные границы надежно укреплены, и наконец, представил он, в Туране воцарится мир и спокойствие...

Через месяц, в середине месяца сунбулы¹, в Кониголе зазвучали карнаи и сурнаи, оповещающие о начале свадьбы Сахибкирана Амира Темура Курагана и дочери Амира Мусы Туман-оки. Амир Сайфиддин-некуз, только что вернувшийся из Мекки, был назначен распорядителем свадьбы.

Вокруг шум, веселье, смех. Все чувствуют себя раскованно, радуются, дастарханы ломятся от угощений.

На седьмой день к вечеру все яркие звезды собрались на небосклоне в надежде увидеть свадебное шествие. Царевны и невольницы с песнями «ёр-ёр» идут вокруг

¹ Сунбула – название шестого месяца солнечного года, соответствующего периоду с 22 августа по 21 сентября.

верблюда с золотыми уздцами, на котором в паланкине в белом одеянии сидит Туман-ока. Золотые уздцы блестят при свете луны. На поляне горит огромный костер, освещая лица гостей. Звучит свадебная песня.

Во всей Вселенной сейчас сияло две луны. Одна в небе, другая, красавица невеста – на земле.

Глава четырнадцатая

I

Когда свадьба была в самом разгаре, до приближенных государя дошло известие, что Давлатшах-бахши уйгур и еще десять человек, отправленные в качестве послов в Хорезм, брошены по приказу Юсуфа Суфи в зиндан. Но никто не стал сообщать эту новость Амиру Темуру.

После свадьбы Амир Сайфиддин-некуз и Мухаммад Чурага-додхах собрались, чтобы посоветоваться, как преподнести это неприятное известие Сахибкирану.

– Кто сможет сказать об этом государю? – спросил Мухаммад Чурага-додхах, сверкая карими глазами. Амиру Сайфиддин-некузу его голос показался тоньше обычного. – Из Хорезма ожидалось хорошие вести, Сахибкиран надеялся, что Юсуф Суфи одумается, откажется от вражды и смуты. Мы думали, что все будет хорошо...

– Вообще-то давно пора отказаться от вражды. Если человек до сих пор не понял это... сложно... – не скрывал сожаления Амир Сайфиддин-некуз. – Ну, кто сможет сказать?.. Мне кажется, эту задачу сможет выполнить духовный наставник государя, его святейшество Мир Сайид Барака. Так-с... решено...

– Неужели невозможно избежать разногласий между родственниками? – с досадой в голосе воскликнул Амир Темур, услышав неприятную весть из уст духовного наставника. – Или так на роду написано? Кто в этом мире познал счастье, тому все. А кто пребывает в печали, ему и лучика счастья не перепадает!

– Амир Сахибкиран! Вы не удивляйтесь поведению людей... – попытался утешить Мир Сайид Барака. Если огромные горы сдвигаются, то что делать небольшим холмикам? Аллах свидетель, как вы терпеливы... Мой совет вам: отправьте еще одно послание Юсуфу Суфи. Он ваш родственник, мы надеемся, что он образумится. Может, произошло недопонимание... Ведь нехорошо проливать невинную кровь?.. Хвала Аллаху, Господу миров!

Разгневанный Сахибкиран после слов учителя задумался. «Может, на самом деле Юсуф Суфи неправильно все понял, потом он поймет свою ошибку. Может, в гневе он так поступил...» – подумал он и, позвав Мавляна Убайда, продиктовал послание.

В тот же день Ахий Джаббар-бахадур отправили послом в Хорезм.

На этот раз Сахибкиран был спокоен, Юсуф Суфи после получения послания обязательно поступит справедливо – освободит Давлатшаха-бахши уйгура и благополучно отправит домой...

Когда Ахий Джаббар-бахадур со своим воинами добрался до Хорезма, месяц мезон¹ подходил к концу.

– Сначала мы посетим гробницу великого Шейха Нажмиддина Кубра, что за Гурганжем, затем совершим аср намаз² в многолюдной молельне шейха! – сказал Ахий Джаббар-бахадур приятелям.

Хорезмский правитель Юсуф Суфи принял Ахий Джаббар-бахадур в четверг, спустя семь дней после прибытия. Четверг был днем приема послов во дворце.

Послов было много. Никто ни с кем не разговаривал, все ждали приглашения в приемную правителя. Ахий Джаббар-бахадур, увидев Тармачука, стоявшего чуть поодаль с опущенными глазами, опешил! Он слышал, что Тармачук сейчас служит Тохтамышхану.

¹ Мезон – название седьмого месяца солнечного года, соответствующего периоду с 22 сентября по 21 октября.

² Аср намаз – третий намаз перед закатом солнца.

«Этот сомнительный человек кому только не служил! – презрительно подумал Ахий Джаббар-бахадур. – Но какая ему надобность быть здесь, ждать приема у Юсуфа Суфи, который в таких враждебных отношениях с Амиром Темуром, ведь он служит Тохтамышхану, названому сыну правителя Турана!.. Недавно он был в Самарканде... Что он здесь делает?»

В это время в приемную пригласили Тармачука. Ахий Джаббар-бахадур решил после приема у правителя обязательно встретиться с ним. Надо его расспросить кое о чем.

Посла Амира Темура пригласили пятым.

Ахий Джаббар-бахадур, увидев среди них бекларбеги¹ Ходжу Шейхзаде, главу духовенства Кирамиддина ас-Самарканди, не удивился. Но увидеть здесь старых знакомых он никак не ожидал. Здесь были все, кто считал себя пострадавшим от рук Амира Темура: Махмудшах Бухари, Абу Исхак Ясури, Султан Махмуд ибн Кайхусрав. Бахадура особенно удивило то, что здесь был Султан Махмуд ибн Кайхусрав. Вот это да! Что ему нужно в Хорезме? Пять–шесть лет назад этот высокий, круглоглазый, брызгающий слюной при разговоре и повторяющий по два раза сказанное, сопровождал Алуфатавочи. Тогда тоже он частенько пропадал, с кем-то встречался, о чем-то шептался...

Ахий Джаббар-бахадур с низким поклоном воздал традиционные почести правителю и протянул послание. Юсуф Суфи тут же передал письмо слуге и махнул рукой, мол, «читай!». Плосколикий правитель несколько похудел, оттого скулы его выпирали, в бороде появилась седина...

После традиционного приветствия в послании Амира Темура было следующее:

«Не пристало падишаху заключать в темницу послов. Потому что нет их вины, они лишь посредники. В традициях правителей нет такого обычая. Итак, будет хорошо, если вы, освободив Давлатшаха-бахши уйгура, отправите его к нам, и больше не будете так поступать, чтобы не пожалеть, а то и сожалеть...»

Тишину приемной нарушил скрежет зубов Юсуфа Суфи.

Все молчали.

– Он нас учит манерам... – после непродолжительного молчания сказал Юсуф Суфи, не скрывая презрения. – Отправить назад посла?.. Более не поступать так?.. Посмотрите-ка на благородство хромца! Хо-хо-хо!.. Он нам советует!..

Его поддержали злые возгласы:

– Нужны нам его советы!

– Пусть идет куда подальше со своим благородством!

Разгневанный Юсуф Суфи хлопнул три раза в ладоши. В дверях появились сначала слуга, потом два есаула.

– Срочно позвать мне вора Той Бугу! Нет силы, которая смогла бы его остановить! Прикажите ему отправиться в Бухару, пусть отнимет все у местного населения, у турков, таджиков!..

Ахий Джаббар-бахадур остолбенел! Неужели Юсуф Суфи способен на такую низость! Неужели он не понимает, что оскорбляет родственные чувства, ведь это не по-божески, не по-человечески! Неужели он поддался на подлые советы и похвалы?.. Посол Амира Темура слышал, что вор Той Буга один из самых жестоких злодеев.

– А этого посла... – внезапно правитель указал пальцем на Ахия Джаббар-бахадура, – бросить в самую глубокую яму зиндана, к его дружкам! На съедение клопам! Чтобы никогда не передавал таких подлых посланий!..

Ахий Джаббар-бахадур опешил, услышав приказ, но не успел и слова вымолвить. Два есаула скрутили его и потащили к выходу. Взгляд Ахия Джаббар-бахадура случайно упал на Султана Махмуда ибн Кайхусрава, который с усмешкой смотрел на него.

Султан Махмуд ибн Кайхусрав повернулся к правителю:

¹ Бекларбеги – бек беков, самый высший военный чин.

– Браво! Браво! Именно так должен поступать справедливый падишах! Мы желали этого. Правильно вы наказали этого нечестивца!

– Темуран возомнил о себе бог знает что! – воскликнул высокий, долговязый, похожий на одереженевшую морковь, с лысиной на макушке Махмудшах Бухари. – Слабак, хромоногий, да и рука одна у него не работает... Хе-хе-хе... Если я столкнусь с ним в бою, то загоню в угол. Он только угрожать может! Его не нужно бояться, Ваше величество!

– Я хочу сказать... – вмешался рослый бекларбеги Ходжа Шейхзаде. – То, что Тохтамышхан тоже прислал своего посла, – хорошо, так как сражаться в одиночку с Амиром Темуром опасно, нам нужны союзники. Поддержка Тохтамышхана поможет нам стать сильнее.

Остальные не вмешивались в разговор, испытывая некоторое смущение.

Юсуф Суфи заскрежетал зубами, это означало, что он хочет что-то сказать. Все повернулись к нему.

– Еще месяц назад я отправил посла с поздравлениями и подарками к Тохтамышхану... – сказал Юсуф Суфи. – И предложил вместе бороться против нашего злейшего врага хромого Темура. Конечно, он названный сын, но, как известно, сыновья, особенно названные, – самые первые враги. Мы должны знать это. Хе-хе-хе. Ведь отец – правитель, а сын лишь подчиненный. Что скажет по этому поводу его светлость шейхулислам?

– Какой вы дальновидный!

– Восхищаемся вашим умом! – послышалось отовсюду.

– Мой падишах... – начал шейхулислам Кирумиддин ас-Самарканди, молчавший до этого. Он собирался сказать: «Разве можно верить человеку, который предал названного отца? Во всяком случае, надо быть бдительным», но почему-то передумал и, положив руку на грудь, сказал: – Вам виднее, вы ведаете о том, о чем мы даже не догадываемся. Нужно отдать должное вашему уму, ваше величество!..

Главный зодчий салтаната, узкоглазый, с орлиным носом Уста Матпана лихорадочно соображал, что сказать, если спросят его мнение. В голову пришло: «Боже, лишь бы не было войны!» Но его ни о чем не спросили.

– Тохтамышхан совершил поход в Сарай, захватил народ амира Мамока, все в Жужи улусе подчиняются ему... Он теперь не сын правителя Мангкишлака Туйходжа-оглана, а хан Золотой Орды, которой когда-то владел Узбекхан! Благодаря своему уму и мужеству он смог свергнуть Урусхана с престола! К тому же Тохтамышхан не какой-то там безродный амир, а потомок Чингизхана! И хану Золотой Орды подчиняться кому-то?! Такого еще не бывало! Никогда! Никогда!

В словах правителя Юсуфа Суфи была своя логика, все задумались.

– Мой падишах! – Султан Махмуд ибн Кайхусрав, поклонившись, вновь обратился к правителю. – Вы знаете, что мой высокоуважаемый отец Амир Кайхусрав Хутталани Курагани был близким другом покойного Хусейна Суфи, близким другом. Пусть покоятся их души в раю. Они для нас пример... Надо наладить отношения с Тохтамышханом! Думаю, надо, чтобы кто-то из ваших слуг был при нем, нет, ваше доверенное лицо! Если посчитаете нужным... пошлите меня, вашего слугу, я буду вашими глазами и ушами, буду информировать вас, я готов все силы и жизнь отдать во имя вашего процветания, все силы и жизнь!.. Когда Тохтамышхан пойдет на Туран, ему нужен советчик. Лучше вашего слуги вам не найти. Когда Амир Темур завладел престолом, он пользовался услугами нашего отца Амира Кайхусрава Курагана Хутталани, но потом его казнили, да, казнили... Ха-а! Я все помню!

Юсуф Суфи едва заметно кивнул головой, выражая согласие.

II

В год барана, в 780 году по мусульманскому летоисчислению, в месяц шаввал¹, Амир Темур был вынужден выступить со своим войском на Хорезм.

¹ Март-апрель 1379 года.

Сахибкиран был в бешенстве. Упрямство Юсуфа Суфи, неверность, неподобающее поведение, несправедливость по отношению к его послам, набеги на Кот, Хиву, Бухару, грабежи мирных жителей переполнили чашу терпения.

– Наше больное место теперь Хорезм, господа... Только этим и занимаемся. Хорезмшах не понимает по-хорошему, бросил в зиндан наших послов... Что предпримем? – начал речь на совете Амир Темур.

Все молчали, не зная, что ответить.

– Мы свидетели, по поводу Хорезма мы держали совет девять раз, – взял слово духовный наставник Мир Сайид Барака. – Теперь мы вынуждены надеяться на меч... К сожалению... Грех падет на голову того, кто не внимлет голосу разума...

Совет был коротким. Все было и так ясно.

– В четверг (это благословенный день) начнем, – приказал Сахибкиран. – Амирзаде Умаршейха Мирзу, Амира Жаку-барласа, Амира Сайфиддин-некуза и других знатных амиров и бахадуров ввести в военный состав.

Приказ прозвучал как приговор.

...К концу месяца жавзо¹ бесчисленное войско подошло к главным воротам крепости Хорезма. Были расставлены часовые. Нукеры беспорядочно двигались, создавая шум и сутолоку, наводя страх и смятение, земля дрожала, как от землетрясения.

Сердце правителя Хорезма Юсуфа Суфи затрепетало от страха, когда он увидел огромное войско, не оставляющее никакой надежды. Он не думал, что Амир Темур придет с такой многотысячной армией.

Напротив крепости враги начали строительство. Лазутчики сообщали, что султан Турана начал строить дворец в честь своей победы... Под твоей дверью враг спокойно среди бела дня строит себе дворец! Открыто, не стеснясь! Этим Амир Темур хочет убить двух зайцев: во-первых, хочет дать понять, что он наследник Чагатайского улуса, мол, это моя земля – хочу строю, хочу нет; во-вторых, султан Турана тем самым хочет показать, что ни во что не ставит правителя Юсуфа Суфи!

Юсуф Суфи в бешенстве беспрестанно скрежетал зубами.

Собрали срочный совет.

– Что сказать... – начал бекларбеги Ходжа Шейхзаде. – Не знаю, что и сказать... Мой падишах! Простите меня, думаю, невозможно сдержать такие полчища... Осмеюсь предложить единственный выход – заключить мир...

– В бой! В бой! Мы не будем заключать перемирие! Умирать – так умирать, а останемся живы – будем жить! – вскопил разъяренный Махмудшах Бухари.

Эти слова не понравились Ходже Шейхзаде, но он не решился возразить.

Юсуф Суфи задумчиво молчал. В разговор вмешался шейхулислам Киромиддин ас-Самарканди:

– Ваше величество! Боже сохрани, трудно устоять перед таким ураганом! Но не расстраивайтесь! В древности у падишахов-пахлаванов было удивительное правило...

Шейхулислам хотел еще что-то добавить, но почему-то сдержался. В этот момент Султан Махмуд ибн Кайхусрав смело взял слово:

– Мой падишах, я понял его светлость шейхулислама! По-моему, он прав! Давайте используем старинное правило падишахов-пахлаванов. Вы являетесь пахлаваном-падишахом Хорезма! Мы не должны забывать древние обычаи. Я хочу вам посоветовать вызвать Амира Темура на поединок! Да-да, на бой, один на один!

Все разом посмотрели на правителя. Султан Махмуд ибн Кайхусрав еще более вдохновился:

– Правда! Правда! Вызовите его на бой! Это признак мужества и отваги! Он слабак, хромоногий, больной, едва передвигается. Рука у него не работает, ни на что не годен... Я знаю! Как он будет сражаться? Не-е-е-ет! Он не сможет принять ваш вызов! Ведь меч по законам предков нужно держать в правой руке! Он очень

¹ Жавзо – месяц, соответствующий периоду с 22 мая по 21 июня.

самолюбивый, боится позора! А если и примет вызов, то вы такой бесстрашный, вне сомнения, одержите победу!.. Вы в два счета с ним справитесь! У него не-е-ет сил!..

Такое предложение показалось заманчивым всем. Махмудшах Бухари подумал: «Но Амир Темур одинаково отлично владеет мечом обеими руками! Сможет ли правитель тягаться с ним? Что вытворяет Султан Махмуд?..» Он даже хотел возразить, но воздержался, ибо хорошо знал, что идти против всех – сушая глупость.

У шейхулислама мелькнуло: «Может, в этом и справедливость... Два правителя встретятся в честном бою, один из них выйдет победителем. Невинная кровь не прольется, страна и люди не пострадают!»

– Ваш покорный слуга на стороне примирения! – неожиданно изменил свое мнение шейхулислам, поддержав бекларбеги. – Это признак благородства повелителя мира!

– Нет, нет! Не говорите о перемирии! Ни в коем случае, не говорите! Это признак бессилия! Вы хотите сказать, что наш падишах испугался? Да-а?.. – закричал Махмуд ибн Кайхусрав.

– Наш падишах никого не боится! – вмешался Махмудшах Бухари. – Что думать, мой падишах! Опозорьте его перед всеми! Ох, как бы я хотел увидеть, как он побежит от вас, как курица, и будет молить о пощаде! Вот бы это увидеть!.. Да он и не примет вызова! Не хватит смелости! Эх-хе!

Ближе к полудню Амиру Темуру вручили послание от правителя Юсуфа Суфи:

«...Доколе из-за нас будут страдать праведные мусульмане, доколе из-за нас двоих будет разрушаться мир? Хватит, положимся на Бога и перед всем честным народом выйдем на праведный бой один на один! Посмотрим, к кому судьба будет благосклонна, кто из нас погибнет, а кто будет ее избранником...»

Амир Темур, прочитав письмо, расхохотался.

– Я просил этого у Всевышнего! Слава Создателю, он исполнил мое желание! Давно я не сражался! Даже соскучился! Наш сват, беспокоясь о том, чтобы мы не забыли правила боя, оказал нам милость, вызвал на поединок... Я очень доволен! – огромные глаза Амира Темура сверкали. – Правитель Хорезма хочет сражаться один на один с султаном Турана! Я жаждал этого, но мне было неудобно попирать родственные отношения! Срочно принести мне военное снаряжение!

Сахибкиран торопливо вскочил на лошадь и поскакал в сторону крепости Хорезма. Ошеломленные беки попытались воспрепятствовать, крича вслед: «Амир Сахибкиран! Не спешите! Стойте! Мы вам не советуем!» Но великий амир уже ничего не слышал.

Умаршейх Мирза с мольбой взглянул на Амира Жаку-барласа, тот, в свою очередь, на Амира Сайфиддин-некуза. Принц и два амира преградили путь лошади Сахибкирана.

– Ваше величество, Государь! Послушайте! – взмолился Амир Сайфиддин-некуз. – Ну что это такое? Умоляю, не заставляйте брать грех на душу! Нам не будет покоя ни здесь, ни в другом мире! Слава Аллаху, мы еще живы! Мы рядом. Когда слуги живы, не дело сражаться правителю!.. Разрешите кому-нибудь из нас выйти на поединок!

Амир Сайфиддин-некуз знал, что Амир Темур обеими руками отлично владеет мечом, но все равно переживал за его раненую правую руку.

– Мы не знаем куда деться от стыда, Ваше величество Сахибкиран! – взмолился Умаршейх Мирза. – Умоляю! Отправьте меня! У вас же есть я! Я!..

В глазах Амира Темура сверкнули искры гнева и негодования, бывшее удовлетворение бесследно исчезло.

– Разойтись!!! Вы хотите опозорить султана Турана Амира Темура?! Чтобы говорили, что он не осмелился выйти на поединок? Что испугался? Хотите, чтобы я утонул в пучине позора и бесчестия? Лучше умереть! Всё! Уйдите с дороги! Разойдитесь! Прочь с моего пути!

Амир Темур с силой хлестнул камчой лошадь! Как бы крепко ни держал стремяна Амир Сайфиддин-некуз, они выскользнули из его рук!

В мгновение ока Амир Темур оказался у крепостного рва и властно, громогласно крикнул:

– Передайте правителю Хорезма Юсуфу Суфи: его вызов принят, мы готовы к бою! Мы знаем, что он человек доблести и чести! Все! Говорят, данному слову не изменяй! Пусть выходит из крепости! Посмотрим, на чьей стороне удача!

Воцарилась гробовая тишина. Воины Хорезма и Турана, затаив дыхание, ждали, чем все это закончится. Полуденное небо было чистым-чистым...

Но никто не появился из крепости. Сахибкиран, придерживая поводья, гарцевал на лошади. Вокруг ни звука, лишь топот копыт нарушал мертвую тишину.

Прошло некоторое время, Юсуф Суфи не показывался.

Амир Темур повторил свой вызов. В этот раз его голос прозвучал с явным нетерпением.

Правитель Хорезма из крепости наблюдал за происходящим. Сахибкиран полон решимости, его смелый клич и величие напугали правителя, он готов был сдаться. Но было поздно. Все, кто спровоцировал его на этот бой, молчали, как истуканы.

До ушей правителя донесся сердитый возглас Амира Темура:

– Кто не держит своего слова, тот не достоин жить на этой земле!

Сахибкиран, как палван, к которому не вышел соперник, еще раз объехал площадь, затем под победоносные крики воинов возвратился к своему прославленному войску. Все – от амиров до простых нукеров – были восхищены мужеством Сахибкирана. Их сердца были переполнены гордостью за своего предводителя.

Беки с воодушевлением прикладывали губы к стремени султановой лошади, целовали даудовскую кольчугу правителя, славословя и восторгаясь.

Все это через крепостные стены слышал Юсуф Суфи.

В это время Амиру Темуру сообщили, что из Термеза привезли первые поспевшие дыни. В Туране была традиция, согласно которой первые созревшие фрукты или дыни привозили попробовать сначала правителю, где бы он ни был. В Хорезме дыни еще только вызревали. Амир Темур обрадованно сказал:

– Это к хорошему. Юсуф Суфи проявил нерешительность. Отбросим разногласия и не будем забывать, что он наш родственник. Первую дыню мы попробуем вместе с нашим сватом. Положить дыню в золотое блюдо и преподнести нашему свату!

«Юсуф Суфи после этого должен считать нас другом! Боже, дай ему ума, – подумал Амир Темур. – Я преподношу ему дыню, чтобы глупая вражда превратилась в дружбу, чтобы сладкое заглушило горечь. После этого он обязательно попросит прощения, проявит свое уважение и придет с распростертыми родственными объятиями!»

Амир Сулейманшах доставил чашу с дыней к крепостному рву и крикнул:

– Его величество Амир Сахибкиран преподносит первую поспевшую дыню в нашей стране своему свату-у-у! Пусть господин Юсуф Суфи отведае-е-е-ет!

Все были довольны, что появилась отличная возможность соединить разорванную нить, восстановить родственные связи.

Правитель Юсуф Суфи сам поедом ел себя за свою трусость, навлекшую на его голову такой позор, за то, что слава Сахибкирана преумножилась. И что удивительно, сладкая как мед дыня показалась правителю Хорезма ядом, вызвав в душе огонь ненависти и гнева. Ему показалось, что Амир Темур издевается над ним. Правителю дыня показалась костью, брошенной собаке из милости. Мол, съешь дыню и больше не вякай, а потом выходи с опущенной головой из крепости.

Чаша терпения переполнилась, Юсуф Суфи потерял самообладание: до каких пор он и весь народ Хорезма будут терпеть этого хромого Темура, до каких пор дрожать и бояться его? Как же можно терпеть такое? Жить в постоянном страхе?

– Мы не нуждаемся в милости хромого Темура! – заскрежетал зубами Юсуф

Суфи. – Бросьте дыню в крепостной ров. Золотую чашу бросьте привратникам! Мы не нуждаемся! Пусть знает: я – хорезмский правитель, потомок великих падишахов! Господин Ходжа Шейхзаде! Откройте ворота! Ведите в атаку наших доблестных воинов! Иного пути нет! Аминь, Аллаху акбар!..

Шейхулислам не успел остановить взбешенного правителя.

«Лучший путь – перемирие...» – прошептал Уста Матпана.

«Увы... Возможность перемирия упущена, а какой был подходящий случай!» – сожалел Ходжа Шейхзаде. Он стиснул зубы, чтобы не заговорить, на губах выступили капельки крови.

Вокруг звучали воинственные возгласы: «Иного пути нет!», «Ур-хо-о-о! Ур-хо-о-о!», «Аминь, Аллаху акбар!».

...Войско амирзаде Умаршейха вступило в бой с воинами Ходжи Шейхзаде. Кровь лилась рекой...

Осада города длилась три с половиной месяца. Войско Хорезма билось самоотверженно и в течение трех месяцев не подпускало врага к крепости. Юсуф Суфи был доволен.

Однако на четвертый месяц силы воинов-хорезмийцев истощились. Провизия заканчивалась, начались перебои с водой, а жажда, как известно, молчаливый враг и похуже самого злейшего неприятеля...

Камни, летящие из большой катапульты, наполовину разрушили дворец правителя, расположенный на одном из углов крепостной стены. Пыль стояла столбом. Падение узорчатых ворот еще больше приблизило победу воинов Амира Темура.

Юсуф Суфи тяжело страдал, видя все это. В конце концов, тяжелый недуг сразил его, и он отдал богу душу.

Услышав об этом, Сахибкиран расстроился. Как-никак они были родственниками...

«Эй, человек, несчастное божье создание! Знаешь ли ты себя? Ты всего лишь один вздох в телесной клетке раба божьего. Твоя жизнь лишь один шаг в небытие. Не зная, что тебя ждет, каждый день ты отдаешься алчности и гордыне, почему в твоём сердце так мало места для радости и любви?...» – размышлял Амир Темур.

Победоносное войско вошло в город. Крепостная стена была изрешечена бесчисленными пробоинами. Цветущий Гурганж был разрушен, погибло множество людей, оставшихся взяли в плен, несметные богатства попали в руки победителей.

Согласно указу Хумаюн урду были освобождены из зиндана Давлатшах-бахши уйгур, Ахий Джаббар-бахадур.

– Пусть Амир Сайфиддин-некуз и Умаршейх Мирза доставят в целости и сохранности всех ученых, зодчих, мастеров и талантливых умельцев в Самарканд и Шахрисабз, – повелел Амир Темур. – В Шахрисабзе будет воздвигнута мощная крепость и самый лучший в мире Оксарай!..

Глава пятнадцатая

I

За двадцать три года до этого события, когда Амир Темур посетил обитель святого Бобо Али Шаха в Шахрисабзе, праведник ему сказал: «Создатель говорил, что если появятся два бога, то порядок на земле будет нарушен!» А потом, открыв Коран, прочитал предначертанный аят¹: «Инна жаалнока халифатдан фил арз!», что означало «Мы вас назначаем на земле халифом».

Тогда двадцатидевятилетний амир был изумлен и решил смело воплотить свои мечты в жизнь.

Сахибкиран считал, что на его земле должен быть один падишах, тогда страна и

¹ Аят – стих Корана.

народ будут жить спокойно, потому что не будет розни, политических интриг, притязаний на престол, не будет смысла воевать, проливать кровь, наступит справедливость и процветание.

– И в Хорасане, и в Иране, и в Мазандаране, да и в других государствах в каждом городе правит свой шах... – рассказывал Амир Сайфиддин-некуз после возвращения из путешествия. – Каждый кент и город стали местом для интриг и склок, страны пребывают в постоянных междоусобицах. Особенно опасны для нас Иран и Хорасан. Мы должны быть начеку...

Амир Темур запомнил слова друга. Когда Сахибкиран был еще в Самарканде, гонец, прибывший от царя Герата, просил усмирить непокорную крепость Фушанж, ставшую пристанищем для разбойников. Тогда он подумал, что нужно срочно идти на Хорасан, но в Туране в то время тоже было неспокойно, поэтому султан на время оставил эту мысль. Но теперь все, он может наконец осуществить свою мечту – завоевать мир...

Перед походом на Хорасан Сахибкиран посчитал необходимым отправить туда своего четырнадцатилетнего сына Амирзаде Мираншаха Мирзу.

– Назначаем амирзаде наместником, – огласил свое решение Сахибкиран на совете в Куксарае. – Амир Сайфиддин-некуз, Амир Шахмалик, Амир Окбуга-найман, Мубашшир-бахадур и другие авторитетные амиры и бахадеры должны нести службу у амирзаде. Пока мы прибудем на место, они должны тщательно изучить обстановку.

– Правильно! Совершенно верное решение! – поддержал Амир Сайфиддин-некуз. Амирзаде Мираншах Мирза зимовал в Балхе.

Весной 1381 года по христианскому летоисчислению, как гласит история, когда природа надела зеленое одеяние, когда все зашело вокруг, Амир Темур начал поход на Хорасан. Это был год курицы, что стало предметом шуток среди нукеров:

– Государь Сахибкиран, как лев, будет преследовать неприятеля!

– Ага, будет наступать, как лев, а враги, как курицы, кудахча, разбегутся кто куда!

– Этот год – год куриных бегов!

Каршинская степь, превратившаяся в военный лагерь, пестрела шатрами, знаменами, повозками.

Наконец над степью прозвучал рог, и бесчисленное войско двинулось в путь.

Через три дня армия добралась до Андхоя, который был пожалован Мир Сайиду Бараке. Согласно совету духовного наставника, он решил посетить обитель святого Бобо Сангува. Это был благообразный старик лет семидесяти, один из самых почитаемых святых, у которого, кроме любви к Богу, не было иных устремлений.

Бобо Сангув вынес из своей хижины свежую баранью грудинку и протянул Сахибкирану.

– Хорасан – грудинка мира, Всевышний дарит его вам! По воле Бога Хорасан в ваших руках! – предсказал святой.

Бобо Сангув молился за Амира Темура.

Амир Темур впервые предпринял поход на Хорасан. Такое предсказание вдохновило Сахибкирана.

Неожиданно близ Герата пришло сообщение: банда разбойников, самовольно обосновавшаяся в крепости Фушанж, совершает набеги не только на местных жителей и путешественников, но и на земли Турана. Амир Сайфиддин-некуз тоже писал о бесчинствах этих бандитов в своем письме.

Был отдан приказ повернуть в сторону Герата. Ожидалось, что начнется осада крепости Фушанж, однако войска, обогнув Герат, повернули в кишлак, где жил Абу Бакр Тайабади – наставник Амира Темура. Мудрейший из современных шейхов, честный ученый, великий шейхулислам Зайниддин Абу Бакр Тайабади всю жизнь жил в кишлаке Тайабад в долине Херируд. Его имя было известно от Ирана до Турана, отовсюду к нему шло множество людей.

Темурбек всегда почитал святых и, где бы ни был, всегда посещал их, выказывая

им свое уважение. Когда-то в двадцать три года он стал учеником известного тайабдского святого, добровольно надев на себя рубище мюрида.

С тех пор между ним и наставником никогда не прекращалась переписка. Проницательный шейх Зайниддин, впервые увидев Темурбека из Кеша, почувствовал, что этого юношу ждет блестящее будущее. Положив руку на лоб Темурбека, наставник закрыл глаза и сосредоточился. Он, видимо, хотел увидеть, что же написано на лбу его мюрида.

Темурбек хорошо помнит, что ему показалось тогда, что на его лбу не рука святого, а какая-то тяжелая ноша...

«Да, придет время и этот молодой амирзаде, даст бог, станет великим правителем большого государства, станет тенью Бога на земле, будет соблюдать заповеди пророка и почитать сайидов – потомков Биби Фотимы, дочери пророка, повсюду установит крепкий справедливый порядок», – промелькнуло в голове шейха. Он долго держал ладонь на голове юноши, чувствуя его внутреннюю силу, чистоту помыслов и чуткость сердца.

Впоследствии шейх Зайниддин в письмах не раз давал ценные советы по управлению государством. Вот что он писал в одном из своих посланий:

«Абулмансур Темурбек, в управлении салтанатом советую обратить внимание на четыре вещи. Первое – советуйтесь с самим собой; второе – пусть ваши машвараты с подчиненными превратятся в советы; третье – размышляйте и будьте чутким; перед окончательным решением будьте предусмотрительны; и, наконец, четвертое – всегда будьте осторожны. Эти правила помните всегда, пусть советы с машваратом и предусмотрительность будут главными заповедями в правлении салтанатом, иначе вы будете сожалеть. Также запомните: в делах салтаната будьте терпеливы, если что-либо видите – делайте вид, что не видели, если знаете – делайте вид, что не знаете. И все!..»

Мудрые советы шейха Зайниддина Абу Бакра Тайабади помогали в правлении салтанатом. В делах салтаната девять из десяти Сахибкиран обсуждал на советах и лишь одно решал с помощью меча. Каждое столкновение с неприятелем он пытался разрешить мирно: простить, помириться, подружиться, породниться. И только когда уже не было иного выхода, брался за меч...

Если Сахибкиран правит мудро тысячами, десятью тысячами людей, то это плоды тех советов. По мнению Амира Темура, один предприимчивый, мужественный, доблестный, решительный, рассудительный и благоразумный человек лучше тысячи нердивых и безвольных. Ибо один опытный повелевает тысячами людей.

– ...Слава Аллаху, Амир Сахибкиран, мы встретились! – ведя гостя к топчану под виноградником, сказал довольный учитель. – Говорят, что благородный амир у порога бедняка, а у плохого амира бедняк у его порога. Так кто же величественнее и благороднее?

– Спасибо за любезность, мой учитель!

Раскрыли руки для молитвы.

Сахибкиран рассказал о том, что пытается укрепить государство Туран, попросил благословения на поход в Хорасан.

– Да... Да... Туран и Иран прекрасны как две юные красавицы, – усмехнулся шейх. – Для того чтобы их укрепить, нужна справедливая политика. Итак... Это, без всякого сомнения, начало мирового господства!..

Шейх задумался и что-то вынул из своего кармана. Это было красивое большое золотое кольцо с рубином, на котором было выгравировано «Сила в справедливости».

– Я догадывался, что вы придете, – улыбнулся наставник. – Я видел сон... Когда вам было двадцать пять лет, я дал вам кольцо, прочитав молитвы, надел на вас шапку дервиша, подпоясал кушаком. А теперь то кольцо я обновил, заказал у знаменитого ювелира. Это вам подарок...

Золотое кольцо пришлось впору.

– В самом деле. Да... Сила в справедливости... – прошептал Амир Темур, не отрывая глаз от кольца и слегка поглаживая его. Рубин горел, переливаясь на солнце. – Сила в справедливости!.. В справедливости...

– За день до вашего прихода я в тысячный раз прочитал Коран. Несомненно, Аллах благословляет меня. Он желает, чтобы вы всегда были справедливы! – будто чувствуя, что на душе у мюрида, сказал шейх. – Сила в справедливости! Но быть справедливым нелегко... К сожалению, нелегко! Нужно признать, что справедливость тоже понятие относительное. Пусть это кольцо будет всегда с вами. Если вы измените справедливости, кольцо потускнеет...

– Благодарю, мой учитель! Спасибо! Спасибо!

Сахибкиран, любуясь кольцом, никак не мог понять, всерьез ли говорит шейх.

Шейх ненадолго задумался и вдруг сказал:

– Если бы я хотел пошутить, то придумал бы что-нибудь другое. Я беспокоюсь, чтобы в ваше сердце не закралась тень сомнения...

– Прошу прощения, учитель! – потрясенный Амир Темур приложился губами к полам халата наставника. – Прошу прощения за недоверие, мой учитель! Я простой грешник!..

– Дай бог, чтобы никогда не ослабевала ваша вера... Вера эта от Мухаммада Мустафы, да будет благославленно его имя. Мы беседуем с правителями и падишахами, избавляя их сердца от гнева и злобы, наполняя их любовью и великодушием. Тогда только и будут защищены мусульмане. Тогда мы и выполним наше предназначение...

Великие слова наполнили душу Амира Темура благодатью. Наступило молчание. Потом наставник медленно продолжил:

– Удивительно, Амир Сахибкиран, но среди шейхов очень мало тех, кто открыто обращается к падишахам. Наш путь иной. Гератский правитель Гиясиддин Курт для защиты города воздвиг крепость и крепостную стену. Народ Герата подвергся тяжелым испытаниям. Узнав об этом, я, сочувствуя народу, отправил послание правителю Гиясиддину Курту: «Поймите, никакая стена не спасет от всех несчастий, посланных Аллахом! Откажитесь от пустой гордыни! Не заставляйте страдать свой народ!» На что правитель ответил: «Нет надобности имамам вмешиваться в дела государства...» Я очень рассердился! Ночью при свете луны я пришел на кладбище и взмолился Аллаху, мол, лиши трона Гиясиддина Курта, преподнеси престол Амиру Темуру Курагану! И так... Дела пророков – делать чудеса, дела святых – предвидеть их ...

– Амир Сахибкиран! Будьте бдительны, когда захватите Герат, прикажите, чтобы не разрушали этот город! Чтобы не причиняли зла простому люду! – шейх на минуту замолчал. – Аллах зажжет вашу свечу. И вот вам мой добрый совет: ни в коем случае не подвергайте страданиям население Герата! Иначе, не дай бог, вас ждет еще худшая, чем правителя Герата, участь...

Амир Темур молча опустил голову и постарался навсегда запомнить слова учителя.

После взятия крепости Фушанж Сахибкиран отправился со своим войском в Герат и не был удивлен, увидев наглухо закрытые городские ворота. Правитель Гиясиддин Курт действительно воздвиг новую крепость, демонстрируя свою готовность защищаться.

II

В четверг доблестное войско под звуки рога подошло к Герату. Перед новой городской крепостью огромная армия быстро перестроилась. В тот день сражение не состоялось. Амир Темур обошел местность, определил слабоукрепленные места, внимательно изучил входы и выходы. На вечернем маварате он отдал ряд ценных распоряжений Мираншаху Мирзе, Амиру Сайфиддин-некузу, Амиру Ок Буга-найману и сыну Амира Муайяд-арлата Мирзе Алибеку.

Перед самым рассветом прозвучал приказ: «Начать наступление!» Задиристые и напористые нукеры правителя Гиясиддина не отступали, сражались самоотверженно.

Наступил кульминационный момент битвы.

Сахибкирану, наблюдавшему за сражением у царского шатра, доложили, что прибыл гонец из Самарканда. Личный слуга Сараймулькханум протянул письмо. Амир Темура на секунду представил красивое лицо любимой женщины и с волнением открыл послание:

«Великий наш повелитель, наша надежда и опора, султан нашей души, свет наших очей, радость нашей жизни Ваше величество государь Сахибкиран! Знайте, что мы все с нетерпением ждем вашего возвращения... Я посылаю вам поклоны от всех обитателей гарема... Спешу сообщить вам обо всех новостях. Наша глубокоуважаемая сестра Кутлуг Туркан-ока немного приболела... Ненаглядному сыну принцессы Ханзады-ханум принцу Мухаммаду Султану, отраде глаз, исполнилось пять лет, дай Бог ему здоровья, он такой смысленный, что, глядя на него, удивляюсь и невольно какой-то страх вкрадывается в душу... Пир Мухаммад Мирза под присмотром Туман-оки своими криками и баловством будоражит весь Боги Бишишт... Шахрух Мирза совсем вырос... И еще... Мой господин, то, что я сейчас хочу написать, мне посоветовала старшая сестра Кутлуг Туркан-ока: наша жемчужинка принцесса Ока-бегим немного приболела. Но за ней ухаживают лучшие лекари. Передавайте наше почтение, поклон и пожелание здоровья лучезарному огоньку нашего гарема Дильшод-оке. Пусть Аллах бережет ее.

Всегда прославляющая вас и молящаяся за вас ваша раба Биби...»

Прочитав письмо, Амир Темура несколько приуныл. Да он и сам знал, что в Самарканде немало забот. Ока-бегим такая юная, но почему-то болеет. Поэтому он не взял ее мужа Мухаммада ибн Мусу в поход на Герат. Его внук Султан Хусейн Мирза воспитывается в доме Амира Мусы и Орзумульк-оки... Все это опечалило Сахибкирана.

После покорения Герата нужно без промедления возвращаться в столицу. Молодая жена Туман-ока в последнее время стала часто сниться ему. Кажется, он соскучился...

Амир Темура не смог усидеть в шатре и поскакал к крепости, будто это могло быстрее решить исход сражения.

Бахадуры амирзаде Мираншаха Мирзы уже шагали по стене крепости. Ахий Джаббар-бахадур, Ианалтекин и Учкора бились беспощадно. Учкора, глядя на противника, насмехался: «Иди сюда, черт побери, иди сюда! Я так хотел тебя увидеть!» и яростно махал мечом, а когда наступала минутная передышка, тут же затягивал свою любимую песенку.

Внезапно Ахий Джаббар-бахадур радостно крикнул нукерам:

– Бахадуры! Смотрите: Амир Сахибкиран! Амир Сахибкиран рядом с на-а-а-а-ми-и-и! Будьте храбрыми, бахадуры! За Аллаха, за Родину, за падишаха пожертвуем жизнью-у-у-у!

Пятнадцатилетний Амирзаде Мираншах Мирза, объезжающий площадь, взмолился:

– Уважаемый государь Сахибкиран! Проявите терпение и возвращайтесь в шатёр-о-ор!

Крик амирзаде потонул во всеобщем шуме. Амир Темура услышал сына, но не успел ответить, он молнией несясь вокруг крепости, с ним – человек пятьдесят личной охраны.

Окруженное со всех сторон войско Герата слабело. Город был слишком большим, и защитникам было трудно поддерживать связь между подразделениями. Постепенно на улицы города стали проникать туранские нукеры. Гиясиддин со своим гаремом спрятался во внутренней крепости.

Город был взят Сахибкираном.

Во время третьего намаза гул сражения затих.

Две тысячи гератских воинов были взяты в плен и приведены на площадь у царского шатра Амира Темура. Среди пленников были и смелые, отважные бахадуры, не раз глядевшие в лицо смерти, и неопытные вояки, которые со слезами на глазах ждали решения своей участи. Никто из них не сомневался, что будет казнен. Но

Амир Темур, помня о совете шейха Зайниддина Абу Бакра Тайабади, задумался... Наступила тишина, которую нарушало лишь ржание лошадей вдалеке.

Султан Турана смотрел на пленных воинов, совсем юных и пожилых... Они невинновны... Нужно наказывать только виновных! Только тех, кто совершил преступление! Но... если их не тронуть, не возникнет ли среди его воинов недовольства, мол, неприятель избежал заслуженной кары... Точно, меня не поймут... А если приказать их казнить, это будет нарушением напутствия духовного учителя, который настоятельно просил не причинять горя жителям Герата... К тому же жизнь дается Аллахом, и имеет ли он право забирать ее?! Пусть Всевышний сам и забирает их жизни!.. Он почуял душу, что это и есть истина.

Тут вспомнились ему и другие слова учителя: «Справедливость – понятие относительное... Придерживаться справедливости не так просто!» Да уж, тяжело быть справедливым... Какие мудрые слова!.. Удивительно, но если пленных казнить, то это в глазах его воинов будет справедливым действием, а если не казнить, то для пленников это будет проявлением высшей справедливости. Как поступить? Для одних справедливость одно, а для других другое. Нет одинаковой справедливости для всех, где же тогда всеобщая справедливость? Где эта справедливость?..

Оказавшись между двух огней, Амир Темур неожиданно приказал секретарю написать следующее письмо:

«Пусть знают все, что если жители города будут спокойно сидеть по домам, то сохраняют свои жизни! Но, если кто-то поднимет оружие против воинов Амира Темура, пусть пеняет на себя!..»

Люди, ожидавшие своей печальной участи, были удивлены этому письму.

Сахибкиран обратился к пленным:

– Всех пленных мы прощаем!.. Каждый из вас должен взять такое письмо и раздать всем жителям города! Покажите его людям! Надеемся, что они поведут себя правильно!..

Пленные, готовые принять смерть, поразились решению Сахибкирана и воодушевленно заскандировали:

– Пусть здравствует государство Амира Сахибкирана!

– Пусть Аллах защитит его!

Амир Темур взглянул на подарок шейха. Золотое кольцо ярко сияло, искрясь на солнце.

Воины, благословляя Бога, обходили город, предупреждали всех, вручая письмо, рассказывали, как Амир Темур Кураган помиловал их, как он великодушен к жителям города. Объятые паникой, растерянно бродящие по улицам жители города, прочитав послание туранского султана, тут же успокаивались и прятались по домам.

Укрывшийся во внутренней крепости рослый, но трусливый малик Гиясиддин понял, что дела его плохи. Он никак не ожидал такого исхода. Ему вспомнились советы шейха Тайабади. Какой же он глупец! Этот святой его проклял!.. Он всегда считал себя гордым человеком, но гордость и помешала ему поступить разумно. Никчемная гордость! Что же делать? Как спастись?

Правитель Герата отправил гонцов в город, чтобы собрать жителей для защиты крепости, но никто не явился. Как ему передавали, на улицах было пусто.

Вскоре ему принесли письмо Амира Темура, которое нашли в городе. Эх, враг смог найти способ переманить его людей на свою сторону! Царь Гиясиддин опоздал. Его охватило отчаяние. Увы, единственный путь – это подчиниться врагу и слаться!

Продолжение следует...

Перевод с узбекского Мухаммада АЛИ и Саодат КАМИЛОВОЙ

поздравляем!

10 мая исполнилось 70 лет известному узбекистанскому писателю Исфандияру Маткаримову (литературный псевдоним Исфандияр). Редакция и общественный совет журнала поздравляют юбиляра, желают доброго здоровья и творческого вдохновения.

Исфандияр родился в 1946 г. в Маргелане. Член нескольких творческих союзов: СП Узбекистана, Союза кинематографистов, Союза журналистов, автор романов, повестей и рассказов, сценариев художественных, телевизионных и документальных фильмов, драм, поставленных в Узбекистане и за его пределами.

Накануне юбилея зам. главного редактора журнала «Звезда Востока» Клавдия Панченко взяла у писателя интервью.

– Когда и как Вы пришли в литературу?

– Во время моей учебы в Литературном институте в Москве в конце 70-х годов прошлого века я как-то взял командировку в Узбекистан от «Комсомольской правды» и прилетел в Фергану. Бывшие однокашники предложили навесить куратора нашего курса в пединституте. Встреча получилась очень теплой и переросла в общение со студентами в актовом зале. И вот на такой же вопрос я шутливо ответил, что никогда даже и не мечтал о таком повороте в своей жизни.

Тут куратор Нина Григорьевна возразила: «Это неправда, дорогие мои. Исфандияр лукавит. Вот у меня в руках талон подписки на трехтомное собрание сочинений Расула Гамзатова, подаренный мне Исфандияром с надписью: “Дорогой Нине Григорьевне, в надежде, что когда-нибудь подарю Вам свою книгу”».

И я вспомнил.

Отсюда выходит, что неведомые высшие силы, которые выстраивают нашу судьбу, такими неожиданными проявлениями пытаются дать нам направление, цель, к которой мы должны идти. Только не все это могут услышать и понять, чтобы воплотить свое мистическое предназначение в жизнь.

– *Что Вы считаете главным для автора?*

– Писатель Тимур Пулатов, которого я очень уважаю, сказал мне, начинающему писателю: «Если задумал что-то написать, пиши сразу, не прерываясь. Хорошая вещь пишется в один присест, с короткими перерывами на сон и перекус. Остановишься – не закончишь».

С годами я убедился в его бесспорной правоте, могу лишь добавить, что главное для любого автора – упорство, трудолюбие и постоянное обогащение своего внутреннего культурно-духовного мира.

– *Разделяете ли Вы точку зрения об избранности художественной литературы?*

– Разговоры об избранности литературы ведутся еще с конца XIX века, особенно с появлением модернизма. Это болезнь самоутверждения, ею переболели многие, впоследствии выздоровевшие, вошедшие в золотой фонд отечественной литературы и не одолевшие болезнь «литературные попутчики», которые, так и не «повзрослев», канули в Лету.

Литература не может быть для плебеев и избранных. Есть литература хорошая, настоящая, и плохая.

– *Какие наиболее актуальные проблемы сегодняшнего дня, достойные описания, вы можете выделить?*

– Главное для любого писателя, на мой взгляд, – пристальное наблюдение за жизнью сегодняшнего дня, за происходящими вокруг социальными и нравственными процессами, жизненными катаклизмами. Хорошо, если писатель сам в гуще общественных потрясений. Но даже стороннее пристальное наблюдение и осмысление происходящего, оценка с позиций современности обязательно выльется в интересное произведение.

– *Какому роду литературы Вы отдаете предпочтение, если драме, то почему?*

– Все, что пишешь – это то, что выносил и родил в муках. Будь то рассказ, роман, пьеса или сценарий – это твои дети. А у меня...

Когда я ворвался в культурную среду Узбекистана после литинститута, готов был ко всему, к любой черной литературной работе: работал сценаристом в сценарной мастерской Айдельши Агишева на киностудии «Узбекфильм» вместе с Андреем Бородиным, Александром Файнбергом, Джасуром Исхаковым и Рихсивой Мухамеджановой. Сдал в издательство очередную книгу, засел за переводы двух повестей: Максуда Кариева «Проводы невесты» и Махкама Махмудова «Подводный мир». Деньги заработал, но понял навсегда, что это не мой хлеб. В двух издательствах в плане две мои книги, что делать. В период моей учебы в литинституте я имел возможность целых пять лет смотреть спектакли лучших театров Союза. Еще тогда мне запала в душу мысль написать пьесу. Это была комедия «Не поверишь, жена, умру». Очень легкая комедия ситуаций. Ее с большим интересом приняли в Москве на радио, а в Ташкенте ею заинтересовался главреж «Еш гвардии» Бахтияр Ихтияров.

Вторая пьеса «Дочь своего отца» тоже была удачной, ее тут же начали репетировать в театре Бахтияра Ихтиярова.

Под хвалебные фанфары на свет появились «В степи звезды ярче», «Лекарство от подлости», «Твоя судьба», «Мошенник» и еще более десятка пьес.

Это настроило против автора определенные круги.

Пока царила кутерьма вокруг моего имени, я перекинулся на написание сценариев для студии документальных и телевизионных фильмов, которые без каких бы то ни было проволок принимались и рекомендовались к постановкам.

Да ладно, «Узбекфильм» это особая статья в моей творческой биографии. А возвращаясь к вашему вопросу о предпочтении к роду литературы, скажу следующее: пока со мной выясняли отношения издатели – я работал с театрами; перекрывали кислород моим пьесам – я уходил в кино, писал сценарии; остановилось кинопроизводство, за это время меня забыли недруги от литературы – открылась дорога моим книгам. И так по кругу.

Теперь вы понимаете, что мое обращение к тому или иному роду творчества вызвано скорее не привязанностью, а необходимостью самовыражения.

– *В каких театрах идут спектакли по вашим пьесам?*

– Если говорить о прошлом, с 70-х годов мои пьесы шли на сценах театров Ленинграда, Беларуси, Татарии, Таджикистана, Украины, Каракалпакии, Самарканда, Бухары, Андижана, Ташкента.

Сегодня – это «Узбекский театр драмы», Музыкальный театр им. Мукими.

– *Как вы оцениваете современный литературный русскоязычный процесс в Узбекистане?*

– Это сложный вопрос. Особенность сегодняшнего дня заключается в том, что раньше, до самого конца прошлого века чувствовалась преемственность поколений в культурной жизни страны: между мастерами и подмастерьями, маститыми и начинающими литераторами.

Сегодня этого нет. Каждый варится в своем соку, пишет как бог на душу положит. Исчезает, если уже не исчез, эталон красоты, красивого слога, критерии художественных достоинств и в драматургии, и в прозе, и в поэзии.

– *Чем интересны и значимы, на ваш взгляд, ваши произведения для молодежи?*

– Это вопрос в большей мере к моим читателям, которых, к огромному сожалению, все меньше и меньше. Как говорят: «Одних уж нет, а те – далече».

– *Ваши творческие планы?*

– Долго душа молча болела. Слава богу, проснулась. Потянуло к письменному столу.

Доработал пьесу, которая была написана в 80-е годы и получила одобрение у Чингиза Айтматова, «Легенда о Манкурте». В свое время она шла на сцене Самаркандского кукольного театра. Сегодня, надеюсь, русскоязычный читатель прочтет ее в вашем журнале с пользой для себя, есть задумка большого романа, о котором говорить преждевременно.

возвращение к читателю

ИСФАНДИЯР

ЛЕГЕНДА О МАНКУРТЕ¹

Драма в двух действиях

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Доненбай – отец Жоламана, глава рода найманов**Найман-Ана** – мать Жоламана**Жоламан** – их сын**Рани** – жена Жоламана**Жуаньжуан** – глава рода жуаньжуанов**Друг Жоламана** – из рода найманов**Норматов Фархад****Норматова Мехринисо Холматовна** – мать Фархада**Норматов Нормат** – отец Фархада**Разикахон Норматова** – жена Фархада

Судья, секретарь суда, палач, воины

I ДЕЙСТВИЕ

Картина 1

Степная юрта. Найман-Ана тревожно прислушивается, прижимает к себе спящего сына, тихонько напевает песню об отце, который ушел воевать, защищая свой род, свою семью.

Отец: *(снимает доспехи, подходит к жене.)* Спит?**Найман-Ана:** Спит. Все рвался вслед за вами. Я с отцом должен быть, говорит, чтобы к нему сзади никто не подкрался.**Доненбай:** Батыра родила, голубка моя. Хороший старшина рода будет, мать. Защитник наш.**Найман-Ана:** Вы чем-то расстроены?**Доненбай:** Ты не видела наших соплеменников, которых мы освободили из плена.**Найман-Ана:** Их превратили в манкуртов?**Доненбай:** Почему мы не такие? Почему мы не превращаем жуанов в манкуртов, как они нас?**Найман-Ана:** Вы все понимаете, мой господин. К ишаку нельзя относиться как к благородному коню. Так и шакала нельзя равнять с волком.**Доненбай:** Ты права, рожденная душистой травинкой нашей бескрайней степи. Твоя душа создана укрывать степь зеленым ковром, удел мужчин моего рода – очищать степь от шакальего племени жуанов.**Жоламан:** *(поднимает голову, бьет себя кулачком в грудь.)* Папочка, сделай меня своим воином. Я должен стать таким, как ты. Я помогу тебе очистить степь от наших врагов, клянусь памятью наших предков.

¹ Журнальный вариант.

Картина 2

Кабинет судьбы по гражданским делам. Судья, моложавый самодовольный мужчина, улыбается Разике, ухоженной, красивой, кокетливой женщине.

Разика: Откуда у вас такие конфеты? Просто оторваться невозможно. Я возьму еще одну, можно?

Судья: Для вас, прекрасная Разикахон, лучшие, самые дефицитные конфеты! Только приходите, все для вас и только для вас.

Разика: Ловлю на слове, я люблю шоколадные конфеты.

Судья: Я тоже.

Разика: Я люблю очень хорошие конфеты.

Судья: Я тоже люблю очень хорошие конфеты. И поверьте, несравненная Разикахон, я буду всегда угощать вас такими конфетами.

Разика: Вы очень опасный человек, и потому я посмею поинтересоваться, что вы скажете о моем деле, из-за которого я здесь, в вашем кабинете.

Судья: Деточка моя, о чем вы беспокоитесь? Неужели я мог дать повод подумать, что ваше обращение ко мне может остаться без положительного разрешения вопроса?

Разика: И все же я хочу знать, не будет ли каких препятствий?

Судья: Секретарь доложил о вашем деле. Ни о чем не беспокойтесь, все будет решено наилучшим для вас образом.

Разика: Как же не беспокоиться, господин судья? У меня семья может разрушиться, если вы не вынесете положительного решения. А кому я потом буду нужна, да еще с двумя несовершеннолетними детьми?

Судья: Неужели мать вашего мужа такой изверг?

Разика: Хуже! Никогда не знаешь, что она сделает через минуту, понимаете?

Судья: Нет.

Разика: О боже! Недавно мы купили стиральную машину. За полторы тысячи долларов. И что вы думаете она сделала?

Судья: Подарила соседям?

Разика: Вы как в воду глядели. Вот вы смеетесь, а мне остается только валерьянку пить. Представляете, я прихожу с работы, а моя дражайшая свекровь отнесла нашу новенькую немецкую машинку к соседке, которой захотелось устроить постирушку!

Судья: Постирала?

Разика: Спалила мотор. Мы, конечно, поменяли ее на другую, но это нервы, время. А до этого ей захотелось погладить моему мужу костюм, и она спалила рукав. А костюм этот две с половиной тысячи долларов стоит! И таких случаев... вы себе не представляете, очень много. Можно сказать, вся моя супружеская жизнь из таких вот... неприятностей. Если вы не поможете, мне хоть в петлю лезь.

Судья: Милая моя, вам ли с вашей красотой беспокоиться о таком пустяке. Будь у вас даже вдвое больше детей, только подайте знак – и к вам очередь выстроится с предложением руки и сердца!

Разика: И вы тоже?

Судья: Я первым буду стоять, лапочка вы моя.

Разика: Это вы с вашей чуткой душой так думаете, а другие... (*Машет рукой.*) Вы должны, понимаете, обязаны нам помочь, а я для вас... я все сделаю, вы меня понимаете?

Судья: Я же пообещал, душа моя!.. И знаете что... чтобы я был уверен в ваших словах...

Разика: (*томно кладет свою ладонь на его руку.*) Я вас поняла, а вы?

Судья: Я тоже... и потому предлагаю закрепить взаимопонимание сегодняшним ужином!

Разика: Надеюсь, это будет приличное место?.. Красивая жизнь требует соответствующих расходов...

Судья: (*радушно разводит руками.*) Для вас, прелестная Разикахон, все, что пожелает ваша сиятельнейшая особа...

Картина 3

Степная юрта. Сбоку висит боевое снаряжение: шит, сабля, лук, колчан со стрелами. Пожилая женщина Найман-Ана вешает колчан на крюк, окликает невестку.

Найман-Ана: Рани, скоро Жоламан вернется с охоты, а у нас еда не готова еще.

Рани: *(входит в юрту с недовольным видом.)* Мясо еще вчера закончилось, из чего мне готовить?

Найман-Ана: Как закончилось? Надо было бросить в котел вяленую оленину, вот и обед.

Рани: Вашу оленину сколько ни вари, зубы сломать можно. Принесет ваш сын свежатину, тогда и приготовлю что-нибудь.

Найман-Ана: Это ты о муже так говоришь, доченька?

Рани: Нет, о вашем сыне.

Найман-Ана: Ты, наверное, плохой сон видела, доченька? Или болит у тебя что-то?... *(Пристально смотрит на нее и радостно восклицает)* Какая же я непонятливая! Конечно, я поняла твое состояние. Ты ждешь ребенка? Признайся, милая. Вот радость для Жоламана, когда он придет и узнает причину твоего состояния!

Рани замирает, услышав слова свекрови, зажимает рот и выбегает из юрты.

Жуаньжуан: *(выглядывает из темноты.)* Рани, козочка моя ненаглядная. Ты чем-то расстроена?

Рани: *(испугано оглядывается.)* Ты зачем здесь? Меня погубить хочешь?

Жуаньжуан: Душа горит, когда не вижу тебя.

Рани: Душа у него горит, раньше надо было думать. Теперь поздно, я замужем, у меня муж есть. И он меня очень любит. Все. Оставь меня в покое, слышишь?

Жуаньжуан: Слышу, родная. Очень хорошо слышу, но чувствую, будто солнце сжигает мое тело и душу.

Рани: Уходи, оставь меня в покое. О небо! Как мне плохо! *(Стонет от тошноты.)*

Жуаньжуан: Тебе плохо? Ты заболела?

Рани: Уйди вон!

Жуаньжуан: Ты это мне, женщина?

Рани: Тебе, тебе! Оставь меня в покое, понял?

Жуаньжуан: Я уйду, но запомни, ты очень скоро пожалеешь о своих словах. Я уничтожу всех людей твоего мужа, а самого его превращу в раба, в манкурта, который по одному моему слову матери родной перережет горло.

Рани: Пошел вон, паршивый пес!

Голос Жоламана: Рани, встречай любимая. Хорошая охота была.

Жуаньжуан: Ты услышала меня, женщина. *(Исчезает в темноте.)*

Рани: Ау! Я здесь... мой муж...

Картина 4

Дом Матери. Она безучастно смотрит в окно. Появляется дух умершего мужа.

Дух: О чем грустит душа моя?

Мать: Меня в суд вызвали.

Дух: В суд? Опять какая-то проблема с невесткой, любимая?

Мать: Заявление подписал наш мальчик.

Дух: *(вздыхает горько.)* Ты веришь в то, что это возможно?

Мать: Солнце мое, будь вы рядом, такое бы не случилось, я знаю.

Дух: Моя умница, ты все прекрасно понимаешь. Ведь, если случится, что на улице тебя укусит бездомная собака, тебе и в голову не придет вызывать милицию и жаловаться на нее.

Мать: Это так, ненаглядный мой. Но не могу я уйти из нашего дома, в котором живет ваша душа!

В этом доме мы создали семью, развели сад, родили сына. И как мы радовались, когда он впервые встал на ноги и пошел. Я помню тот день, когда он сказал свое первое слово «папа». Я до сих пор помню, как светились ваши глаза, когда вы подняли его на руки и, прижав к себе, просили: сынок, скажи еще раз – папа. И он повторил – папа, папа, папа...

Картина 5

Отец наполняет глиной форму, поднимает, несет на солнцепек и переворачивает. Смотрит на сына шести-семи лет, который с серьезным видом переворачивает подсохшие кирпичи. Вытирая пот, поглядывает на отца.

Сын: Папочка, чай принести?

Отец: Спасибо, сыночек мой! *(Видит жену.)* Нет, остановись. Вот и мамочка наша с подносом идет. А это значит, что время пообедать и перевести дух.

Мать: А как иначе, папулечка? Малюточка наш взрослую работу делает, по глазенкам вижу, устал очень. Я вам пельмени сделала, как вы любите. Умывайтесь – и к дастархану, а я за вами поухаживаю.

Сын: Я совсем не устал, мамочка. Ведь мы с папой **наш** дом строим.

Отец: Правильно, сынок. Дом только тогда держит тепло и удачу, когда его стены подняты руками всей семьи.

Мать: Строители мои, ненаглядные. Гнездышко возводят, в котором наши души будут жить...

Сын: Как же так, мамуся? А разве мои дети не будут жить с нами в нашем доме?

Отец: Ты правильно, сынок, поправил мамочку. Только ты не очень вдумался в ее слова, о семье и душах нашего дома. А семья наша подразумевает будущее, в котором она будет состоять из нас – тебя, меня, нашей мамочки, а потом обязательно, когда ты станешь совсем взрослым, из твоей жены, детей ваших, которые будут зваться нашими внуками. Ты это имела в виду, сероглазая моя голубка?

Мать: Конечно, конечно, свет души моей! Я именно это хотела сказать. Не успела только.

Картина 6

Зал судебного заседания.

Судья: Истцы здесь? Ответчица здесь? Тогда начнем судебное разбирательство по заявлению Норматова Фархада Норматовича в отношении своей матери Норматовой Мехринисо Холматовны о признании ее недееспособной и водворении ее в интернат для престарелых людей под наблюдение опытных врачей...

Заканчивает читать заявление, смотрит на Фархада Норматова, который сидит, опустив голову, с отрешенным видом.

Разика: Подними голову, к тебе судья обращается.

Фархад: Да, да. Я здесь.

Судья: Вы подтверждаете свое заявление? Это вы писали его? Ответчица ваша родная мать?

Фархад: Да, да. Это я писал. Это моя родная мама.

Судья: Норматова, вы слышали, что я читал? Это ваш родной сын написал в суд просьбу помочь определить вас в интернат. Вы можете пояснить свое отношение по поводу услышанного?

Мать не понимает, что ей говорит судья, но поспешно кивает головой.

Мать: Да, да. Все так и есть.

Судья: Норматов, я вас слушаю.

(Разика резко толкает мужа в бок. Тот поспешно поднимает голову, смотрит на судью.)

Фархад: Я здесь. Я вас слушаю.

Судья: Это я вас слушаю. Поясните суду, почему вы написали свое заявление? Почему просите у суда отправить вашу маму в интернат, признав ее недееспособной?

Фархад: Господин судья, мне плохо. Голова кружится, разрешите мне выйти на воздух...

Судья: Если вам плохо, мы можем перенести заседание суда на другой день.

Разика: *(решительно встает.)* Господин судья, прошу вас! Не надо ничего переносить. Зачем затягивать дело, если и так все ясно. Вы же не против, мама?

Мать: Да, да. Я со всем согласна, дочка. Я не против.

Разика: Вы слышали, господин судья, мама со всем согласна. Так ведь, мама?

Мать: Так, доченька.

Картина 7

Юрта Жоламана. Тревожный звук боевого рога и крики: «Найманы, война!» Жоламан вскакивает с постели, кидается к своему оружию.

Рани: Мой муж, что нам делать?

Мать: *(входит в юрту, в руках у нее тяжелый меч.)* Сынок.

(Жоламан секунду смотрит на мать, на жену, опускается на колени перед ними.)

Жоламан: Мама, благословите меня.

Мать: Твой отец погиб, защищая своих людей. Возьми его меч, пришло твое время. Пусть духи наших предков будут с вами в вашем правом деле. Пусть дух отца твоего направляет мечи твоих воинов прямо в сердца врагов наших. Иди с легкой душой, сын мой. Не думай о нас, я и твоя жена, как и все жены наших воинов, будем молиться за вас, за вашу победу.

Шум битвы. Крики воинов.

Картина 8

Зал судебного заседания. Судья смотрит на Разику, которая, жестикулируя, обращается то к судье, то к прокурору, то к заседателям...

Разика: Поверьте, господин судья... мама сама предложила нам решить этот вопрос, и мы, и она остались довольны. Только после разговора мы с мужем начали искать подходящие варианты.

Голос из зала: И нашли – упрятать ее в дом престарелых.

Разика: *(резко обернувшись.)* Во-первых, это не какой-то там замызганный дом престарелых, а элитный интернат для пожилых заслуженных людей. А во-вторых, и нам, и маме там очень понравилось. Она познакомилась там со всеми, даже знакомых своих встретила. И соседка по комнате у нее очень хорошая старушка будет. Они вместе даже чай попили... с пирожным...

Судья: Попрошу не мешать судебному разбирательству. В следующий раз нарушители покинут зал заседания. Норматов, что вы можете рассказать суду?

Фархад: Я не могу. Мне плохо. Разрешите мне выйти?

Разика: Господин судья, прошу вас... Мой муж плохо себя чувствует. Если можно, я сама расскажу суду все, что надо. У меня даже письменные показания наших соседей по делу. *(Достает из сумки стопку бумаг и подает судье.)* Прошу Вас приобщить это к материалам дела.

Судья: Норматов, вы согласны с заявлением вашей жены?

Фархад: Да, да, я согласен.

Судья: Гражданка Норматова, вы согласны с заявлением вашей невестки и вашего сына?

Мать: Да, да. Я согласна. Это мой сыночек... Он так решил, значит, так нужно.

Картина 9

Шум битвы. Крики сражающихся.

Голос Жоламана: Вперед, други мои. Еще немного – и победа за нами...

Жуаньжуан: (делает знак своим.) Исполняйте, как я приказал, бараны!

Жоламан: Стой, пес! Все равно не уйдешь от меня! (Преследует убегающего врага)

Жуаньжуан: (выскакивает из укрытия с обнаженным мечом, выбивает оружие из руки Жоламана.) Это ты мне?

Позади Жоламана появляется воин Жуаньжуанов, накидывает на голову Жоламана аркан, затягивает петлю на шею и бьет булавой по голове разом обмякшего врага.

Жуаньжуан: Ты поверил, что мои воины бегут от тебя?

Воин: Говорят, старый попадет в ловушку – потерял ум и сноровку, молодой падает – мало ума и сноровки. Ха-ха-ха.

Жуаньжуан: Этому уже ничего не понадобится.

Воин: Хорошего манкурта из него сделаю. Много верблюдиц за него выручишь, хозяин.

Жуаньжуан: Сделаешь, пять лучших верблюдиц выберешь из моего стада.

Картина 10

Юрта. Найман-Ана воеет, причитает, раскачивается из стороны в сторону. Невнятно входит друг ее сына, замирает у входа, смотрит на нее. Найман-Ана поднимает голову, всматривается в полумрак.

Найман-Ана: Кто здесь?

Найман: Это я, друг твоего сына, мать.

Найман-Ана: Слезы иссушили мои глаза. Подойди ближе, чтобы я могла рассмотреть тебя... Да, теперь вижу... Что скажешь старой матери, которая просила найти ей сына: живого, чтоб могла порадоваться его возвращению, раненого, чтобы обмыла и излечила его раны или мертвого, чтобы оплакала его останки и похоронила рядом с могилой отца его?

Найман: (качает головой.) Мы обыскали всю степь, но не можем утешить тебя даже надеждой, Найман-Ана. Нет его нигде. И следов его мы не нашли, как ни больно признаться в своем бессилии. Утром мы снова уйдем в степь и, мое слово тебе, мать Найманов, не вернемся, пока не отыщем его.

Найман-Ана: Сердце мне говорит: жив мой сын. Может, схоронился где, стрелой коварной пронзенный? Искать надо. И жена его Рани пропала. Мужа кинулась искать и не вернулась. Ищите Рани, она должна быть рядом с мужем своим.

Картина 11

Больничная палата. На кровати лежит Отец. Смотрит на жену с улыбкой, нежно поглаживая ее руки.

Мать: Золотой мой, зачем, зачем вы это сделали? Зачем отдали свою почку?

Отец: Ласточка моя, успокойся. Возьми себя в руки, все позади. Я сделал то, что было нужно для меня, для нашего сыночка. И для тебя... Ну, никто же не ожидал, что сердце мое не выдержит.

Мать: Мы же с вами решили. Можно было все сделать по-другому. Дом бы продали, чтобы найти сыну донора... А теперь... как мне жить без вас?

Отец: Голубка моя. Любимая. Ты была у Фархадика? Видела его?

Мать: *(вытирает глаза платком, кивает.)* Видела.

Отец: А что врач говорит?

Мать: Все хорошо у него, никаких осложнений.

Отец: Вот видишь, все не зря. Не мучай себя, милая. Думай о сыне. О его будущем... Ты должна верить. Он обязательно станет большим человеком. Ты будешь гордиться им, а я буду гордиться тобой, моей маленькой героиней.

Мать: Будете гордиться?

Отец: Конечно. И не смей сомневаться в моих словах. Я всегда буду рядом. И ты будешь меня чувствовать. И даже видеть, когда очень и очень захочешь.

Мать: Говорите, рядом будете, а цветы и деревья, которые вы посадили в саду, начинают болеть. Листья пожелтели. Они тоже... умирают, наверное, потому, что нет в живых вас. Даже растения... а я человек. Ваша жена.

Отец: Ты моя плоть. Был, есть и буду душой с тобой на этом и другом свете. А что наш сад болеет, так это ничего. Просто, деревья привыкли к тому, что я разговаривал с ними каждый день. Они, как люди. Живые. Только разговаривать с тобой не могут. Но слушают, понимают. Если ты болеешь, они тоже болеют. Если тебе хорошо, они радуются за тебя.

Разговаривай с ними, как будто разговариваешь со мной. И они поймут, услышат тебя и будут всегда ждать тебя, твоего прихода, говори им все, что с тобой за день произошло, как растет наш мальчик, что у тебя на душе, на сердце. Как это ты делала с сыночком, когда он не засыпал, пока ты ему сказку не расскажешь. Ведь то, что растет вокруг нас, все живое: вода, трава, деревья. Они всегда рядом, это самые близкие к людям существа, которые думают, переживают и болеют за нас, людей. И очень скоро тебе станет легче. Ты научишься слышать их, чувствовать, понимать...

Картина 12

Степная юрта. Жуаньжуан и его воины празднуют победу.

1 Воин: За победу!

Хор голосов: За Жуаньжуана!

2 Воин: С нашим князем мы скоро всю степь завоюем. Все кланы и семьи.

1 Воин: Сами к нам придут – почувствовав нашу силу. Уже несколько старшин своих парламентаров к нам прислали, просят покровительства.

Жуаньжуан: Сами не придут – уничтожим. Как жоламановское отродье. Эй, кто там есть? Почему до сих пор не привели ко мне Рани, жену раба Жоламана?

2 Воин: Уже давно привели. Ждет, когда позовешь.

Жуаньжуан: Ко мне ее. Быстро.

Вводят Рани. Ставят ее на колени перед Жуаньжуаном.

Жуаньжуан: Как тебе твое новое положение?

Рани: Где мой муж? Что вы с ним сделали?

Жуаньжуан: Какой муж? *(Оборачивается к своим людям.)* Вы видели ее мужа?

Голоса: Не видели.

Рани: Моего мужа, главу рода жоламанов. Жоламана. Я видела: вы ташили его связанного.

Жуаньжуан: Нет больше рода Жоламана. Нет твоего мужа. Есть мой раб, бывший вожак непутевого рода, понятно тебе, бывшая жена бывшего хозяина клана?

(Делает знак своим людям и тут же в юрту вводят окровавленного Жоламана. Голова его гладко выбрита.)

Жоламан: Рани? И ты здесь! *(Ревет как раненый зверь.)* О Боги неба! За что мне такая участь? Рани, прости меня, любимая.

Жуаньжуан: Смотри, смотри на нее последний раз.

(Один из подручных силой ставит пленника на колени, привычным движением натягивает на его голову шапку из вымени только что освежеванной верблюдицы.)

Жоламан: О Боги! Дайте мне сил, чтобы я смог насладиться кровью моих врагов! О Боги!..

Жуаньжуан: Привяжите его к столбу, чтобы солнце закончило вашу работу. Приведете ко мне, когда он будет готов.

(Подходит к Рани, сжимает подбородок и поворачивает лицом к себе.)

Жуаньжуан: Теперь это Манкурт. Очень скоро он превратится в бессловесное животное. В манкурта...

Рани: Будь ты проклят! Проклинаю тебя, степной шакал, вместе с твоей сворой шакалов! Проклинаю!

1 Воин: *(бьет ее нагайкой.)* Молчи, мразь!

Жуаньжуан: *(с силой отбрасывает его в сторону, начинает избивать ногами, хлестать плеткой.)* Здесь я хозяин. Я один могу делать со всеми, что хочу, убивать, кого хочу. Понял, пес паршивый? Уберите его отсюда! *(Оборачивается к Рани.)* Ты сама виновата в том, что я сделал... Не захотела стать моей женой, теперь твой удел быть моей наложницей. Будешь сопротивляться – тебе же хуже. Будешь ублажать пастухов в холодные дни...

Картина 13

Зал судебного заседания. Говорит жена сына...

Мать не смотрит на нее, сидит сгорбленная на скамье перед судьей и, глядя в пустоту перед собой, беззвучно шевелит губами, разговаривает с невидимым собеседником...

Мать: За что она меня так не любит, папулечка?

Дух: Жемчужинка моя, что я могу тебе сказать? Если бы я знал ее раньше...

Картина 14

Юрта Жуаньжуана. Рани мечется, не находя места от стога, воя и крика Жоламана, который доносится снаружи.

Голос Жоламана: О небо! Боги всемогущие! Дайте мне силы сохранить рассудок! О моя голова! Ма-а-ма! Где ты, мама? Помоги мне? О Боже! Убей меня, не могу так больше!

Жуаньжуан: *(входит в юрту, смеется, глядя на мечущуюся Рани.)* Хорошо кричит. Душевно. Такой Манкурт долго проживет.

Рани: *(надрывно)* Не могу больше слышать это! Лучше убей его, молю тебя. Сжался! Надо мной сжался, если я тебе нужна. Я с ума сойду, ты же человек?

Жуаньжуан: Я не человек. Я Жуаньжуан, вождь рода Жуаньжуаней. *(С наслаждением прислушивается к крикам Жоламана.)* Потерпи еще несколько дней, скоро разум его окутает ночь и он успокоится...

II Действие

Картина 1

Мать: У нас сегодня радостный день, отец. Ваш сын, наконец, решил привести в дом жену.

Дух: Вот видишь, родная, а ты переживала: когда сын женится, когда заведет семью?

Мать: Да, это так. Душа болела. Говорила ему, что, если бы был жив папа, давно бы свадьбу сыграл. Внуки появились бы. Он в ответ: потерпи, мама. Институт окончу, получу диплом, потом о свадьбе можно поговорить.

Дух: Если подумать хорошо, он прав, милая. Помнишь, как ты из положения выкручивалась, пока он рос, в школе учился, только чтобы он не чувствовал, что растет без отца?

Мать: И сейчас по ночам руки ломит, спина не разгибается.

Дух: Ласточка моя, неужто я не понимаю? Во всей школе полы перемыть... на такое не всякий мужчина способен.

Мать: Рано утром я улицу мету, а он идет в школу: мамочка, увидишь, вырасту большой, у тебя десять служанок будет. Одна – стирать, другая – дом убирать, третья – на базар, по магазинам ходить, еду готовить. Как принцессу одевать буду, мамочка!

Дух: Оттого, что у нас такой чуткий и умный мальчик вырос, и тебе хорошо, тепло в его тени, и мне здесь не так холодно. За тебя радостно, спокойно.

Мать: Да, мой любимый, пусть ваша душа упокоится.

Дух: А девочка эта, которую сын решил сделать своей женой, хорошая? Что я спрашиваю? Разве может наш сын выбрать другую девушку?

Мать: Хорошая, красивая. Разикой зовут. Они вместе в школе учились, потом в университете.

Дух: Разика? Красивое имя!

Мать: И сама красавица и умница. Вы не против?

Дух: Ну что ты, голубка моя! Разве я могу усомниться в выборе нашего сына? Внуки, значит, будут очень красивые. И умные.

Картина 2

Юрта Найман-Ана. Она невидяще смотрит в пустоту, не слышит, что ей говорит Найман, который вернулся из лагеря Жуаньжуана.

Найман: Мать Найманов, я нашел твоего сына. И невестку твою Рани, которая одевается в шелка и ублажает поработителя своего мужа.

Найман-Ана: Ты нашел моего сына Жоламана? Видел Рани? Где же они?

Найман: Я видел твоего сына, но это уже не Жоламан. Это манкурт. А твоя невестка Рани живет в шатре нашего злейшего врага Жуаньжуана.

Найман-Ана: Мой сын манкурт?

Найман: Это так, мать Найманов. Жуаны превратили его в безмозглого раба. У тебя больше нет сына. Ты потеряла сына, я потерял лучшего друга и брата. Он не признал своего имени. Он манкурт, мать Найманов. Манку-у-рт!

Найман-Ана: Я не верю тебе, лже-найман. Я мать, Жоламан – моя плоть и кровь. И какой бы лед не сковал его разум, его сердце, мое дыхание растопит тот лед, заполнит пустоту, которая образовалась в его душе. Уходи, пока я не прокляла тебя! Уходи и забудь дорогу в мой дом... *(Найман разворачивается и уходит.)*

...Нет, не может такое случиться с моим сыном. О, Владыка Неба, как ты позволил превратить моего единственного сына в бездумного раба? В тупого манкурта? *(Плачет. Рвет волосы, посылает пылью голову. Голосит.)*

Найман-Ана: О сын мой Жоламан! Какие мучения ты перенес, когда разума тебя лишали! Как выл ты от боли, глядя на Луну, когда руки мучителей твоих стянули голову капканом из вымени верблюдницы, чтобы уничтожить память о твоём происхождении! Почему небо не дало мне возможности хотя бы вытереть глаза твои, которые сочились кровавыми слезами, когда ты плакал в бреду, призывая меня на помощь?!

Картина 3

Юрта Жуаньжуана. Рани сидит спиной к выходу. Прислужница расчесывает гребнем ей волосы, смазывает голову благовониями. Появляется Найман-Ана. Видит Рани, осторожно переступает порог.

Найман-Ана: Рани, доченька, это ты?

Рани: Кто здесь? *(Резко оборачивается, в замешательстве смотрит на старушку, потом обращается к служанке.)* Как она сюда попала?

Найман-Ана: Рани, это я, мама твоего мужа Жоламана! Ты меня не узнала? Слезы и солнце иссушили мое лицо, прости меня, дочка.

Рани: *(встает, смотрит за спину старухи)* Уходите, сейчас сюда придет мой... господин. Он убьет тебя.

Найман-Ана: Помоги мне, дочка. Я хочу увидеть моего Жоламана.

(Служанка неслышно проскальзывает в дверной проем.)

Рани: Говорю тебе, если хочешь остаться живой, уходи немедленно.

Найман-Ана: Я принесла все, что у меня есть. *(Разворачивает узелок и высыпает на ковер украшения.)* Тебе они так нравились. Видишь, я все принесла! Только уговори своего... хозяина вернуть мне Жоламана.

Рани: Неужели ты думаешь, он узнает тебя? Он – манкурт.

Найман-Ана: Да, мне об этом сказал его друг Найман. Пусть так, я заберу его. Пройдет время, и небо вернет ему хоть капельку разума, чтобы он вспомнил меня, ту, которая подарила ему жизнь, Рани...

(В юрту вбегает стражник, хватая женщину за волосы и замахивается мечом.)

Стражник: Как ты пробралась сюда, старуха?

Рани: Остановись, не убивай ее. Выведи ее отсюда, пусть уходит. Разум покинул ее. Так же, как и ее сына. Манкурта.

Стражник: Куда? *(показывает жестом на небо и по своему горлу)* На небо?

Рани: Я же сказала. Отгони ее подальше в степь и брось там.

Служанка: Так эта старуха – мать нового манкурта? *(Отворачивается, пряча улыбку на своем лице.)*

Рани: Еще одно слово – и я вырву твой поганый язык!

Найман-Ана: Рани, верни мне моего мальчика! Рани... О Жоламан, я иду к тебе, мой сыночек...

Картина 4

Ржание лошадей. Ночная темнота. Жоламан какое-то время смотрит на луну, целится в нее луком.

Жоламан: Не смотри на меня, или мне придется убить тебя. *(Стрела улетает в небо, туча закрывает луну.)* Ага, испугалась? Хозяин приказал, никто не может приблизиться ко мне или говорить со мной.

Найман-Ана: Жоламан, сынок! Родной мой, тебя ли видят мои глаза? *(Тянется к нему, чтобы обнять, но он делает шаг назад и направляет на нее лук.)*

Жоламан: Кто ты? Уйди вон, или я убью тебя!

Найман-Ана: Ты... ты не узнал меня, сын мой? Это я, твоя мать. Женщина, которая выносила тебя под сердцем, Жоламан!

Жоламан: Я не понимаю тебя, женщина. Уходи, или моя стрела пронзит тебя. Хозяин сказал, у меня нет матери. Меня родило небо...

Найман-Ана: Он обманул тебя, твой хозяин, Жоламан. Посмотри, эти руки поддерживали тебя, когда ты учился ходить. Поднимали тебя, когда ты падал, вытирали твои слезы, когда ты плакал от боли.

(Жоламан пытается что-то вспомнить, роняет лук, сжимает руками голову, стонет от боли, выхватывает из-за пояса меч.)

Жоламан: Я не понимаю, что тебе надо, женщина! Ты хочешь угнать лошадей, ты воровка? Хозяин говорил, если кто-то заговорит со мной, он отрубит мне голову.

(Настораживается, принюхивается, смотрит на котомку, которую держит в руках женщина.)

Что там?

Найман-Ана: Ты хочешь есть, мальчик мой? *(Торопливо развязывает узелок, вынимает кусок вяленого мяса, протягивает сыну.)* Это мясо я приготовила для тебя. На огне, как ты любишь. Возьми, поешь.

Жоламан: Мясо? *(Отступает назад, замахивается мечом.)* Ты хочешь меня убить?

Найман-Ана: Разве мать может убить своего сына? Возьми, поешь. Это вкусно. Может быть, это поможет тебе вспомнить родной дом?

Жоламан боязливо делает шаг, другой, тянется к рукам матери, от которых вкусно пахнет. Бьет по руке Найман-Аны. Кусок мяса падает под ноги. Жадно рыча и урча, как это делают голодные собаки, обгладывает большую кость.

Найман-Ана: О Небо! Дай мне силы выдержать эту пытку!

(Жоламан жадно смотрит на котомку в руках женщины, вырывает её из рук Найман-Аны, вытряхивает на землю остатки содержимого и пихает себе в рот.)

Найман-Ана: Тебе понравилось? Ты вспомнил, как я готовила мясо к твоему приходу с охоты?

Жоламан: У тебя больше нет?

Найман-Ана: Нет. Но я принесу. Ты вспомнил меня, Жоламан?

Жоламан: Мяса. Я хочу еще мяса. Дай мне мяса.

Найман-Ана: Хорошо, сын мой. Я принесу тебе еще, ты не уходи никуда... Я скоро...

Картина 5

Юрта Жуаньжуана. Входит Жуаньжуан, за ним слуги с двумя большими узлами в руках.

Рани: С возвращением, хозяин. Очередная победа?

Жуаньжуан: И богатые трофеи. Еще одним племенем Найманов меньше в нашей степи, а у нас прибавилось рабов и верблюдов.

Рани: Если так пойдет и дальше, скоро кроме жуаньжуаней никого в степи не останется.

Жуаньжуан: Да, скоро я подчиню себе все племена и роды найманов.

Рани: А кто откажется тебе подчиниться?

Жуаньжуан: Будет уничтожен. Кто не со мной – тот враг. А врага всегда уничтожают.

Рани: А что потом? Когда в степи не останется врагов? С кем воевать будешь?

Жуаньжуан: *(смеется самодовольно.)* Захочешь поохотиться – жертву отыщешь. На земле всегда найдется, с кем воевать. Отец всегда говорил: «Аппетит приходит во время еды». Так было, так есть и всегда будет.

Рани: Тогда и ты можешь окончить жизнь, как твой отец?

Жуаньжуан: То, что произошло с моим отцом – удел всех воинов. А с убийцами моего отца я покончил за одну ночь, вырезал все поганое племя от малых детей до полудохлых стариков.

(Уходит. Рани подходит к узлам, развязывает их, любуется вещами, примеряет украшения из золота и серебра. В юрту входит Найман-Ана, обращается к бывшей невестке.)

Найман-Ана: Рани, доченька, я опять пришла к тебе с мольбой, помоги мне! Помоги освободить Жоламана, ведь он так любил тебя!

Рани: О Владыка степи, ты снова пришла сюда, старуха? Смерти своей ищешь? Не хочешь жить, возьми нож и проткни свой живот, но оставь меня в покое. Нет больше на свете Жоламана, есть Манкурт, поняла ты наконец?

Найман-Ана: Ты права, Рани. Во всем права. Если я не смогу помочь моему мальчику, так и сделаю. Незачем мне жить на земле без моего сына! Прошу, дай мне немного мяса, он такой голодный.

Рани: *(снимает с крюка кусок вяленого мяса и брезгливо кидает к ногам Найман-Аны.)* Возьми и уходи скорей. Уходи, если тебе дорога твоя жизнь.

Найман-Ана: Зачем мне эта жизнь без моего сына? *(Уходит, бормоча что-то несвязное.)*

Жуаньжуан: Что с тобой? Ты плачешь? Тебя кто-то обидел?

Рани: Да, да. Ты... ты меня обидел.

Жуаньжуан: Успокойся женщина. *(Бьет ее плеткой.)*

Рани: Убей меня, я не могу больше терпеть такой жизни.

Жуаньжуан: Успокойся, Рани. *(Обнимает ее.)* Объясни, кто тебя обижает?

Рани: Она... она опять приходила. Не могу я, понимаешь? Не могу я ее видеть и слышать.

Жуаньжуан: Кто приходил?

Рани: Старуха. Мать Жоламана. Умоляла отпустить с ней ее сына.

Жуаньжуан: Ты хотела сказать Манкурта?.. И что она с ним будет делать? *(смеется)* Он ее никогда не узнает и не признает. Он же Манкурт.

Рани: Я не могу ее больше видеть. Мне плохо, понимаешь.

Жуаньжуан: Ты сама просила не убивать ее.

Рани: Сделай так, чтобы она больше не приходила сюда.

Жуаньжуан: Она больше не придет. Успокойся.

Картина 6

Жоламан: *(смотрит на луну и мычит, пытаясь напеть мелодию, которую ему когда-то напевала мать.)*

Найман-Ана: Бедный, бедный мой мальчик!

Жоламан: Эй, опять ты?

Найман-Ана: Я, сынок. Твоя бедная мать, ты меня узнаешь? Неужели Небо смилостивилось над моими сединами, ты вспомнил меня?

Жоламан: Ты принесла мясо?

Найман-Ана: Мальчик мой, вот... вот, возьми. Это мясо дала мне для тебя твоя Рани. Ты помнишь Рани? Это твоя жена, которую ты так любил, скажи, ты вспомнил ее?

Жоламан: Мясо. *(Хватает из рук матери мясо и с урчанием начинает рвать его зубами.)*

Найман-Ана: Помнишь, как я пела твою любимую песню, чтобы ты побыстрее засыпал? *(Напевает.)*

Жоламан: *(прислушивается к мелодии, пытается повторить ее.)*

Найман-Ана: Ты помнишь? О Небо! Разум возвращается к тебе?

Жоламан: У тебя странный язык! Хозяин говорит не так. У него другие слова.

Найман-Ана: Правильно, я говорю на языке твоих предков. Ты узнаешь язык найманов, который ты слышал со дня своего рождения? Конечно, узнаешь, зачем я спрашиваю? Ведь это язык твоего отца. Ты помнишь, помнишь отца, который подарил тебе жизнь?

Жоламан: Мой отец там. *(Показывает на небо.)* Хозяин сказал, что я упал с неба, чтобы служить ему. Я должен охранять его юрту и убивать всех, кто без его разрешения подойдет ко мне. *(Смотрит на луну.)* Эй, что ты говоришь?

Найман-Ана: Что с тобой, родной?

Жоламан: Что-то сказали, а я не понял. Почему?

Найман-Ана: Доненбай, твой отец, тоже разговаривал с луной. Это он пытается говорить с тобой, напомнить тебе, чей ты сын. Это он тебе напоминает, что ты сын баходира Доненбая.

Жоламан: Я не понимаю тебя. Когда ты говоришь, у меня сильно болит здесь *(хватается за голову.)* Уходи, я не хочу тебя слышать.

Найман-Ана: Сын мой, вспомни свое имя. Тебя зовут Жоламан. Так захотел Доненбай, потому что ты родился в пути. Найманы нашего рода искали новые пастбища для табунов и отар, и твой отец очень обрадовался твоему появлению. Он приказал устроить большой пир в честь рождения наследника Жоламана. Три дня варили мясо и пили крепкий кумыс, три дня и три ночи веселились мужчины и женщины нашего рода, танцевали вокруг огня и пели песни в честь сына славного воина Доненбая.

Жоламан: Странно. Я никогда не чувствовал такого, когда говорил хозяин. Мне тепло здесь *(трогает свою грудь)*, когда ты говоришь.

Найман-Ана: Сынок, тебе тепло, потому что память начинает возвращаться к тебе. Дай мне руку, я уведу тебя такой дорогой, что ни один Жуаньжуан нас не догонит. Только нам надо торопиться, Жоламан, ты меня понимаешь, сынок?

Жоламан: Отпусти... ты слышишь, хозяин идет сюда?!

Жуаньжуан: Так вот, как ты исполняешь мой приказ?

Жоламан: Хозяин, я не виноват. Она меня куда-то зовет.

Жуаньжуан: Кто это? Воровка? Она хочет украсть моих лошадей, а ты не убил ее? Эй, кто там есть, ко мне!

Воины: Мы здесь, хозяин.

Жуаньжуан: Забить их обоих!

Жоламан: Не надо! Не бейте меня!

Найман-Ана: *(Не чувствуя боли, кидается к сыну, пытается закрыть его собой.)* Не надо! Не трогайте его! Меня, меня убейте, это я виновата...

Жоламан: Хозяин, не делай мне больно. Я сам, я сам убью воровку! *(Выхватывает меч и замахивается на мать.)*

Найман-Ана: Сын мо-о-ой!

Жуаньжуан: Вот настоящий Манкурт.

Раздается эхо: Манкурт! Манкурт! Манкурт!

Картина 7

Мать: Дорогой мой, мне плохо без вас. Не оставляйте меня здесь, мне так одиноко с тех пор, как вы ушли.

Дух: Ну что ты, милая! Разве я могу тебя оставить одну? Я всегда с тобой, ты же это всегда чувствовала, ведь так, голубка моя?

Мать: Я больше не могу, не хочу оставаться здесь без вас. Умоляю, заберите меня с собой.

Дух: Душа моя, только не плачь. Видишь, я рядом? Я пришел за тобой. Вставай, мы теперь всегда будем вместе. Идем, нас ждут наши друзья, с которыми ты так любила встречаться у нас дома, разговаривать, петь песни...

(Обнимает ее за плечи, осторожно придерживая, уводит с собой...)

Судья: Ответчица, у вас есть, что сказать суду?

(Мать сидит неподвижно, уронив голову на грудь.)

Ответчица, вы слышали вопрос? Если у вас нет никаких возражений, скажите, и мы закончим слушание дела!

(Секретарь суда идет к Матери, трогает ее за плечи. Мать медленно валится на бок. Секретарь растерянно смотрит на судью.)

Секретарь: Она... она не дышит...

(Сын кидается к ней.)

Сын: Ма-ма-а-а!

ПОЭЗИЯ

Камешки с теплого пляжа

* * *

Незванный гость, склонив голову набок, молчит.
Разглядывает искореженные тела сломанных стульев –
последствия застолья.
Снег пульсирует за окном,
оплетая город мягким коконом,
склоняя лезвия сонных трав все ниже к земле.
Кто из нас прав?

Во Вселенной пахнет нефтью –
в комнате океаном,
мир мучительно белый –
в комнате полумрак,
в комнате все бездвижно,
в комнате нет живых.
Незванный гость подходит ближе,
за ним неизбывное горе
– верным любовником –
по пятам.
Но вместо протяжного воя
раздастся пронзительный свист.

* * *

Уткнувшись в шероховатую кожу слона, уснуть на песке.
Проснуться, прижавшись к тебе позвоночником,
в комнате с трещинами на потолке.
Стать воплощенным воздухом.
Стать, как все,
мятостью мака, мягкостью губ,
отпечатавшись в голове
грубостью почерка, искренностью полуночника.
Стать смелей.

* * *

Несколько лет ты еще будешь мне сниться,
Но после очередной годовщины
Мы сольемся, срастемся, станем похожи в лицах,
Сплетемся ветвями.
Я осознаю себя двуединой.

Анна БУБНОВА

Родилась в 1995 г.
в Ташкенте. Окон-
чила Республи-
канскую среднюю
школу изобрази-
тельных и при-
кладных искусств,
Республиканский
колледж им. П.
Бенькова. Работа-
ет в молодежном
театре художни-
ком-декоратором.

* * *

Горячо пульсирует Индия.
Горизонт расстилается под ногами,
небо здесь – посмотри! – начинается от земли.
И вот ты уже провидец,
 всевидаш,
 бесстыден,
 обыден,
пальцы твои – лепестки – бледны.
Шнурки, развязавшиеся, сандалий
 волочатся за тобой,
рвутся, остаются лежать в пыли.
А небо заволокли журавли.

* * *

Ты отпустил меня,
и все отпустило,
я невесома.
Я
 только нить,
слишком долго тянувшийся звук,
бесприютное слово.
Позабыв о нашем с тобой родстве,
я служу
 носителем откровений,
вестником воскресения,
 колоколом горбуну.
Я больше тебя не жду.

* * *

Всюду, где пожелаешь, ты собираешь меня:
я и камешки с теплого пляжа, и дикие травы гор,
вместо крови моей течет в твой бокал гранатовый сок,
мой голос пробирается по проводам в твой дом,
многоэтажность которого отражает прерывность линий,
 троичность мира.
Всюду, где собираешь меня – собираешь себя.

* * *

Ты жмуришься на февральском солнце с улыбкой Будды.
Сквозь тебя просвечивает город, в котором поиск – признак безумства.
А меня медленно покидает рассудок от такого количества отсутствий.
Город, в котором я ишу лица в трещинах штукатурки,
 как ты в трещинах лиц ищешь суть,
 играет со мною в жмурки
 И силится зачеркнуть.
С оранжевым рюкзаком за спиною,
держась за поручень, я опускаюсь в бункер
и не вижу, как город ржавой ладонью смывает твое лицо.

* * *

Мы с тобой молоды,
читай – бессмертны –
здесь оправдание моих безумств.
Позже
 я сдам экстерном,
 стану экспертом,
отпраздную свой триумф –
 позже.
Сейчас
 сiju в таверне –
 отражающая поверхность,
отраженная в шероховатости бытия,
 влюблена...
вылавливаю из десерта изюм,
жду тебя.

* * *

Грозовое облако надо мной –
дотронусь рукой – и хлынет.
Затопит-утопит мертвой водой,
оставив меня пустыней;
оставив дрожать на ветру – струной,
пересечением линий.
Грозовое облако надо мной
стало моей святыней.

ПОЭЗИЯ

Полынный запах поздней грусти

Беладонна

Собрал вам ягод волчьих горьких,
Присядьте рядом, визави,
Ведь завтра в мире одиноких
На пару больше станет, Vi...

С руки моей берите больше,
Мне хватит яда и в речах,
Что может быть... куда уж проше,
Последний ужин при свечах.

В словах прощальных все фальшиво,
Их больше нечем подтвердить,
Ну почему вы так красивы!..
А значит, память будет мстить.

Вино окрашивает совесть
Во что-то пошлое на вкус,
Выходит рукопись и повесть
Вполне сгорят себе, и пусть.

Престранный вечер, неуклюжий,
Еще чуть-чуть – и нам пора,
В студеном воздухе снаружи
И разойдутся вектора.

Закурим молча у ограды,
Прости... простимся наконец.
«Vi, мои чувства были правдой...»
«И тем не менее, вы – лжец».

**Дамир
ХУДАЙБЕРДИЕВ**

Родился в 1976 г.
в Бухаре. Врач-
офтальмолог,
работает в фар-
мацевтической
индустрии. Стихи
пишет с детства,
публикуется в ин-
тернете.

В парке Чаир

Осенний запах хризантем... в саду, что полон весь печали,
Где листья желтые опали, стал непохожим на Эдем.
Растаял утренний туман, вернув унылый птичий гомон,
И громче всех выводит ворон наш упокоивший роман.

Опустошившая нас страсть жива в осенней мелодраме,
Как мы расстались в Зурбагане? Как мы могли так низко пасть!
В аллее, бывшей местом встреч, тропа полна любовных писем,
Теперь мы, правда, не зависим от их желания увлечь.

В холодном воздухе с утра полынный запах поздней грусти
Проводит к выходу, отпустит, раз время вышло и пора...
Прощай, наш парк, последний путь, она сама придет проститься,
Взамен шарфа в платке из ситца... шарф у меня, не обессудь.

Ива

Смелее... Первородный грех... Еще мешают стыд и скромность
Забыть знакомых, близких – всех, и погрузиться в невесомость,
Идти у чувств на поводу, учиться чувственности снова,
Открыть ярчайшую звезду и понимать все с полуслова.

Все ощущения внутри, в одном из робких измерений
Играют красками зари и всей палитрой озарений,
В час воскрешения чудес, в миг искажения реалий,
Под осуждение небес и возмущение морали.

Признайся, вымоли слова, тебе простят за откровенность,
За то, что ты опять жива, но после сгубишь эту ценность,
Мне снится долгожданный сон, как грустно плачущая ива,
Склонившись низко над ручьем, вдруг признается, что счастлива!

Магнолия

Нет-нет... не стоит говорить напрасных слов и объяснений,
Увы, не вправе вы любить, любя без толики сомнений.
В глубинном чувстве зреет яд, нектар порывов перебродит
С годами в немощность стократ – назло чувствительной природе!

Живите в рамках, в них мораль вас сгложет рано или поздно,
А вместе с ней и календарь мстить будет сердцу виртуозно.
Но вы все стерпите, сильны в похвальной преданности долгу,
Храня беспочвенные сны, а с ними подлую иголку.

Нет-нет... желаю вам добра! молюсь за ваше исцеленье,
Не потревожу вас зазря в текучем бренном измерении,
Все будет так, как и должно быть в нашем мире обреченном,
Как нечто среднее равно между «не важно» и прискорбным.

Лучшее во мне

Не оскверняйте чувств любовных «забавным» флиртом, просто так:
Безвкусный яд в словах фривольных даст порчу быстро, как сорняк.
Цените чистые порывы, в них столько высшей красоты,
Что нет другой альтернативы и смысла прыгать с высоты.

Они доверчивы по сути, что так легко все подменить,
А ваш «волшебный» шарик ртути способен только навредить.
Как жаль, что сдержанность не в моде, как жаль, что скромность не в цене,
И коротки не по погоде наряды пошлые вдвойне...

Но коли вам попала редкость и исключение из норм,
Угмоните свою дерзость и пересядьте на паром.
В неторопливом приближении к туманным новым берегам
Синица одухотворения даст фору даже журавлям.

Параллельные миры

Мы дети странных двух миров необъяснимых измерений,
Твой в колыбели мертвых снов и мой на кладбище видений,
Пересекаемся ли мы? пересеклись в год високосный
И взяли ценное взаймы, и понесли урон серьезный.

С тех пор мы оба Дежавю, мы оба в прошлом настоящем,
И настоящее «люблю» живет и дышит днем вчерашним.
Кто проклял нас на небесах или проклятие в предтечах,
Тебя беру в других телах, а ты со мной с другим на встрече.

Найдем ли пары мы? нашли, но с каждым полным лунным ликом
Мы топим в море корабли, жалея втайне о Великом,
Как это часто сходит с рук, возможно, мы с тобой любимы,
Не в силах вырваться за круг, и потому так уязвимы.

В тот самый важный год судьбы мы оба приняли обеты
И не сдержали слов, увы, и были загодя отпеты,
Года прибавят нам оков, а время силу обострений...
С тех пор мы мученики снов, с тех пор мы демоны видений.

проза

Олег КОТЕНКОВ

Родился в 1950 г. в Ташкенте. Окончил ТашГТУ. Инженер-гидроэнергетик. Публиковался в газете «Леди», журнале «Звезда Востока».

ПРОЕКТЫ И ДОСТИЖЕНИЯ

Рассказы

ГЕНЕТИКА

На массивной деревянной двери кабинета висела табличка с крупной надписью: ДИРЕКТОР НИИ БОТАНИКИ СКРЫТНИК ФЁДОР ИВАНОВИЧ, а ниже – более мелко: «Все науки интересны по-своему, и лишь генетика устанавливает законы, по которым мы живем, и прежде чем постучаться и войти, подумай, что ты сделал для науки?» После прочтения не каждый отважился даже постучаться, но смелым, которых было совсем немного, представлялась при входе такая картина: в большом черном кожаном кресле, непринужденно развалившись, с чувством собственного достоинства, которое было обозначено его немигающими небольшими голубыми глазами, излучающими пламень и устремленными на посетителя, сидел неподвижно директор института. Так же неподвижно под потолком за его спиной висел в позолоченной раме огромный портрет патриарха и основателя современной генетики Менделя Грегора Иоганна. С портрета целеустремленно и решительно взидало открытое округлое лицо с большим, даже очень, лбом и прямым носом, на котором восседали очки в металлической оправе, точно такие же, как у директора. Дела в институте, скажем честно, шли неважно: новые законы не открывались, растения и животные скрещивались неохотно, ничего не изобреталось, лишь иногда печатались статьи, да и то исключительно в местных изданиях. Директор на планерках рвал и метал (в основном, стаканы с водой), называл всех без исключения лодырями и бездарностями. Начальники отделов и лабораторий шли планироваться строевым шагом, как на групповой эшафот. Однажды вызвал Федор Иванович Луку Закатина, молодого, подающего надежды специалиста, защитившего магистерскую диссертацию, и недовольно начал распекаль:

– Раненько, раненько, Лука, звезда твоя закатилась, мысли твои плесенью покрылись, взбодрись, вспомни патриарха, где статьи, публикации? Не вижу креативности мышления! Мендель в твои годы открыл три закона, а ты не можешь написать ни одной путной статьи, совсем перестал публиковаться, уволю! – громко сотрясая воздушное пространство своего кабинета сначала басом, а потом резко перейдя на фальцет, закончил директор. На что Лука дрожащим голосом возразил:

– Так Мендель жил в монастыре, одиночкой, в келье, ему никто не мешал, а у меня семья...

– Неубедительно, неубедительно, – качая головой, раздраженно прорычал Федор Иванович. – Но я тебе создам такие же условия! – решительно продолжил директор.

И каждый рабочий день закрывал его в подсобке с перерывом на обед и всякие естественные нужды (правда, иногда забывал открывать) и даже предложил Луке тему для докторской диссертации: «Наследственное влияние влюбленности родителей на репродуктивность их детей», и тот действительно вскоре доказал, что влюбленность влияет не только на родителей и их детей, а также на всех и вся, особенно на Федора Ивановича, который был замечен с женой Луки в кинотеатре. И мрачные мысли окутали его светлую голову, но, вспомнив патриарха, который постоянно пребывал в его воображении, он взял себя в руки и продолжал креативничать. В процессе творчества он создал прибор, который определял семейную влюбленность на «стороне»... и запатентовал его. Единицу измерения данного состояния по настоянию директора назвали «феодорий». Пять фео�ориев по шкале прибора означало пора спасать семью, десять – поздно.

Прибору дали название ПСС – прибор сохранения семьи. Новобрачным при регистрации бесплатно выдавали ПСС, в результате чего число разводов снизилось на 50 %, а рождаемость повысилась на 20 %.

Восторгаясь успехами Луки, Федор Иванович отменил планерки, ограничившись вызовом в свой кабинет начальников отделов и лабораторий по отдельности. Пришурив левый глаз, правым он вьедливо буравил своего оппонента, словно стреляя из винтовки Мосина. Не выдержав столь стремительного натиска, посетитель терялся и молча отступал, тихо прикрывая за собой массивную дверь и направляясь в одиночную келью. Директор, увенчанный победоносными лаврами, откидывался в кресле, закрывая глаза, восстанавливая душевные силы. Для успеха восстановления приглашал своего любимчика дядю Васю. В штате тот числился сантехником, но выполнял функции электрика, слесаря, плотника, садовника, – одним словом, на все руки мастер. Но особое удовлетворение он получал, ухаживая за виноградником. Бывало, закроются в кабинете, сначала шепчутся, а затем громко спорят.

Через пару лет на научном Совете Федор Иванович огласил результаты споров: путем скрещивания столовых и винных сортов винограда на трехлетней лозе и инъекций винных дрожжей, настоянных в серебряной таре на пчелином липовом мёде, в шейку корня произошло следующее. В первый год получено четыре кисточки столового винограда. Во второй – восемь кисточек винограда, из них шесть столового и две винного. При этом в столовом сорте обнаружены особые энергетические свойства, так как при добавке их в пищу спортсменов спортивные показатели стали резко расти. А у козы бабы Шуры (тещи дяди Васи) надои молока увеличились на 80 %, а жирность уменьшилась на 5 %, так как коза употребляла в пищу листья столового винограда. Причем подкармливание младенцев небольшим количеством такого козляного молока привело к быстрому росту и набору веса, уменьшению заболеваемости детскими болезнями и повышению иммунитета. В связи с этим от прививок отказались, чтобы не травмировать детей. Данный сорт назвали «энергетическим». В винном сорте явно чувствовался вкус сухого вина с ароматом липы и альпийских трав. При этом алкоголь не был обнаружен, поэтому его называли «безалкогольным». При его употреблении люди становились добрыми, влюбленными, веселыми и счастливыми. Обо всем этом Федор Иванович доложил с гордостью и вдохновением.

Прослышав про энергетический виноград, в НИИ нагрязнуло с проверкой Всемирное антидопинговое агентство (ВАДА). Брали пробы на допинг у виноградной лозы, бабы Шуриной козы, которая лакомилась листьями винограда, у пчел, опылявших виноград, и даже отлавливали птиц, которые его клевали. Пытались взять пробу и у бабы Шуры, но вмешалась Всемирная организация по правам человека и запретила это, так как бабе Шуре было далеко за семьдесят. Антидопинговое агентство тянуло, тянуло с результатами, но потом всё же вынесло вердикт: пробы отрицательные,

допинг не обнаружен. Все спортсмены отказались от химических добавок и перешли на виноград «энергетический», поэтому необходимость в ВАДА отпала, и организацию расформировали, но, чтобы не простаивало дорожее оборудование, оставили на всякий случай одну маленькую лабораторию, сотрудники которой брали пробы друг у друга и у своих родственников. Но журналистам (как – знают только они) просочилась информация о том, что все пробы оказались положительными. Они написали «что надо» и отправили «куда надо», на основании чего лабораторию ликвидировали, а всех сотрудников и их родственников пожизненно дисквалифицировали, лишив работы и пенсии по возрасту. Дорогостоящее оборудование передали безвозмездно дяде Васе. На этом оборудовании он путем скрещивания пшеницы, ржи, авокадо, ванилина, сахарного тростника и кое-чего еще, о чем никому не рассказывал, получил зерна, мука из которых обладала сдобой, причем сто граммов выпечки содержали 1 ккал. Это здорово обрадовало женщин всего земного шара, особенно балерин. Каждое зернышко нового сорта выставлялось на аукционе в Лондоне, и зернодоллары сыпались в закрома валютохранилища НИИ словно манна небесная.

Особенным спросом пользовались молодильные яблоки, полученные путем скрещивания и введения инъекций пчелиного молочка в корневую систему саженцев. При употреблении этих яблок кожа на лице становилась эластичной и белой, как первый снег, морщины разглаживались без косметических операций, губы без помады и тату становились алыми, как маки, ресницы длинными, как у молодой телочки, и черными, как в ненастную ночь. В связи с этим женщины как по команде отказались от макияжа.

Парфюмерные компании несли огромные убытки и, чтобы совсем не разориться, скупали огромными партиями саженцы яблонь данного сорта. Заказы на саженцы были оплачены парфюмерными компаниями на 20 лет вперед.

Сорт яблонь этого вида называли в честь патриарха «Мендель».

Спортивные организации на 10 лет вперед оплатили черенки энергетического винограда. А безалкогольным виноградом заинтересовались не только виноделы из Франции, Италии, Аргентины, но и всемирные женские и мужские организации традиционной ориентации. Из бюджетного НИИ переоформился, поменяв название «Ботаника» на ООООО «Генетика» – общество с ограниченной ответственностью особо одаренных. Сотрудники общества получали премии не один раз в квартал, а два раза в неделю. Устроиться на работу туда, даже сторожем, было практически невозможно. Только по великому благу или рекомендациям дяди Васи, в крайнем случае, бабы Шуры, ну а совсем в крайнем – её козы.

Так как запасы международного валютного фонда иссякли, то уже он у ООООО «Генетика» просил выдать кредит в счет его будущих кредитов на развитие, продвижение и внедрение генетических успехов на планетарном уровне. От великих держав заливов Балтийского моря, проливов Ла-манш, Лаперуза, Босфор и даже Суэцкого канала, а также западных стран, омываемых Тихим и Атлантическим океанами, поступали приглашения для выступления с лекциями и докладами на международных семинарах, форумах, конференциях. Было получено приглашение и для козы бабы Шуры на международную выставку уникальных животных. Члены комиссии шупали вымя козы, восторгаясь его размерами до того усердно, что то ли от смущения, то ли от негодования коза боднула одного члена в неудобное место, да так неудачно, что у него на всю оставшуюся жизнь отпала охота шупать не только коз, но и прочих особ противоположного пола – и парнокопытных, и homo sapiens. В настоящее время дядя Вася – заместитель директора по науке – номинирован на Нобелевскую премию по биологии, готовит черный фрак, чтоб получить заслуженную награду.

ТАРИФЫ

В офисе малого предприятия проходит налоговая проверка. За большим столом сидит инспектор, обложившись кучей папок и скоросшивателей. С озабоченным видом, нервничая, залетает проверяемый и, слегка задышавшись, произносит:

- Здравствуйте!
- Здравствуйте, – отвечает сидящий.
- Извините, слегка опоздал – пробки, – оправдывается проверяемый.
- Ничего страшного, присаживайтесь, разговор предстоит долгий.
- Ничего, постою.
- Нет-нет, присаживайтесь, – настойчиво предлагает инспектор.

Молча сидят минуту-другую, проходит минут десять. Первым не выдерживает долгой паузы проверяемый:

– Может, договоримся? Столько для Вас работы, – кивает на огромную кучу бумаг. – Вы уже столько трудитесь, и еще столько предстоит, да и я нервничаю. Не будем отнимать друг у друга время и здоровье... Я заплачу штраф, и разойдемся спокойно по своим делам. Обдумайте мое предложение.

– Запомните, – строго предупреждает инспектор, – штраф оплатите через кассу согласно акту проверки, во-первых, а во-вторых, как я могу знать величину штрафа? Сначала проверю по позициям: касса, банк, склад... и т. д., всего позиций шесть и у каждой свой тариф на штрафы, – вежливо поясняет налоговый.

– Хорошо, – соглашается проверяемый. – Допустим, по всем позициям обнаружатся недочеты, с учетом тарифов какова будет сумма штрафа?

Инспектор достает свой калькулятор, смотрит в небольшую книжечку, начинает считать и показывает результат. От увиденной суммы проверяемый бледнеет, быстро вскакивает с места, начинает жестикулировать дрожащими руками и громко кудахчет как курица-наседка:

– Как это? Как это? Как это?!

– Согласно тарифам по инструкции в зависимости от объемов работ, – спокойным и ровным голосом произносит проверяющий.

– Но эта сумма больше этих самых объемов, – возмущенно осипшим голосом произносит мученик проверки.

– Сумма штрафа подсчитана согласно инструкции, кстати, для служебного пользования, я ее не обязан Вам показывать, но, так и быть, сделаю исключение. Вот посмотрите, официальная бумага, утвержденная Министерством финансов и согласованная с Министерством здравоохранения, – уверенным голосом произносит налоговый.

– Ха, ха, ха, – нервно засмеялся (если это можно назвать смехом) жертва проверки, – при чем здесь Минздрав?

– Как при чем?! Вот черным по белому написано: «Если во время проверки у проверяемого обнаружатся неврологические отклонения, то тарифы на штрафные санкции уменьшаются в зависимости от состояния больного». Вот, пожалуйста, например, «микروинфаркт – на 20 %, инфаркт – на 50 %, обширный инфаркт – на 80 %».

– А если проверяемый складывает руки на груди и закатывает глаза, каков будет штраф? – с раздражением спрашивает проверяемый.

Инспектор спокойно берет калькулятор, долго что-то ищет в инструкции, считает и говорит:

– По-моему, у меня калькулятор испортился, или батарейки сели, подайте, пожалуйста, Ваш. Опять считает, очень нервничает и произносит возмущенно: – Ничего не пойму, и Ваш показывает ноль...

Оба молчат, пауза затянулась.

– А что тут понимать: нет человека – нет и штрафа, – с раздражением произносит проверяемый и продолжает ворчать: – С вашей проверкой и тарифами недолго и в больницу угодить.

– Так у нас и здесь все предусмотрено, не зря же с Минздравом согласовывали, – оживляется инспектор. – При нашем налоговом ведомстве открыт неврологический центр по лечению и реабилитации жертв налоговых проверок, но там свои тарифы...

Проверяемый еще больше побледнел, покрылся холодным потом, схватился за грудь! Ему явно было плохо, но прежде чем потерять сознание, он услышал голос инспектора:

– Сейчас вызову «скорую помощь», она у нас бесплатная.

Хотя инспектора явно терзала тоскливая мысль: «Придется уменьшать штраф».

Врач приехавшей «скорой помощи», сделав какой-то укол, спрашивает:

– Куда повезем?

– Как куда, конечно к нам в реабилитационный центр – будем преумножать тарифы...

ОХОТНИК ЗА МУЗАМИ

Удивительное состояние – сон человека – сладостное и желанное, но в молодости он недосыпает, потому что всегда найдется кто-то ограничивающий это сладкое состояние: родители, соседи, друзья, подруги. В зрелом возрасте никто не ограничивает, но все равно недосыпает, потому что страдает бессонницей. Военный пенсионер Мультипкин Афиноген Никодимыч последнее время страдал этим несчастьем, можно сказать, недугом. Но именно в такие минуты наступали мгновения просветления, когда он чувствовал волшебную тягу к стихосложению. Вначале появлялись рифмы вроде «любовь – бровь – кровь»; «теша – ноша – калоша» и т. д., затем и целые строфы:

Я помню вкусное мгновенье,
Я – ухажер, люблю варенье,
Люблю девчонок приласкать
И кофе по утрам лакать.

«Откуда такая тяга к поэзии?» – он перебирал в уме генеалогическое древо своего рода, но, как ни старался, не смог вспомнить «плодов» с поэтическими наклонностями. «Дар Божий!» – осенило его, он даже вскрикнул, слегка подпрыгнув на кровати, и чуть не свалился с неё. Сраженный наповал своим открытием, он долго не мог прийти в себя, а тем более заснуть. Особенно явным дар стал, когда он расстался со своей ненаглядной спутницей жизни. С грустью и вдохновенно он написал:

Солнце всходит на востоке,
На западе заходит, как всегда.
Мне теша выпила все соки
И разлучила с женой навсегда.

Его душевное равновесие было нарушено не только тешей, но и соседом, который оказался далеко не последней «скрипкой» в печальном «концерте». В результате мучительных страданий родился еще один шедевр:

Три месяца дано на сборы,
Три месяца не спит поэт,
Три месяца на уговоры...
С моей женой сбежал сосед.

В конце концов страсть к поэзии окончательно победила хандру, и непризнанный гений увлеченно продолжил «удивлять» своим творческим «даром». При этом он решил облагородить имя и фамилию, оставив в покое своего отца, одним словом, придумал псевдоним, броский и смачный, чтобы привлечь внимание читателя, даже поменял паспорт, став Светлым Аполлоном Никодимычем. Разобравшись с псевдонимом, напряг мозги и решил: «Надо музой обзавестись для вдохновения, ибо поэт

без музыки – это всё равно что охотник без ружья, да и в хозяйстве пригодилась бы: не творческое это дело – поэту посуду за собой мыть».

Дал Аполлон объявление в газету: «Ищу музу со знанием иностранного языка для совместных поэтических упражнений. Коротко о себе: рост ниже среднего, возраст и вес выше среднего, крупного телосложения, лицо круглое, нос большой, голова с залысинами, глаза серые, маленькие. Всех муз до 18 лет и после 40 прошу не беспокоить».

На объявление почему-то никто не откликнулся, тогда он продолжил поиск в интернете: вышел в «одноклассники», кликнул мышкой, но никто не отозвался, за исключением его учительницы по литературе: «Видимо, последнюю строчку объявления не прочитала», – подумал Аполлон.

Решил расширить поиск, разослал призыв к музам всего земного шара. Кликнул и не поверил своим глазам: аж целый гарем из девяти муз одновременно отозвался. От такого сюрприза дыхание участилось, а сердце от предвкушения совместного творчества сбилось с ритма, да так, что чуть было не остановилось совсем. «Видимо, со знанием иностранного языка, – обрадовался поэт, – имена все какие-то импортные: Евтерпа, Полигимния, Каллиопа, Урания, Клио, Талия, Мельпомена, Терпсихора, Эрато». Начал анализировать аннотацию, которая прилагалась, и сделал вывод: «Крышует сестер на горе Парнас их сводный брат и мой тёзка. Ведут сестры праздную жизнь: весной и летом уезжают в горы, поют, танцуют, водят хороводы, а подыгрывает им на своей дудочке их брат Аполлон. Зимой самолетом компании «Пегас эрлайн» спускаются к морю и продолжают резвиться. Видимо, «кучеряво» живут, мне это вполне подходит», – сделал вывод пенсионер. «Но девять – слишком много: пенсии не хватит на подарки к Международному женскому дню 8 марта, одной тоже маловато – не вдохновит», – рассуждал поэт и решил выбрать двух. Но кого? Любил худеньких и с тонкой талией, поэтому первая муза не обсуждалась: «Будет Талия! Вторая – Евтерпа (видимо, предки жили в Евпатории – буду ездить на Черное море отдыхать)».

После заочного знакомства с музами написал с десяток «шедевров» и решил поделиться своим «творчеством» с редакцией одного из солидных изданий, даже гонорар приблизительно подсчитал. На перспективу подумывал публиковаться в зарубежных изданиях, тем более что музы со знанием иностранных языков имеются. И вот в один из пасмурных осенних дней зашел в офис редакции. За столом сидел солидный редактор, излучающий божественный свет изощренности и литературной эрудиции. Изучив материал, он негромко, но сухо произнес:

– Вы что принесли?

– Как что, это поэзия, лирика, если хотите, созданная мною в результате жизненных наблюдений и переживаний, – несколько раздраженно произнес Аполлон Никодимыч.

– Уважаемый, – редактор сделал паузу, вспоминая имя посетителя, но так и не вспомнив, продолжил: – Уважаемый, лирика – это особый способ художественного мышления, не от слова «худ», а от слова «художник». Осмысление жизни – это реальные сокровенные переживания, виртуозно отображенные в искусстве. И не всякое ваше слово, ваше, как вы изволили выразиться, переживание – лирика. Передача всего прочувствованного и осознанного должна быть художественно оформлена, эстетически выражена. Этому посвящен целый раздел науки о литературе – «стихосложение». В каждом из нас «сидит» лирик, но не каждому дано удачно выразить охватившее его чувства. Простите, а вы поэтов-классиков читали? О золотом, серебряном веке что-нибудь знаете? – Наступила продолжительная пауза, в течение которой поэт вспомнил «Записки охотника», написанные каким-то классиком, но вот кем именно?.. Речь редактора произвела убийственное впечатление на «талантливого» поэта, которого сначала бросило в жар, затем – в холод и начало трясти, как самолет в турбулентном потоке. Слава, признание, материальные ценности, о которых он мечтал, начали расплываться, как надписи на морском песке, смываемые волной.

Поэзия как-то улетучивалась, он вспомнил тещу, жену, соседа. «Редактор ничем от них не отличается: полное непонимание «великих» – вот их беда», – с грустью подумал Аполлон.

Собрав остатки воли, он принял позу возмущенной, непонятой и обиженной жертвы, оскорбленной и поруганной. Проницательно уставившись на редактора, которому показалось, что из глаз поэта, словно снаряды из артиллерийской пушки, вылетают шаровые молнии, крайне раздраженный Аполлон, ехидно усмехаясь, поинтересовался:

– Это что за спортивный пьедестал в поэзии – золотой, серебряный век, а где же бронзовый? – Устрашающий взгляд посетителя стимулировал память редактора, и он, вспомнив имя «поэта», мягко, чтобы никоим образом не обидеть его, но при этом изо всех сил стараясь сдержать улыбку, произнес:

– Аполлон Никодимыч, я Вас прошу, успокойтесь, почитайте классиков, я уверен, к Вам придет вдохновение, Вы обязательно напишете прекрасные стихи и станете первым поэтом бронзового века!

ФЕРМЕР

Степка Журавлев жил на окраине села, на крутом берегу небольшой реки. Был он среднего роста, плотного сложения, таких в народе называют ширококостными, с густой черной шевелюрой, веснушчатым круглым лицом, простоватым и всегда удивленным. Хоть и шёл ему 27 год, с работой так и не определился, так как везде, где бы ни работал, он словно отбывал повинность. Более трех месяцев не задерживался нигде: пробовал себя электриком, слесарем, сантехником, строителем и много чего другого перепробовал, но никак не мог выбрать что-то по душе. А мечты быть богатым, иметь машину, большой двухэтажный дом, каждый год выезжать на отдых в экзотические края не давали покоя. По несколько раз в день обходил свое хозяйство: заросший сорняком огромный участок, доставшийся в наследство от родителей, покосившаяся от времени изба да дюжина кур с петухом, с покорностью дожидавшихся своей скорой кончины. Глядя на все это, приходящее в упадок, он задавался извечными философскими вопросами «как быть?» и «что делать?», вопрошающе поглядывая при этом на небо. Не находя ответа, с горечью брал удочки и отправлялся на реку. Участок от дома до реки был достаточно большим и заканчивался обрывистым глинистым берегом. Расположившись в тени одной из берез, поудобнее улегшись на зеленой ароматной травке, он забрасывал удочки, закрывал глаза и мечтал.

Однажды к нему зашел в гости Василий, товарищ по школе. Степка рассказал про свои беды и мечты, в ответ приятель посоветовал:

– Сейчас в моде фермерское частное хозяйство, я работаю на экскаваторе, могу помочь вырыть пруд, благо река рядом, установишь насос – и разводи рыбу, а в сарае можно организовать птицеферму.

Подумал-подумал Степка, да и решил испытать судьбу. Взял кредит в банке, приобрел небольшой насос, купил цыплят, мальков карпа и начал воплощать мечту в жизнь. Поначалу было трудно управляться. Вскоре забрезжила прибыль, он пригласил на помощь несколько работников, расплатился с кредитом, установил высокий забор – «от сглазу». Душа радовалась: карпы кружили на водной глади пруда, куры несли яйца и выводили цыплят, а петухи по утрам часами радостно орали, не давая спать. Но Степка, потирая руки, приговаривал: «Свой капитал карман не оттягивает». Затем сделал капитальный ремонт избы, надстроив второй этаж, соорудил гараж, в котором красовались две подержанные иномарки. На одной он ездил в гости к Василию, на другой – в соседний район для изучения конъюнктуры рынка. Для солидности начал изучать английский язык, выучил два слова «ес» и «окей», однако занятия ему наскучили, и он вскоре бросил эту затею. Но фермерский зуд не покидал, аппетит разыгрался, и решил Степка зарабатывать твердую валюту. Выкопал ещё пруд, запустил лягушек для французов-лягушководов – оказалось, дело прибыльное.

По дому управляться стало трудновато, поэтому завел служанку-пенсионерку тетю Зину, некогда работавшую в школе, и попросил её, чтобы каждое утро ровно в 06:00 будила его словами: «Пришла прекрасная пора, Вас ждут великие дела». Та при этом тихо ворчала: «Жениться бы тебе не помешало». Вскоре появились новые друзья с подругами. Частенько устраивались праздники с шашлыками и жареной рыбой, песни и танцы под громкую музыку не затихали до самого утра. Соседи начали роптать и возмущаться, даже написали на Степку заявление своему районному участковому, но так как тот был завсегдатаем этих вечеринок, то делу хода не дал.

В последнее время наш фермер стал раздражительным, в речи чувствовались властная надменность и твердая уверенность в своей непогрешимости. Часто срывался на своих работников, громко кричал, называя их бездельниками и дармоедами, сопровождая все это такими «кудрявыми» словечками, от которых у собак уши закручивались в трубочку, зеленые листья на деревьях желтели, воробьи падали с веток на землю, будто подкошенные невиданной чумой. Своим работникам повелел называть его Степаном Ивановичем, а тете Зине – рано не будить, особенно после праздников, и поменять слова пробуждения на новые: «Уснули нынче на рассвете, из школ давно вернулись дети, проснулась матушка река, давно обедать Вам пора!»

Однажды после очередного праздника – Дня взятия Бастилии – Степана Ивановича осенило: «Слишком вольготно живут лягушки, одни в огромном водоеме, надобно подселить к ним карпов, веселей будет вместе-то, да и прибыль увеличится». И потребовал он от своих работников осуществить подселение в 24 часа. То ли по случайному стечению обстоятельств, а может, перепутав исторические даты, работники праздновали в то воскресенье День отмены крепостного права. И душа требовала продолжения праздника, а вовсе не поездки в соседний поселок за мальками. Но послушание грозило увольнением.

Однако в критических ситуациях мозг начинает работать с удвоенной энергией, отчего у одного из работников кровь носом пошла. Но тем не менее решение было найдено. В двух километрах отсюда находилось заброшенное озеро, заросшее камышом, да и время посленерестовое – должны быть мальки. По дороге к озеру зашли к одному из работников в дом и, пока не было жены, сняли в прихожей занавеску, чтобы использовать её в качестве бредня. Наловили пару бидонов мальков, вдоволь накупались, охладив мозг от перенапряжения, и не спеша вернулись обратно.

– Что-то вы быстро управились! – как всегда недовольно проворчал хозяин. – Да и мальки какие-то темные, не похожие на карпят. – Первым не растерялся бригадир дядя Коля. Слегка покраснев, но уверенно он рапортовал:

– Так это новый сорт карпа, не наш астраханский, а африканский – в два раза быстрее растет и втрое плодовитее, а что касается цвета, так там у них в Африке все темненькие, – убедительно брехал он, да так убедительно, что первый раз за время работы Степан Иванович похвалил работников, расшедрился, велел тете Зине дать им заморской самогонки с кактусом на этикетке, три соленых огурца и увольнительную до конца рабочего дня, хотя до конца и так оставалось всего 1 час 45 минут. Жизнь налаживалась, праздник продолжался.

Прошло несколько месяцев, эволюция удивляла, но не Степку. Лягушки не квакали, петухи жалобно покрикивали все-то секунд 20 в сутки, куры перестали кудахтать и нестись, карпы не всплывали подышать свежим воздухом, а цыплята и вовсе перевелись. Лишь воробьи преобразились и чирикать стали с русским акцентом: Ё... чирик, Ё... чирик, Ё... чирик. Афганские скворцы научились Степкиной нелитературной лексике и постоянно вспоминали чью-то мать. Живность таяла на глазах, прибыль сокращалась с фантастической скоростью.

«Меня обкрадывают мои же работяги, сволочи, ворюги, всех уволю, – с горечью размышлял Степка. Чтобы хоть что-то предпринять, продал автомобили, а на вырученные с грехом пополам деньги приобрел новенькие, красивенькие акции Газпрома, но и те оказались фальшивыми. Друзья и подруги резко переметнулись к другому

фермеру, выращивающему песцов и соболей. Зато соседи были явно довольны, музыка не гроыхала, спать по ночам не мешала. Хваленые африканские карпы всё не объявлялись. «Видимо, в ил зарылись», – подумал Степка, об их существовании лишь изредка напоминали пузырьки, появляющиеся на поверхности водоема. Хотел было выкурить их из ила динамитом (да где его сейчас найдешь – время беспокойное!), но передумал, решив оставить «африканцев» на черный день. Из живности остались только петух, четыре курицы и несколько карпов, которые, безнадежно пытаясь остаться незамеченными, плавали в середине водоема. И решил Степка устроить засаду и выявить, кто его обворовал, обездолил и лишил бизнеса. Достал из затынутого паутиной чулана старый одноствольный дробовик, с которым его прадед ходил на уток, несколько патронов к нему и вечером, когда стемнело, вышел на «охоту». Спрятался за старым сараем, присев поудобнее на небольшой стульчик. Светила полная луна, видимость была прекрасная. Где-то в полночь, а может, и раньше, послышался шорох, подобный звуку продающихся сквозь бездорожье автомобильных шин. И увидел Степка фильм ужасов в формате 3D. Чудовища, более метра в длину, с хвостом мурейской трески, туловищем, головой и глазами индийской кобры, с темной с зеленым отливом, пуленепробиваемой чешуей и огромными зубами крокодила, стали медленно выползать из водоема, где раньше весело квакали лягушки.

Как по команде одни поползли в сторону птицефермы, другие – в гости к своим астраханским братьям. По дороге пожирали все, что им попадалось. И даже выделанные из кожи австралийского страуса фирмы «Скороход» китайского производства Степкины ботинки ярко-рыжего цвета, подаренные ему французскими товарищами, проглотили не поморщившись, лишь срыгнув два шнурка – видимо, из кожаменителя. Куры и петух даже пикнуть не успели, только слышен был глухой хруст их косточек. А там, где находились астраханские карпы, закрутился бешеный омут, но и здесь вскоре все стихло. Степка оцепенел от увиденного, и хорошо, что сидел, а то бы брякнулся в обморок прямо на землю. А чудовища, удовлетворенные ужином, медленно, вперевалочку поползли в сторону своего водоема, изредка останавливаясь, чтобы очистить межзубные пространства верблюжьей колючкой, растущей редкими кустами вдоль пруда. Собрав остатки воли, Степан успел бабахнуть в последнего представителя этой чудовишной банды. Дробь отлетела от чешуйчатого «бронежилета», как горох от стенки. Но, видимо, кое-какие неудобства этот выстрел все же доставил мерзкому чудовищу: оно резко развернулось на сто восемьдесят градусов и быстро поползло в сторону стреляющего, издавая при этом неприятное шипение и отбивая зубами чечетку. Степка не успел опомниться, как зверюга в бешенстве вцепилась в штанину его кожаных брюк и поволокла его в сторону водоема. Но тут как нельзя кстати на помощь пришёл его величество инстинкт самосохранения. Степка быстро расстегнул ремень, и это прожорливое существо зло, но с аппетитом начало поглощать его любимые охотничьи штаны. Через несколько минут все было кончено, лишь кончик ремешка из крокодиловой кожи торчал из пасти этого наглого монстра. От страха Степка одним прыжком, превышающим мировой рекорд самого Боба Бимона, достиг входной двери дома. Быстро вбежав внутрь, он закрылся на все замки, захлопнул окна и забился в угол спальни. Его так била дрожь, чтодребезжала стеклянная посуда и осыпалась со стен штукатурка.

Дождавшись утра и немного успокоившись, горе-фермер собрал все самое ценное и бежал куда глаза глядят. Очевидцы утверждают, что видели его совсем в другом конце земного шара. Работает заведующим Международным клубом реабилитации фермеров-неудачников. Поменял имидж: отпустил бородку и усики, позволив себе легкую небритость, фамилию тоже поменял: сейчас он Синицын Степан Иванович. Посетители клуба – бывшие фермеры – пьют зеленый чай с медом, слушают классическую музыку, рассказывают всякие небылицы, играют в шахматы, шашки, а некоторые (но таких очень мало) балуются в преферанс на интерес, ибо деньги в клубе не только категорически запрещены, но даже не упоминаются.

возвращение к читателю

Чудо длиною в жизнь**Предчувствие**

Я знала, что это когда-нибудь будет,
Я знала, что это когда-то случится,
Что музыка звуков средь ночи разбудит
И, сонную мысль теребя, закружится.

И звуки, сливаясь в единое слово,
То спрячут его, то появятся снова,
И слово за словом – уже в предложении
Быстрая мысль продолжает кружение...

И явится стих, что горячность остудит,
А в сердце холодном теплом заискрится.
Я знала, что это когда-нибудь будет,
Я знала, что это когда-то случится.

Рождение песни

Рожденье песни я хочу сравнить
С рождением желанного ребёнка.
Когда двоих связующая нить
Ещё надёжна и пока крепка,
В глубинах зародившийся мотив
Тревожит еле слышно, робко, тонко,
И беспокоят первые толчки
Ещё несмело и пока слегка...

Но с каждым часом набираясь сил,
Мужает песня, требуя простора,
И мир, что был так дорог, был так мил,
Доносится теперь издалека.
И вот уже все мысли заслонив,
Трепешет мысль одна лишь: «Скоро, скоро...»
И на бумагу первые штрихи
Наносит материнская рука.

Свершится чудо! И в какой-то миг
В соединенье силы и бессилья,
Как долгожданный первый детский крик,
Прорвётся песнь – привольна и легка.
Пусть тонко голосок её звенит:
Ещё одно, последнее, усилие –
И вот она, уже расправив крылья,
Стремительно летит под облака!

**Захида
КАСЫМОВА**

(1946 – 2006)

Родилась
в Ташкенте.

Писать стихи
начала с юности,
активно публиковалась в республиканской периодической печати.

* * *

Облака, облака,
Я завидую вам.
Там, в небесной тиши
Вам спокойно живётся.
Потревожит слегка
Птиц летающих гам.
Пролетит самолёт –
Вас крылом не коснётся.

Облака, облака,
Я завидую вам.
Солнца яркого луч
Вас любовно ласкает.
Пролетит ветерок
По пахучим лугам
И, от счастья хмельной,
К вам свой бег устремляет.

Облака, облака,
Я завидую вам.
Беды вас обойдут
И невзгоды минуют.
Жизнь людская полна
И трагедий, и драм.
Я завидую вам,
Но люблю жизнь
 земную.

Сон

Я помню сон: в глубокой яме
Сижу без света, без огня,
А надо мною три собаки,
Беснуясь, носятся во мраке
И разорвать хотят меня...

Я помню сон: меня струями
Дождя оплакивала ночь,
И в диком ужасе от воя
Метались звезды надо мною
Не в силах мне ничем помочь.

Но кто-то добрый и огромный,
Моей назвавшийся судьбой,
Своей всеильною рукою
Раздвинул тучи надо мною
И вывел к Солнцу за собой.

Воспоминание

Вместившая весь мир в себя –
Такой была для нас ты в детстве.
Страдая, радуясь, любя,
Следили мы за каждым жестом.
И с появлением твоим
Любое брошенное слово
Мерилом становилось вмиг
Хорошего или плохого.

Вместившая весь мир в себя...
Была ты главной героиней
Всех наших детских снов, как фильмов,
Кумиром уличных ребят.
Ну, кто с тобой сравниться мог,
Какая там Лоллобриджида!..
Но, словно дав себе зарок,
Мы равнодушны были с виду,
Чтоб полудетских чувств своих
Не обнаружить ненароком.
Писали пыльные стихи,
Забросив игры и уроки.
И снова целый день с утра
С восторгом, с детским восхищеньем
Девчонку с нашего двора
Мы стерегли от похищений.
Её мы не уберегли.
Тот день для нас был самым горьким...

И мы потом переросли...
Все наши детские восторги.

Но вдруг приходят вечера,
Воскреснет детства голос звонкий –
В мужчинах нашего двора
Живёт мечта о той девчонке,
Вместившей целый мир в себя.

* * *

Коль со мною случится несчастье –
И чужая не тронет слеза,
Если друга предам в одночасье –
И мои не ослепнут глаза,
Если стану рабой равнодушья,
Приютив в своём сердце покой, –
Разбудите умершую душу,
Напоите живую водой!

Разговор

– Скажи, а это очень важно –
Быть храбрым, смелым и отважным?
И улыбнулась мама сыну:
– Конечно, сын, ведь ты – мужчина!

– Скажи, а это очень нужно, –
спросил сынок, – быть мужественным?
И отвечала мама сыну:
– Конечно, нужно, ты – мужчина!

Еще сказала мама сыну:
– Чтоб настоящим стать мужчиной,
Запомни, сын, необходимо
Быть добрым – доброта всесильна!

– Да здравствует отвага, сила!
Я буду добрым, буду сильным!
Вновь улыбнулась мама сыну:
– Я верю, сын, ведь ты – мужчина.

* * *

Сын мой, так и не видевший
рассвета,
Ребенок, так и не рожденный
мною!
Вдвойне мне жить
ниспослано за это,
Вдвойне терзаясь собственной
виной
За мир, в твоих глазах
не отраженный,
Не прозвучавший твой
веселый смех,
За детский лепет –
непроизнесенный,
За мой, увы, неискупимый
грех.
Все слышу гулкой тишиной
ночную
И в свете нескончаемого
дня –
Ребенок, так и не рожденный
мною,
Все плачет, плачет
и зовет меня...

* * *

Засмеялся бы звонко – да губ не разжать.
Я взглянул бы на мир – только глаз не открыть.
Ты не хочешь меня. Ты не хочешь рожать,
Нелюбовью твоей мне отказано жить.

Я не нужен тебе. Я мешаю тебе,
Моя бедная, бедная, юная мать.
Будет время идти. Год за годом лететь,
И однажды начнешь обо мне тосковать.

Синевой моих глаз будет небо сиять.
И в журчанье ручья ты услышишь мой смех.
Будешь в каждом ребенке меня узнавать.
Будешь в церковь ходить и замаивать грех.

И тогда, наконец, ты полюбишь меня.
Будешь плакать и звать.
И не сможешь забыть,
Что сама прервала, не сумев сохранить
Между прошлым и будущим тонкую нить.

* * *

Мальчишке
 новая игрушка снится.
 Мужчине
 снится первая любовь.
 А старику –
 в рубиновых зарницах
 Встают картины детства
 ВНОВЬ И ВНОВЬ...

Молитва века

И в шелесте веток
Дыхание века:
– Любить человека...
Любить человека...
И в шорохе ветра
Дыхание века:
– Любить человека...
Любить человека...
Из бездны времён
Заклинанием века
Несется молитва:
– Люби человека!

* * *

Когда, отчаявшись совсем,
Ты говоришь, кляня дорогу,
Что даже солнце светит всем,
А согревает лишь немногих,
Скажу: «Полна жизнь перемен,
В ней нет дорог прямых и лёгких,
Пусть солнце греет лишь немногих,
Но всё же Солнце светит всем».

* * *

Переделаны, перекроены
Дни оставшейся жизни моей.
По ту сторону, по ту сторону
С каждым годом всё больше друзей.

С каждым годом всё больше молчания,
Больше мыслей и меньше речей.
Больше мудрости, меньше отчаянья,
Меньше праздников, больше ночей.

Дни несутся составами скорыми.
Ночи тянутся, семена.
На ту сторону, на ту сторону

Тянет, тянет всё больше меня.

* * *

Час последнего свиданья,
Горечь встречи...
Боль разлуки...
Криками исповеданья
Из души прорвались звуки.

За тобою вслед несутся
Обессилены от муки
И зовут тебя вернуться
Звуки-губы,
Звуки-руки.
И несбывшееся счастье
Рвут на части,
Рвут на части
Звуки самой разной масти:
Звуки-звери,
Звуки-страсти.

Боль разлуки...
Бред разлуки...
И беспомощные звуки...
Звуки-губы...
Звуки-руки...
Звуки, звуки...

* * *

Я больше не буду,
Я больше не буду –
Я всё позабуду,
Я всё позабуду...

Шальные закаты,
Хмельные рассветы –
Забуду. И даже
не вспомню об
этом.

Твой профиль,
моими руками
обвитый –
Забуду.

И имя твоё.
И обиды,
Большие и малые,
в узел свяжу –
Тебе оставляю.
Сама – ухожу...

* * *

Ты видишь – мне плохо,
Прошу – помоги,
Прошу – подойди,
Подбодри добрым словом...
Молчания холод...
Ведь мы не враги!
Не год позади
Под одним прожит кровом.

Да, прожито много.
А что впереди?
И чувства, и страсти –
Всё в прошлом осталось:
И жизни тревоги,
И радость в груди...
Ну что же ты, счастье,
Вдруг с нами рассталось?

И как, почему,
позабыв все слова,
Сердечные, нежные,
нужные очень,
Мы, добрые чувства
в броню заковав,
Так зло и небрежно
Разлуку пророчим?

* * *

Чем меньше ты,
 тем больше шансов
 выжить.
 И на Земле за миллионы лет
 живут и множатся
 тля, комары да
 мыши,
 А мамонтов и динозавров нет.

* * *

Я хочу тебя встретить –
 Неважно, когда.
 Неженатым, женатым –
 Неважно и это.
 Я хочу тебя встретить,
 Чтоб только задать
 Тот вопрос, что остался
 Тогда без ответа.

Я хочу тебя встретить,
 Чтобы глянуть в глаза,
 Что такими правдивыми
 Были когда-то.
 Я хочу тебя встретить,
 Чтоб ты рассказал,
 Как ты жил эти годы –
 Такой виноватый?

Я хочу тебя встретить...
 И не знаю – зачем?
 Чтоб ты мог повиниться
 Иль оправдаться,
 Или чтоб постоять,
 Помолчать... а затем
 Навсегда в этом городе
 Шумном расстаться?..

Не хочу тебя встретить,
 Не хочу, никогда!
 Ты спокойно живи,
 Не смущаясь, что где-то
 Вспоминают тебя...
 А вопросы? Ах, да...
 Они хороши без ответа...
 Да на них и не нужно ответа!

* * *

Я видела отсветы красные
 На всём, что лежало вокруг,
 И белые розы прекрасные
 Пунцовыми сделались вдруг.

Казалось, природа суровая
 Тревожно забила в набат.
 И листья повисли багровые,
 Алел ядовито закат.

Из сердца, безмерно усталого,
 По капле
 сочилась
 кровь –
 На ложе
 из пурпурно-алого
 Моя
 умирала
 Любовь.

Прелюдия

Тонко-серебристый,
 как прощанье с летом,
 Стон увядших листьев
 Под осенним ветром...

Тяжкое стенанье
 обнажённых веток –
 С миром расставанье
 Взмахом напоследок...

Рабская покорность
 согнутых деревьев...
 Так исчезла вольность.
 Так пришло неверье.

* * *

То было раннею весной –
 Капель звенела.
 Стоял ты в чёрном
 предо мной,
 А я – вся в белом.

Но тают годы, за собой
 Маня упорно.
 И вот... лежу я в белом
 пред тобой,
 А ты – весь в черном.

проза

Ариадна ВАСИЛЬЕВА

КАМЕНЬ САИДБЕРДЫ¹

Рассказы²

ЛУННЫЕ НОЧИ

Мы ходили встречать полную луну на Волчьи камни. Было такое место недалеко от Большой поляны, справа от гигантской и мрачной осыпи.

У самого подножья безымянной горы, одного из отрогов Абдака, на небольшом ровном участке среди высоких, давно высохших трав, будто нарочно были расставлены большие и малые валуны. Они так давно скатились сверху, что успели обрасти лишайником и клочьями сухого мха, воскрешаемого лишь в дождливые дни. Тогда камни стояли украшенные мягкими зелеными подушечками, на них так и хотелось прилечь, не будь они насквозь пропитаны влагой.

Лесники говорили, будто именно сюда зимой, в морозные лунные ночи, спускаются со всех окрестных вершин справлять свои буйные свадьбы волки.

Представлялось, как серые звери, легкие как тень, скользят по снежному насту среди камней, как они рассаживаются по старшинству, оставляя для вожака почетное место, и начинают, чуть повизгивая от нетерпения, ждать луну, как потом смотрят на нее не мигая, и в каждом волчьем глазу отражается блестящий холодным зеленоватым светом кружок. Она поднимается выше, выше, лунное сияние, расплескавшись, зажигает снега бриллиантовыми искрами, заставляет волков задирать к небу морды, исторгает из их глоток печальное, древнее, как эти заснеженные горы, пение.

Но сейчас стояло лето, никаких волков не было и в помине, меж камней качались высохшие головки желтой каши, трещали неугомонные кузнечики и цикады, кое-где в самом сыром месте возле камня светился звездной капелькой светлячок. Дети с веселыми криками занимали лучшие места в партере, старались, навалившись животом и подтягиваясь, взобраться на самые высокие глыбы. Сидеть на них, шершавых от лишайника, было приятно. Даже в такой поздний час они продолжали хранить дневное тепло.

Луны еще нет. Роскошное звездное небо шевелится над нами несметным количеством покинувших Землю и каким-то неведомым способом взобравшихся на него светляков. Они перемигиваются, протягивают во все стороны короткие, но достаточно яркие лучи и не ждут никакого подвоха со стороны готовой вот-вот появиться луны. Они не знают, что стоит ей взойти над горами, большинство из них исчезнет, утонув в ее торжественном гордом сиянии.

Именно это сияние, лунная заря, и появляется прежде всего над дальними вершинами Тереклиася.

– Идет, – шепчет кто-то чуть слышно, чтобы не нарушать наступившую тишину.

Все умолкает окрест. Не шелохнется на дереве лист, чудится, будто и река перестает шуметь, замирают кузнечики. Или это только кажется?

Между тем на вершине далекой горы уже обозначился серебряный пузырек, край ночного светила. И сразу на его фоне становятся видны острые зубцы скал и крохотные

¹ Продолжение. Начало в № 2 за 2016 год.

² Из цикла рассказов об акбулакском братстве.

елки между ними, а с нашей стороны, с наших гор начинает сползать вниз тень, открывая их взору до мельчайших подробностей: с углублениями и выступами, темными шапками деревьев. Чудится, будто сама ночь уступает место лунному свету, спускается вниз к реке, волоча за собой темный шлейф одеяния.

Увлеченные этим зрелищем, мы не всегда успеваем поймать момент, когда луна отрывается от горы, плавно поднимается над нею и зависает, озарив ущелье. Становится видимым Тереклисай – дрожащий серебряный поток, а над ним зыбко струится точно так же, как вода, позлащенная листва тополей.

Как замороженные, мы, не отрываясь, смотрим в ту сторону, в сторону маленькой сказочной страны, будто явившейся нам из забытого детского сна, а луна поднимается выше и выше, навечно повернутая к земле грустным, заплаканным ликом. Оттого, наверное, в лунных ночах есть что-то неуловимо печальное, и в то же время божественное, очаровательное и... величественное. Особенно здесь, в горах.

Но вот луна поднялась высоко, заслонила сиянием звезды и полностью озарила наше ущелье. Пятна света и тени на скалах беззвучно играют, создавая необыкновенной красоты скульптуры. Там появляется в каменном шлеме голова спящего богатыря, справа от него – стройная, закутанная в покрывало фигура девушки, лицо ее наполовину скрыто волной длинных волос. Высоко над поляной высится замок с башнями и зубчатой стеной, а прямо напротив лагеря – старичок в чалме с клюшкой.

Древние люди верили, будто горы – это окаменевшие богатыри или святые и что когда-нибудь настанет время, они оживут и пойдут по Земле, сотрясая ее до самого основания. Нет, уж лучше пусть спят, пусть покоятся с миром, тем более что наутро мы никого из них не найдем, а солнечный свет заставит нас видеть совершенно иные фигуры. Хотя увиденного в лунном сиянии льва мы потом и при дневном освещении находили на том же месте.

Но случалось, луна всходила, стыдливо спрятавшись за грядой медленно плывущих сияющих облаков. Контуры ее казались размытыми, а горы покрывались как бы пятнистой шкурой. В такие вечера мы не ходили на камни. Все население лагеря высыпало на берег. Кто успевал, усаживался в ряд на бревне, кто-то приносил с собой и сидел потом на перевернутом ведре, кто-то прикатывал небольшой камень.

На поляне разжигался костер, и при свете его можно было о чем угодно говорить, можно было петь любимые песни или просто молчать, устремив на огонь неподвижный взор.

Дети поджигали в костре тонкие палочки, сбивали пламя и оставшимся на конце угольком чертили в темноте быстро исчезающие огненные круги и змейки. Когда костер догорал и на его месте оставалась груда мерцающего злата, Вадим или Саша приносили картошку и, шурясь и отворачивая от жара лицо, бросали ее в образовавшийся по краям кострища раскаленный пепел. Через некоторое время, казавшееся вечностью, картошка поспевала, ее выкатывали палками наружу, и дети, обжигаясь и перебрасывая с руки на руку черные шарики, разламывали затвердевшую кожуру, обнажали светлую рассыпчатую мякоть, солили из принесенного кем-нибудь пакетика с солью и, радостные и счастливые, ели ее как какое-то изысканное заморское лакомство.

Однажды в конце лета, в тот год, когда у нашего «Чебурашки» слетел маховик, мы остались одни на Большой поляне. Так получилось. Мы прибыли позже всех, и теперь все разъехались, а нам предстояло прожить еще две недели в гордом одиночестве.

Дети были в восторге, хоть и лишились друзей-приятелей, носились по всей поляне с дикими криками, плясали и крутились на месте, воздев к небу руки.

Все шло хорошо первые несколько дней. По вечерам мы ходили встречать луну, уже вполне округлившуюся, устраивали поздние ужины, не зажигая вонючую керосиновую лампу, довольствуясь лунным светом, а днем, заdraив палатку, уходили куда глаза глядят, останавливались где хотели, словом, жили в полное удовольствие.

Внезапно погода испортилась. Все началось с легкого дуновения, с пронесшегося

по всему ущелью сквозняка. Никто не обратил на него внимания, к несильным ветрам мы давно привыкли, но сейчас как-то по-особому тревожно зашумели вершины деревьев, листва, по дороге погнало закрутившийся столб белой пыли.

Мы посмотрели на небо и увидели, что по нему несутся с необычайной скоростью рваные облака. Вскоре его полностью затянуло. Вначале светлые, тучи становились свинцовыми, внезапно ахнуло, как из пушки, и понесся прыгать и скакать по горам гром. Мы бросились собирать вещи, стаскивать в машину продукты и небольшой запас дров.

Эх, никогда не надо откладывать на завтра то, что можно сделать сегодня! Именно завтра мы собирались идти за сушняком... Но и это было не самое страшное. Палатка! На свою беду в тот год мы сумели обзавестись лишь внутренней, ситцевой частью стандартной палатки, совершенно не приспособленной для проливных дождей. Мы вытащили из машины свернутый в рулон кусок полиэтиленовой пленки, стали пытаться хоть как-нибудь защитить наш ненадежный маленький домик. И вовремя.

Минут через десять загрохотало со всех сторон, тяжелые капли застучали по кровням, мы только успели залезть внутрь – на поляну хлынула стена дождя. Тяжелые, мутные тучи стали опускаться все ниже, ниже, и вскоре горы скрылись за их завесой, исчезли, будто и не было. Гроза кончилась, громы укатили дальше, но дождь усилился. Теперь слышался лишь шорох тревожимых каплями листьев, да все больше набирал силу, шумел на перекатах взбаламученный Акбулак.

Но мы еще не знали, что нас ожидает. Надеялись на лучшее, думая, что гроза пролетит, ливень прекратится, и мы, целые и невредимые, выйдем сухими из воды. Блажен, кто верует. Дождь с небольшими перерывами лил пять дней. И уехать мы не могли, маховик все еще пребывал в починке.

Промокло все. Печально обвисла над нашими головами набухшая от влаги тонкая ткань, закончились сухие дрова. Даже в машину в какую-то шель стала проникать вода и намочила макароны и хлеб. Акбулак вздулся, катя коричневую от глины злую жижу.

В просветах между ливнями брали единственное ведро и кастрюлю, шли на родник за водой. Прыгая с камня на камень, переходили через затопленную дорогу, склонялись над темной бездной родничка (дно его при таком освещении не просматривалось). Сгоняли с его поверхности сорванную ветрами листву, набирали полное ведро ничем не замутненной воды и брели обратно домой под вновь начинающимся дождем. На подходе к поляне становился слышным плач и визг запертой в машине собаки.

На другой день мы взяли ее с собой. И вот тут наш годовалый шенок, спаниель, белоснежный, с коричневыми пятнами оттенка только что вылупившегося из скорлупы каштана, сошел с ума. Топси с разбега взлетала на крутизну, кубарем скатывалась вниз, мчалась по дороге, закинув за спину кудрявые длинные уши, тормозила, проехавшись по грязи, разворачивалась и летела обратно. Внезапно остановившись, тревожно втягивала в себя напоенный ароматом трав, цветов, мокрой глины и прелой листвы воздух и снова мчалась неизвестно куда не разбирая дороги.

В первый момент мы даже встревожились. Что же это такое делается с собакой? Первым догадался Никита. Запахи! Собаку чуть не свели с ума запахи освеженной дождями природы.

Прошла вечность. Казалось, дождь никогда не кончится. Но однажды ночью он прекратился. Я проснулась от тишины и странного освещения. Тихо-тихо, чтобы никого не разбудить, я поднялась, нашарила отсыревшие галоши, надела их на толстые шерстяные носки и вышла из палатки.

Небо очистилось. По нему мирно, никуда не торопясь, плыли тонкие волокнистые полосы. Путаясь между ними, словно бежала, оставаясь на месте, начавшая убывать луна. Вся поляна была в пятнах света и тени. И, чудилось, там, куда падал свет, от земли и травы исходит чуть заметное глазу сияние. Акбулак, еще мутный, слегка

присмирел; пять дней скрывавшийся за низкими облаками заречный склон теперь явился взору во всем великолепии растущих на скалах елок, кустиков костяники и можжевельника, оживших, напоенных влагой цветов и трав.

В просвете между деревьями виднелся зыбкий серебряный Тереклисай, легкой тенью висел над ним темный хребет водораздела. Все кругом спало и в то же время чутко внимало указаниям лунного света. Плавно скользили по земле тени от листвы, от стволов, от скал, где-то удлинялись, где-то укорачивались, создавая все новые и новые картины, не для кого-то, для собственного удовольствия... а может быть, и для меня.

ДВЕ ПОЕЗДКИ В НОЯБРЕ

В новые времена мы зачастили на Акбулак, но однажды поездка сорвалась. Весна выдалась дождливая, в горах сходили оползни и сели, нашу дорогу где смыло в реку, где завалило камнями и глиной. Два года пришлось ждать, пока ее расчистят и проведут заново, врезаясь бульдозером в израненные склоны, два лета проводить в Бричмулле на берегу Чарвака.

Но вот наступила ташкентская золотая осень, и до нас стали доходить благоприятные вести о состоянии дороги на Акбулак. В середине октября позвонил Саидберды и сказал, что на кордон можно ехать.

Мы дружно посовещались и решили во что бы то ни стало ехать, не дожидаясь дождей и перемены погоды. Собрали инвентарь, загрузили автомобиль и двадцать седьмого октября покатали в горы.

Это была не первая наша осенняя поездка. Однажды в далеком восемьдесят третьем году удачно выпали свободные дни на ноябрьские праздники.

Поехали на двух машинах, мы и Скворцовы.

В тот год Скворцовы обзавелись «новым» «Запорожцем», сверкавшим всеми оттенками яичного желтка, но Вадим воздержался и не стал называть машину «Антилопой-Гну», боялся прослыть эпигоном.

Выехали рано утром, хоть погода не предвешала ничего хорошего. Небо хмурилось, изредка сеялся мелкий дождик, взрослые даже хотели отменить поездку, но девчонки дружно заорали «не-е-ет!», и мы рискнули.

Перед подъемом на Чарвак остановились посовещаться. Небо приобрело угрожающий свинцовый оттенок, мы долго с сомнением вглядывались в нависшие тучи, но все же решили не отступать. И не прогадали! После перевала небо над водохранилищем очистилось, стало проглядывать солнце, все воспрянули духом и довольно скоро оказались перед подъемом на Пальтау.

Пустить нас во флигель Алик не имел права. В те годы геологические хоромы были еще ухоженные, как говорится, при хозяине. После долгих уговоров он открыл тесную прихожую. Мы расстелили на полу матрасы, в головах сложили недельный запас провианта, места хватило только-только, чтобы плотно улечься на манер сардинок в консервной банке, но зато была крыша над головой и относительное тепло по ночам.

Один за другим потекли чудесные осенние дни. Неяркое солнце тихо млело за вереницами перистых облаков. По утрам, дождавшись позднего рассвета, мы гуськом шли по тропинке на откосе (это потом там проложили бетонную лестницу) к Саргардону. Обломив у берега тонкие пластинки льда, умывались над мелководьем. Руки становились красные, как лапки у гуся, лицо начинало гореть.

После завтрака уходили в поход в сопровождении огромной собаки Хасана Терентьевича. У пса, по местному обычаю, «для злости» были обрезаны уши и хвост, что его, конечно, не красило, но трудно было придумать более добродушную и покладистую зверюгу, чем этот вечно голодный, смиренный Дружок.

С деревьев на старую, пожухлую траву медленно падали пожелтелые, блеклые

листья. И сама осень в горах была неяркой, застенчивой. Нет, на кордоне пламенели багрянцем заросли вишняка, алели виноградные листья, сквозь них виднелись на лозах так и не вызревшие мелкие кисточки кишмиша, но на всем остальном пространстве ушелся яркого цвета не было. Лишь арчовники, освеженные первыми осенними дождиками, зеленели и важно шевелили мохнатыми ветвями. Вера назвала эту осень серебряной, и с нею немедленно согласились.

Шли по дороге, а затем по тропе к водопаду «Слезки». Там девочки подставляли под сияющую хрусталем капель смеющиеся мордашки, пытались напиться, потом отскакивали в сторону с мокрыми щеками, весело хохотали. Их заставляли вытереться чьим-то носовым платком и просили не подходить так близко к воде, чтобы не промочить ноги. В полдень находили уютное место где-нибудь на припеке, располагались на отдых, съедали принесенные с собой бутерброды и разогретую на костре тушенку. Дружок терпеливо ждал, едва заметно подрагивая от нетерпения ляжками. Получив порцию хлеба, смоченного в ароматном мясном соке, вежливо отходил в сторону, ложился в сухую траву и, не торопясь, съедал все до крошки.

В легких сумерках возвращались на кордон, готовили на очаге ужин, потом зажигали висевшую над столом во дворе керосиновую лампу, отчего пространство мгновенно сужалось, горы переставали быть видимыми, а наши лица в этом освещении начинали казаться удивительным образом помолодевшими, хоть и лет нам в ту пору, если хорошенько вдуматься, было совсем немного.

Но я собиралась рассказать о последней осенней поездке на Акбулак.

Мы ехали и восхищались новой дорогой. Она стала шире, не так страшно было смотреть вниз, на Чаткал, по-осеннему мирный. Он тихо нес вдаль изумрудные воды, медленно кружил в водоворотах нападавшие желтые листья. Уже предвкушалась встреча с любимыми местами, уже мы начали ждать, когда появится вдали Большой шлем, как вдруг, на подступах к Караарче буквально на ровном месте машина стала дергаться и остановилась.

На Большую поляну прибыли в пятом часу вечера. Следовало быстро, до темноты, разгрузить машину и успеть раскинуть палатки. Вещи сбрасывали как попало.

Темнело быстро, как это бывает в горах. Все торопились, со всех сторон неся стук забиваемых в землю колышков; у кого-то порвалась веревка; кто-то искал и не находил среди инвентаря саперную лопатку.

Наконец оборудовали ночлег, сложили на скорую руку очаг, развели огонь и поставили на камни казан с заранее приготовленной едой. Вскоре по всей округе разлился аромат осенних, ярко-алых фаршированных перцев. Поужинали, остатки убрали в багажник, посидели у костра...

Проснулись, когда рассвело, и над горами зарозовел восток. Как ни странно, мы хорошо выспались, дружно побежали умыться, а потом приготовили завтрак. Без суеты, потому что торопиться было некуда – целый день впереди. Кирилл открыл капот и погрузился в работу по выявлению причин поломки. Вдали послышался рокот могучего двигателя, и вскоре возле нас остановился грузовик. В кабине сидел Алик, в кузове – Ирали и еще какие-то знакомые и незнакомые люди. Все восторженно приветствовали нас.

После недолгого совещания Кирилла Владимировича уговорили прицепить «Москвич» на буксир и таким образом доставить на кордон в целости и сохранности. Кирилл сопротивлялся, уверял, что поломка несерьезная, что он уже знает, в чем там причина, и мы благополучно доберемся сами, но его никто не хотел слушать. Мы неслись под сенью прибрежного леса, по команде пригибали головы под вытянутыми над дорогой ветками, и душа моя наслаждалась сумасшедшей и совершенно безопасной ездой.

Но вот мой взор упал на идущую следом машину. Было совершенно ясно, что Кириллу Владимировичу далеко не так хорошо, как всем остальным. Мотаясь, как консервная

банка, привязанная к хвосту собаки, наш несчастный автомобиль мчался не разбирая дороги. Кирилл что-то кричал, сигналил, но ни голоса, ни сигнала никто не слышал.

Но все плохое, как и хорошее, когда-нибудь кончается. Через полчаса мы сидели у стола во дворе, а грузовик умчался дальше, за сеном в верховья Саргардона. Кирилл никак не мог прийти в себя после поездки на коротком поводке, вздыхал, мотал головой, вскакивал и уже в который раз бежал разглядывать вмятину на днище автомобиля.

Палатку ставить не стали, по ночам было холодно. Бесхозный флигель окончательно пришел в упадок. Мы вычистили большую комнату, закрыли фанерой выбитое окно, другое затянули пленкой, поставили по углам имевшиеся в изобилии железные кровати, но главное, здесь находилась печка-буржуйка с заржавленным рукавом трубы, и печку можно было топить.

На середину комнаты выдвинули старый колченогий стол, застелили пестрой ситцевой тряпочкой, а на середину его Наташа торжественно водрузила привезенный бронзовый канделябр с четырьмя белыми свечками. Дома было много споров, когда я предложила взять его с собой, надо мной смеялись и говорили, что в горах не хватает лишь бронзовых канделябров, но теперь все признали мою правоту. Кирилл ходил вокруг стола и никак не мог успокоиться:

– А вы знаете, хорошо.

Долгими осенними вечерами при свечах резались вчетвером в подкидного дурака, и пятилетний Сережка, быстро усвоивший правила игры, довольно часто кого-нибудь из нас обыгрывал. В печке пылал огонь, уютно посвистывал старенький, покрытый бархатной сажой чайник, с улицы к мутному окошку прижималась тьма. Стоило выйти на разбитое, с проваленными досками крыльцо, становилось видно необъятное небо с ясными, словно умытыми, неестественно крупными звездами.

В первое время, кроме нас с Аликом и Хасаном Терентьевичем, на кордоне никого не было. Позже появился народ. У Хасана поселилась молодая пара, смутно знакомая по прежним годам, а еще через день появились две женщины, мать и дочь. Они доехали бричмуллинским автобусом до развилки, а оставшиеся восемнадцать километров протопали налегке пешком.

Дочь, девушка лет двадцати, вела себя тихо и скромно и почему-то все время смотрела в сторону, отвернувшись от восторженной мамы. Зато Евгения Аристарховна (вот ведь помню!) разливалась соловьем.

– Боже мой! Горы! Нет, вы посмотрите, какая красота! Какие краски! Вон молодая травка пробилась – это же изумруд! Чистый изумруд! А это что за деревья? Неужели обыкновенная вишня? Смотрите, листва горит! Форменным образом горит! «В багрец и золото одетые леса»! Помните? Нет, но все-таки – горы! Горы неповторимы! Величавые! Мошные! А воздух! Боже мой, какой воздух! Красота... Воздух... Чакры... Чакры... Шамбала...

Надо сказать, у акбулакского братства не было привычки восторгаться горами вслух. В проявлениях чувств мы старались быть сдержанными. Да, я вижу, вижу все, что меня окружает, но и остальные тоже видят. А раз видят, зачем говорить. Ведь если бы мы не чувствовали горную красоту, никто бы сюда не ездил. Помню, в нашу первую осеннюю вылазку на двух «Запорожцах», «горбатом» и «новом», в прощальном походе на Тереклисай Вера откинулась спиной в сухую траву, заложила руки за голову и из глубины души исторгла крик:

– Люди, какая же все-таки красота кругом!

– Вот только давайте обойдемся без восторженных воплей, – немедленно отозвался Вадим.

– Почему? – приподнялась на локте Вера. – Еще Достоевский сказал: «Красота и любовь спасут мир».

– Это сказал не Достоевский! Это сказал князь Мышкин, а он – идиот. Да к тому же ни красота, ни любовь в романе никого не спасли: Настасью Филипповну зарезали, а бедный князь окончательно сбрендил.

Вера рассердилась, встала и ушла к реке, а я так и не поняла, всерьез говорил Вадим или по привычке подначивал романтически настроенную жену.

Вскоре выяснилось, что Евгения Аристарховна была последовательной ученицей некоего гуру, принесла с собой в тошей сумке, больше похожей на торбу, брошюру, где было вкратце изложено *единственно правильное* учение, и стала настойчиво рекомендовать всем не сходя с места, немедленно обратиться в новую веру. Спасение души гарантировалось на двести процентов, а об очищении чакр и ауры даже и говорить не приходилось.

Все полистали брошюру, полюбовались портретом великого учителя. На фотографии был изображен солидный дядя в черной хламиде, с сытой физиономией, при снежно-белой окладистой бороде и длинных, свисающих вниз усах. Книжечку мы вернули, Евгения Аристарховна бережно опустила ее на дно торбы, а вместо нее извлекла странный, невиданный нами доселе предмет. Это был небольшой, размером с блюдце, потемневший бронзовый диск на крученой тесьме, продетой через его середину, – как сразу выяснилось, настоящий тибетский колокольчик. Стоило легонько ударить по нему специальным билом, как раздавался высокий, ясный, долго не умолкавший, очень приятный звук: ди-и-инь!

Но это не все. Евгения Аристарховна сказала, что звук «динь», исторгаемый из колокольчика, не является его (колокольчика) окончательной эманацией, что постигший учение, последовательный адепт, должен научиться извлекать из него звук «ом-м-м-м». Наступит ли тогда конец света или эра всеобщего благоденствия, я уже не помню, помню лишь, что Кирилл Владимирович несказанно удивился.

– Послушайте, Евгения Аристарховна, – возмутился он, – это же совершенно невозможно! Как может ваш колокольчик сказать «ом-м-м», если он говорит «ди-и-инь»? Это же противоречит элементарным законам физики!

– Дались вам законы физики, – лукаво скосила глаза Евгения Аристарховна, – а полная луна у нас на что?

Кирилл Владимирович воздел руки и молча удалился в дом, не желая ничего выяснять. Однако, как стало понятно чуть позже, выяснять было что, но Евгения Аристарховна самое главное оставила почему-то на потом. Уже под вечер мы догадались, что ночевать им негде. Случайно заглянувший на кордон хозяин дальней пасеки Махмуд и пообещал устроить гостей у себя в вагончике.

Наутро Махмуд пришел к нам со своей красавицей дочкой, девочкой лет семи.

– Слушайте, этот женщина совсем сумашедшая. Всю ночь туда-сюда по дороге, туда-сюда с каким-то звонком. Только засыпаем, а она – динь, динь, динь!

– Ха, – развеселился Кирилл, – стало быть, звук «ом» извлечь из колокольчика не удалось.

– Так ведь луна не полная, – расхохоталась Наташа, – вот если бы полнолуние – тогда другое дело.

– Тихо ты, – одернула я, – вон они.

Все сделали серьезные лица, тихонько посочувствовали Махмуду, но он ничего не понял, пожал плечами и ушел к Хасану. Делиться впечатлениями.

За завтраком я спросила:

– Евгения Аристарховна, а вы заметили, какая у Махмуда дочь красавица?

– Эта маленькая замарашка? – рассеянно отозвалась та и отпила чай из пиалы, – нет, не обратила внимания.

Ближе к обеду Хасан Терентьевич принес небывалых размеров друзу грибов вешенок. Они были чистые, хрупкие и вкусно пахли, я предложила приготовить

жареные грибы с картошкой, но на всех одной друзы было мало. Хасан подумал и сказал, что сходит, принесет еще. Однако с собой, сколько мы ни предлагали помощь, никого не взял, быстро-быстро побежал через двор и исчез за откосом. Алик проводил его понимающим взглядом.

– Я ж говорил, все знает, а ни за что не скажет – где. Вот увидите, он еще больше грибов принесет.

Все кинулись чистить картошку, дождались Хасана Терентьевича, развели в очаге огонь. Обед получился роскошный, даже невиданный по акбулакским меркам. Довольные и сытые, мы сидели во дворе у стола, вспоминали прошлые годы и поначалу не заметили, что мать и дочь начали ссориться.

– Мне надоели твои горы, понимаешь, надоели! – шипела доченька. – Я их ненавижу. Ненавижу! Ненавижу! Ты можешь это понять? Я хочу домой, в Ташкент. У меня завтра курсовая работа, а твои восторги у меня уже вот где сидят, – показывала она на горло.

Мать тихо оправдывалась и уговаривала остаться еще на один день, но дочь была непреклонна. Тогда Евгения Аристарховна стала бегать за Аликом и пытаться его, не будет ли сегодня попутной машины до Бричмуллы.

Под вечер машина пришла, но она доверху была нагружена сеном и пассажиров взять не могла. Наши дамочки собрались идти в Бричмуллу пешком.

Надвигался вечер, но они настаивали на своем, несмотря на все запугивания и уговоры. Мало ли что могло случиться ночью в горах, а идти им предстояло больше шести часов. По нашим расчетам выбраться на асфальт они могли не раньше полуночи, ждать рейсовый автобус в такую пору было совершенно бессмысленно.

Все-таки они ушли (и, как потом стало известно, благополучно добрались до Ташкента), ушли, недовольные всем миром и друг другом. Впереди – рассерженная и весьма решительно настроенная дочь, мама сзади, отставая на несколько метров. В последний момент мне показалось, что она на ходу роется в сумке, ищет, находит и достает злополучный, философски настроенный колокольчик.

БЕРЕЗКА

На подступах к Большой поляне, вблизи волчьих камней, находилась гигантская осыпь. Вернее, две, но вторая не так впечатляла и была не так опасна. Расстояние между осыпями измерялось несколькими десятками метров, и, кроме травы и единственного старого куста тамариска с нежными, розовато-сиреневыми кисточками соцветий, на глиняном склоне ничего не росло.

Шебенка на главной осыпи была темной, с зернистой поблескивающей фактурой на сломках. В сумерках она приобретала жуткий фиолетовый оттенок, лежала, сбегав к дороге широченным разлапистым языком, и проходить мимо него было всегда страшно-вато. Детям категорически запрещалось лазить на осыпь, но их неизменно привлекала кажущаяся легкость восхождения, и тайком от нас они поднимались на уровень тамариска, а потом подолгу сидели там одинокие и несчастные, опасаясь слезть на дорогу.

Мы даже не сразу обратили внимание, что с левого края гигантской осыпи, если стоять к ней лицом, выросла стройная, тоненькая березка. В ней было что-то невыразимо трогательное и печальное, уязвимое в соседстве с застывшим, мертвенным камнепадом.

Но она спокойно росла на границе камней и глиняного, поросшего жесткой травой склона, лопотала листвою на тихом березовом языке. Это была обычная, тяньшаньская березка, каких много в урочище, и мы часто задавались вопросом, как она там оказалась и не страшно ли ей в соседстве с угрюмой и молчаливой осыпью.

Однажды Витя Зяблик поведал нам тайну березки. Оказывается, года два назад, он приезжал на Акбулак с веселой и шумной компанией. Дорвавшиеся до дикой

природы господ бизнесмены съели несметное количество шашлыков, выпили несметное количество водки. Какой-то черт, скорее всего, зеленый, подвиг нашего Зяблика среди ночи оставить честную компанию и отправиться, неизвестно для какой надобности, по ничем не освещенной дороге (луны к несчастью не было) в сторону кордона.

Он успел дойти до осыпи и свалился замертво. Что было потом, не помнил, очнулся лишь рано утром. Сел, потряхнул с очей грезы ночи и обнаружил в каких-то сантиметрах возле себя свежий, совсем недавно свалившийся сверху, непомерной величины остроугольный камень. Глядя на булыгу, он припомнил, как сквозь пьяный сон ему слышался страшный грохот, но пробудиться он не смог и снова будто провалился в глубокую пропасть.

И вот в благодарность за чудесное спасение Зяблик не поленился сходить в Березовую рошу, нашел молодой росток, выкопал его, перенес и посадил на памятном месте. Юная березка прижилась и растет теперь на радость себе и людям.

Как ни странно, поначалу мы Зяблику поверили.

Но история березки получила неожиданное развитие. Зябликову байку мы рассказали Аliku. Он хмыкнул, пожал плечами и с полной ответственностью за свои слова заявил, что никакого Зяблика два года назад на Акбулаке и в помине не было, что кишка у него тонка – сажать и выхаживать без должного навыка на каменистой почве деревья, что березку посадил он сам, Алик, и кончен на том разговор.

Не прошло и трех дней, как нам довелось идти мимо осыпи с одним давно знакомым веселым фотографом.

– Смотри, – показал Кирилл на спорное деревце, – какую чудесную березку додумался посадить в этом месте Алик...

– Алик?! – немедленно возмущился фотограф. – Какой такой Алик! Это моя березка, лично я посадил ее здесь два года назад, и, смотрите, как она хорошо прижилась! Скажете тоже, Алик!

Та-ак, повторялась известная история с треской Джерома К. Джерома. Если бы я все это выдумала, меня можно было бы обвинить в плагиате, но клянусь всеми акбулакскими добрыми духами, я рассказываю истинную правду.

Когда мы с Наташей решили не останавливаться на достигнутом и отправились к Хасану Терентьевичу, то, как и следовало ожидать, выяснилось, что березку посадил он. Это уже скорей походило на правду. Все тополя, все сосенки на кордоне были его посадками, но с какой такой непонятной стати ему вдруг пришло в голову сажать березку рядом с негостеприимной гигантской осыпью? Это было необъяснимо, и однажды, совершая вечернюю прогулку в сторону Большой поляны, я решила доискаться до истины. Я пришла к роковому для Зяблика месту, взобралась, цепляясь за пучки травы, на крутую горку и села возле березки.

– Березка, березка, кто тебя посадил? – тихо спросила я.

Вздыхнула березка, зашелестела листвою:

– Никто меня не сажал. Ветер занес под камень семечко, дождик смочил землю, семечко проросло, так я сама по себе и выросла.

В ПОИСКАХ ПОЛНОГО СЧАСТЬЯ

Мы расширяли границы и облагораживали новые территории вокруг палатки.

Честно говоря, изначально наш уголок был несколько тесноват и имел серьезные недостатки. Сама палатка стояла на ровном месте, а все пространство за нею шло слегка вверх, и всякий раз приходилось вытягивать ножки складного стола на разную длину, чтобы он не качался и стоял ровно. Но с этим можно было мириться, если бы не полуденное солнце. Оно щедро заливало всю «кухню» и накаляло ткань палатки. Находиться в ней в жару было просто невозможно.

В нашу сторону от главной широкой тропы мы проторили узкую дорожку среди

поросших мхом и лишайником камней и в первый год на том успокоились, смирившись с недостатками, в надежде придумать что-нибудь со временем.

Расширять владения на север, вверх по Саргардону, мы не могли, там испокон веков громоздились выше человеческого роста каменные завалы. Наши взоры были обращены назад, на неширокую площадку между откосом и ежевичной порослью среди стволов боярышника и уже упоминавшегося мною клена. От основной тропы и прохожих мы были надежно заслонены непроходимой завесой зелени.

На следующий год мы расчистили еще один небольшой пятачок земли, освободив его от сухих веток и мелких камней. Теперь у нас образовалась ровная, хорошо затененная «комната», где можно было спокойно сидеть за столом и не бояться неловких движений, от которых могла рухнуть на землю посуда, чашки и ложки.

Я все время поглядывала на следующий за новой «комнатой» чудесный уголок с нависающей над ним плотной завесой клена.

Горизонтально вытянутый сухой сук можно было спилить, ежевичные плети, хилые из-за постоянной тени, вырубить, слой прелой листвы убрать, но, к сожалению, посреди планируемой «гостиной» торчал гранитный валун, и сдвинуть его с места не представлялось никакой возможности.

В разгар наших споров о масштабах грядущих работ (я была за их начало, Кирилл – против) к нам в лагерь пришел Володя и затеял очень странный разговор. Суть его в нескольких словах сводилась к следующему: «А почему бы нам не взять на Саргардоне несколько соток земли в аренду!»

– А можно?

– Почему же нельзя? Возле нас две пасеки. Как вы думаете, на каком основании у хозяев дома□?

– Хорошо, – сказал Кирилл, – у них пасеки, а нам на каком основании вдруг дадут землю в аренду?

– Тоже под пасеку. И деревья надо будет посадить какие хочешь, это одно из условий.

– Знаешь, – усмехнулся Кирилл, – кем только я в своей жизни не был, теперь лишь пчел для полноты счастья не хватает. Главное, забить за собой место. А там, посади несколько деревьев, ставь палатку и живи хоть до конца своих дней!

Мы переглянулись. А что? Это мысль. Будем приезжать каждое лето, как прежде жить под открытым небом, а там, кто знает, может, и халупу какую-нибудь возведем. И уже стал нам казаться наш лагерь при всей его ухоженности тесным и неудобным, а главное, бесперспективным.

Не откладывая дела в долгий ящик, мы стали искать участок под аренду. Ровную площадку, соток так на пять-шесть, найти в горах нелегко, да еще с условием, чтобы она находилась недалеко от кордона. Хозяйство разрастется, не будем же мы всякий раз все возить с собой. А так, оставим в сарайчике у Хасана Терентьевича, он и посмотрит за барахлишком. Или у Алика.

В один из поисковых дней я отправилась одна вниз по дороге на краю обрыва. Отошла от кордона метров на сто и остановилась. Какое-то не вполне естественное положение макушки дерева вровень со мной привлекло внимание. Ее отделяли от дороги густые ежевичные заросли. Я внимательно пригляделась, и поняла, что дорости сюда снизу, с берега, тополь никак не мог. Это не секвойя. Значит, там есть уступ!

Я стала продираться сквозь ежевичные дебри. Нелегкое это было дело. Мощные розовые плети с жесткой, шершавой листвой, сплошь в загнутых острых колючках, больше похожих на кошачьи когти, закрывали мне путь. Осторожно, стараясь не уколоться и не запутаться платьем, я вытаскивала их по одной из гуши, отгибала, старалась перебросить в другую сторону, а они впивались в одежду, царапали руки и ноги, и ни за что не хотели пускать. Но я мужественно преодолела колючий заслон и, к великому удивлению, обнаружила за ним старый, едва приметный съезд

для машины. Он шел наискосок, вписавшись в обрыв, и заканчивался возле корней старой могучей орешины. Я легко спустилась и оказалась на ровной, заросшей разнообразной зеленью площадке. Она была просторна и чудесно озарена солнцем. Но и тени здесь было предостаточно. С одной стороны – орешина, с другой – тополя и какие-то кусты. Вид с обнаруженного мною, невидимого с дороги уступа, открывался поистине грандиозный.

Все ущелье – с запада на восток – просматривалось во всей своей неописуемой красоте. Вниз по течению Акбулака уходили одна за другой неприступные, с отвесными склонами горы. Самые дальние терялись в легкой дымке, и уже не видно было на них ни сумрачных скал, ни цепляющихся за каждую пядь плодородной почвы арчовников, виднелись только призрачные силуэты на фоне блеклого, выцветшего от зноя неба.

Повернувшись в противоположную сторону, я увидела хребет водораздела между Акбулаком и Тереклисаем; ближе к моему уступу, но все же довольно далеко – лесные дебри Большой поляны и желтые скалы над нею. Еще ближе – пасеку и давно покинутый старый лагерь с Белым камнем на берегу. А далеко внизу в белой пене, в хрустальных брызгах kloкотал и уносил свои воды к Чаткалу неистовый Акбулак.

Я немного успокоилась и снова прошла по площадке. Чудо, среди кустов и пучины ежевики вдруг обнаружился наполовину разрушенный и почти сровнявшийся с землей сложенный из дикого камня фундамент. Давным-давно, а, впрочем, быть может, совсем недавно, здесь явно пытались что-то строить. Я выбралась на дорогу и побежала в лагерь.

– Идем, Кирилл, ты должен это увидеть!

Не отпуская его руки, я влекла, волокла, ташила его за собой. Мы примчались на место, прошли сквозь кусты ежевики по уже проторенному пути, спустились вниз, очутились на свободном пространстве, и у Кирилла, как и у меня, захватило дух.

Но вскоре Кирилл Владимирович пришел в себя и произнес одно – роковое – слово: – Вода!

Увы, питьевой воды в этом месте не было. А к реке спускаться вниз по обрыву далеко и небезопасно. Мы вернулись в лагерь, размышляя вслух и прикидывая, как выйти из положения, и даже подумали, а нельзя ли отвести в нашу (да-да, уже в «нашу») сторону вдоль дороги небольшой рукав от главного ручья, питающего луг. Но этот нелегкий вопрос упирался в серьезные переговоры с лесниками, и мы, все еще сомневаясь и споря, отложили его на «потом», так как стало известно, что после обеда мне покажут другой участок, возможно, менее привлекательный, но зато воды там будет в избытке. При этом Кирилл хитро прищурился с видом, мол, это секрет, и сейчас он больше ничего не добавит.

После обеда он повел меня через луг, в сторону Костиной пасеки. Мы прошли с десяток метров вверх по реке и обнаружили густые, выше человеческого роста заросли мяты.

Чтобы пройти дальше, нам пришлось немного отогнуть стебли с чистыми, мягкими, бархатными листочками и нежными сиреневыми соцветиями. Оттого, что до них дотронулись и пошевелили всю поросль, воздух тут же пропитался ни с чем не сравнимым ментоловым ароматом. Еще несколько шагов вперед и я внезапно остановилась в восхищении.

В этом месте путь Акбулака пролегал над скальным дном, светлым, чуть тронутым желтизной. Терпеливая река веками омывала камень, и он поддался, сгладился и образовал просторную, глубокую ванну. Вода в ней была насквозь пронизана светом, на дне неторопливо шевелились увеличенные во много раз солнечные блики от мелких волн, даже не волн – легкой ряби на ее поверхности. Скользнул на воду принесенный неведомо откуда желтый листок (осень в горах наступает рано) и поплыл, как маленькая лодочка, медленно приближаясь к берегу, потом причалил и замер

на месте. Со стороны потока, в самом глубоком месте купальни, река нанесла слой мельчайшего, белого, собранного в гармошку песка.

Я смотрела на это диво и чувствовала только одно: если я немедленно не погружусь в эти животворные, волшебные воды, это будет самой страшной ошибкой в моей жизни. Скинула платье, осталась в купальнике, потом подумала, сняла и его. Я почувствовала, что одежда осквернит, разрушит очарование минуты.

На какой-то миг показалось, будто я – единственная на свете женщина, а на берегу остался мой единственный на свете мужчина с застывшей, все понимающей мудрой улыбкой.

Не спеша, принимая на жаркое тело холодную сияющую воду, пошла в глубину и остановилась, лишь когда пальцы ног начали потихоньку отрываться от светлого, видимого до мельчайшей прожилки на вымытом камне дна. Минуту, две, вечность – не знаю, сколько времени я простояла на месте, вытянувшись в струнку, чуть поводя для равновесия руками, потом повернулась и, не спеша ступая по ровному, чуть шершавому основанию скалы, стала выходить на берег.

Я оделась, и мы еще некоторое время постояли на месте, не в силах сразу расстаться ни с мгновением, ни с местом. Потом снова, но уже с другой стороны бухточки, раздвинули глухие заросли мяты, миновали их и молча отправились дальше, прыгая с камня на камень вдоль берега.

– Куда ты ведешь меня? – нарушила я молчание и внезапно, не дожидаясь ответа, крикнула: – Остров! Ну, разумеется, мы идем на остров!

И как было не угадать конечную цель путешествия, когда она уже была перед нами в пределах видимости!

Когда-то это был настоящий остров. От западной оконечности Большой поляны его отделял широкий, но мелкий поток, и, перебравшись через него, мы оказывались в уединенном заповедном царстве. Разделившись на два рукава, Акбулак омывал с двух сторон солидный участок леса с буреломом и затененными неширокими протоками со стоячей темной водой. Над протоками росли кусты ежевики, в период созревания с них свисали тяжелые грозди с налитыми сизыми ягодами. Вот за ними мы сюда и ходили в старые добрые времена. В иной год можно было набрать полное большое ведро. Ежевику приносили в лагерь, варили компоты, варенье, но только собирать ее было сушим наказанием. Самые спелые грозди висели над протоками, приходилось лезть в ледяную воду, баламутить ил и следить, чтобы к тебе не прицепилась какая-нибудь захудалая злая пиявка.

Обращенная к основному руслу сторона острова была свободной от деревьев, здесь росла высокая луговая трава. К середине лета она высыхала и стояла позванивая на легком ветру пустыми колосками диких злаков.

Однажды на границе леса и луга мы с Кириллом нашли молодую дику яблоньку. Ближе к вершине на ней висело с десяток нежно-лимонного цвета яблок. Я встала на цыпочки, достала одно. Чуть коснулась – и яблочко тут же оказалось в ладони. Оно было ароматным, гладким, без единой червоточки. Обычно дикие яблоки кислые, сильно горчат, а это оказалось необыкновенно сладким.

Тогда Кирилл слегка потряхнул деревце, яблоки тут же, все сразу, будто ждали, обрушились в мягкую сухую траву. Ни одно не побилося. Мы отыскиали их, положили в мою шляпу и принесли в лагерь. Помню, жители Большой поляны никак не решались их есть. Держали яблоки в руках, натирали до блеска кожуцу, подносили к лицу и с наслаждением вдыхали тонкий яблочный аромат.

Но больше нам никогда не удавалось вновь отыскать эту яблоньку. Мы не раз приходили на опушку (здесь она росла, здесь!), задирали вверх головы, шурились от солнца, но никаких следов яблок не находили. Словно нам был сделан однажды подарок, а потом яблонька по волшебству исчезла, будто ее никогда и не было на этом месте.

После наводнения и Большой воды остров перестал быть островом. Русло реки изменилось, ушло в сторону, размыло дорогу; второго рукава под скалами на противоположном берегу не стало. Там, где когда-то была вода, остались сухие, безжизненные камни. Мы прошли по ним на бывший остров, обогнули бурелом и завалы прелой листвы, вышли на опушку. На виду широко и мощно бегущего Акбулака Кирилл огляделся и сказал:

– Чем тебе не место нашей мечты! – Я немедленно и легкомысленно согласилась, и мы тронулись в обратный путь.

Но на половине дороги, сама не знаю почему, обернулась. Часть острова еще была видна, не заслоненная ближними деревьями. Неясная мысль кольнула сердце: «Вот возьмем мы его в аренду, обнесем забором, никого не станем пускать, будем жить в постоянном страхе, как бы кто не нарушил наших владений. На всякий случай купим ружье, и если придет по привычке за ежевикой медведь, убьем его наповал. Так, что ли?»

– Знаешь, Кирилл, – жалобно протянула я, – что-то мне грустно стало.

Он не ответил. Лишь возле волшебной тихой купальни (вода на закате стояла в ней как сгустившийся воздух), усадил на теплый камень и стал разбираться в причинах моей непонятной грусти.

– Не надо нам никакой аренды, – чуть не со слезами на глазах говорила я, – пусть Акбулак будет всегда, и пусть все останется как есть. Иначе мы потеряем последних друзей, изменим самим себе и очумеем от одиночества.

Кирилл помолчал, подобрал круглый камешек, почти шарик, повертел в руке, потом бросил в середину купальни. Тихо булькнуло, по воде побежали круги.

– Ладно, мама, – облегчил он мою душу, – уговорила, не будем брать аренду. Я согласен с тобой. Это не наша охота.

Счастливые и свободные, мы пришли в лагерь. На своем месте, на давно облюбованном камне, сидел Саидберды. Громогласно, немного каркающим голосом он что-то объяснял Сереже и строгал длинную палку.

Как выяснилось, он мастерил для Сергея лук. Когда тетива была натянута, когда заточены были тонкие стрелы и наш мальчик выбежал на открытое место учиться стрелять, мы наперебой стали рассказывать Наташе и Саидберды о нашем походе и обнаруженной на другом берегу Акбулака удивительной купальне, укрытой от посторонних глаз и заросшей со всех сторон непролазной стеной мятя.

Саидберды слушал молча, пил чай, макал кусочек хлеба в чашку и аккуратно, стараясь не капнуть медом, отправлял в рот. Над его головой висела пчела, но он не обращал на нее никакого внимания.

КАМЕНЬ САИДБЕРДЫ

Мы подружились с Саидберды в более позднее время. Прежде, в эпоху Большой поляны, он был, как и мы, намного моложе и как-то тушевался за широкой спиной отца, могущественного в пределах акбулакского хозяйства, грузного и неповоротливого Мамадали. Мамадали был страстным шахматистом, часто заглядывал к нам проездом на свой кордон. А Саидберды, видя, что папа застрял надолго, что ему предстоят не только шахматы, но и шумные разговоры о жизни и даже непременно угощение, трогал коня и уезжал по дороге один.

В отличие от отца Саидберды был невелик ростом, коренаст и очень силен. Загорелое, сухое лицо всегда тщательно выбрито, чем-то он напоминал индейца, полевая форма, положенная старшему инспектору лесхоза, хорошо подогнана.

Ноги его были слегка кривоваты, как это бывает у лошадиников. Саидберды, можно сказать, не слезал с коня, безмерно любил его и всякий раз, когда проездом останавливался в нашем лагере, восторженно отзывался о Ваське, хвалил его золотой

нрав. Конь Васька и впрямь был замечательным существом. О нем даже нельзя было говорить как о животном, настолько он был умен и кроток.

У Саидберды в нашем лагере было законное место – удобный, отдаленно напоминающий кресло камень. Будто специально для него природа умудрилась изваять из куска базальта гладкое сиденье с невысокой закругленной спинкой. Правда, один подлокотник был выше другого, но на это никто не обращал внимания. Уютное, пусть жесткое, кресло так и называлось – Камень Саидберды. Испокон веков он стоял в укромном углу нашей «кухни», углубленный немного в кусты боярышника. Когда Саидберды садился на камень, он оказывался весь окруженный зеленью. Одна ветка над головой вечно ему досаждала, но он ее не ломал, всякий раз отгибал и старался зацепить за протянутую от палатки веревку. Нас всегда восхишало его бережное отношение к природе. И что тут было удивительного, если он сам был частью ее. Так же, как Хасан Терентьевич, он знал о Майдантале все, его служба в лесхозе была всего лишь способом существования в родных горах.

Но вот наш лагерь расширился, образовалась новая «комната». Приезжает Саидберды. Стол на новом месте, а камень остался на старом. Попробовал подыскать другой – не получается, неудобно и от стола далеко. Саидберды, ничего не говоря, отправился к своему камню, раскачал, подsunул под него ладони, крикнул, поднатужился, поднял и, часто переступая согнутыми ногами, перенес на новое место. Так и гукнуло, когда он бросил его на землю. Сел как ни в чем не бывало, отряхнул руки, потянулся к пиале с чаем и стал рассказывать, как они с Васькой ровно три дня назад повстречались с медведем.

У нашего друга был пунктик – медвежьей истории. Приедет – обязательно расскажет какую-нибудь байку. Например, как медведь забрался на пасеку и разорил улей... Его кусают, а он ревет, но лапой все равно лезет в соты, а потом вместе с пчелами в рот сует. В последнюю минуту лишь увидел человека с ружьем и кинулся наутек.

– Ушел? – с надеждой спрашивала Наташа.

Саидберды даже не трудился ответить, лишь бровь поднимал, и становилось ясно – нет, не ушел, расплатился шкурой за пылкую любовь к бесплатному угощению.

В другой раз произошла встреча с мишкой на узкой тропе: завел с ним долгий разговор, потому что ружье в такой ситуации не вскинешь – не успеешь, медведь ловчее. Но человеческой речи не терпит: послушает-послушает, повернется и уйдет с дороги.

Рассказы Саидберды были своеобразны, мы хохотали над ними до упаду, а он не обижался, поглядывал добродушно и терпеливо ждал, когда мы отсмеемся.

– В Бричмулле засиделся у отца, – удобно усевшись на камне, принял у меня пиалу с чаем Саидберды, – ну, мы туда-сюда, стол собрали, посидели, да... потом я решил ехать. Отец не пускал: «Куда ты поедешь ночью, ты же совсем пьяный!» Но я все же поехал. Какой пьяный, чуть-чуть, всего ничего выпили, да... Ехал, ехал – уснул в седле. Еду, сплю, потом чувствую – стоим. Проснулся, а мы уже на кордоне. У Алика свечка горит, дай, думаю, зайду к нему. Слез, Ваську к дереву привязал, сам – к Алику. Потом во дворе посидели немного, да... Не пили, нет. «Пить не будем, ты уже и так хороший», – говорит Алик. Я согласился. А сам подумал: это он так говорит, потому что у него ничего нету. У самого ничего нету, а меня оставляет ночевать. Я не захотел. Поехал. Ехал-ехал – уснул. Васька, он такой, – пьяный, трезвый, сонный хозяин – все равно до места его довезет. Вдруг меня будто что кольнуло, да... Очулся – опять стоим. Огляделся. Километра четыре до Березовой роши не доехали, возле шели остановились, будь она неладна. Как шель, так обязательно что-нибудь не так, да...

Было, было на Акбулаке такое место. Теснина, река шумит, скалы вздыблены от-весно в небеса, эхом отдают, и кажется, будто шум от них самих исходит. А еще меж

двух скал с нашей стороны – узкий проход в недра горы. Если встать боком, то можно продвинуться немного внутрь, но никому и в голову не приходило лезть в густую черноту, в неизвестность.

Днем – ничего, но стоило оказаться возле этой щели в сумерках, тебя охватывал беспричинный страх, даже не страх, а какая-то космического масштаба мгновенная жуть. И тут же отпускала. Все ускоряли шаг, торопились скорее пройти мимо, и вот на этом месте остановился конь.

– Говорю Ваське: «Поехали, что стоишь!» А он ни с места, только фырчит. Я присмотрелся – на дороге что-то чернеется. Чернеется, да и шевелится. Еще лучше присмотрелся – а там медведь! Ух ты, думаю, вот удача! Но это же шель, да... От нее разве можно ждать чего хорошего? Хватить за ружье, а ружья нет. Где ружье? Уйдет же! Твою... да... Хотя и нетрезвый, а вспомнил: я ж его на кордоне у Алика забыл! Ружье не пропадет, завтра за ним заеду, а мишка что – будет стоять по стойке смирно? Матерился я не знаю как! В присутствии женщин повторять не буду. А тот как будто издевается, да... Стоит, с места не сходит и смотрит на нас. А мы с Васькой на него. Я тогда с седла наклонился, как гаркну: «Хах!» Он – в речку, на ту сторону, в кусты, как будто его и не было. Вот так. А мы с Васькой дальше поехали. Вот такая история, да...

Эпопея с арендой для нас, как известно, закончилась ничем. Однако о несбывшихся мечтах при случае рассказали Саидберды. Он слушал, хмыкал, мотал головой. Потом сказал:

– Вот ты умный человек, Кирилл, да? Скажи, зачем тебе нужно, чтобы голова болела? Ты приезжаешь отдыхать. Тебе кто мешает? Никто не мешает. Вот и приезжай. Мы, местные, почему к вам хорошо относимся? Потому что вы наши горы уважаете. И всех, кто здесь постоянно живет, да, тоже уважаете. Мы же чувствуем, что мы для вас не шалая-валяй, а люди. Вы правильно решили, не надо никакой аренды. Мы вас всегда примем и в обиду никому не дадим.

С тем он и уехал, вопрос был исчерпан, мы решили продолжить расчистку территории, несмотря на торчашую посреди облюбованной площадки гранитную глыбу, в надежде, что со временем что-нибудь с нею придумаем.

Первым делом убрали сухие ежевичные плети, подстригли и облагородили куст шиповника, расчистили проход и проникли внутрь укромного, затененного со всех сторон уголка, ну, прямо созданного для раздумий и отдохновения. Затем Кирилл Владимирович принялся пилить толстую сухую ветку. Убрали ее, отташили к очагу, там разрубили на мелкие чурочки. А уж очистить от мелкого мусора и палых листьев влажный песок особого труда не составило.

– И что теперь? – огорчился Кирилл, когда глыба предстала перед ним во всей красе посреди пустого пространства.

Мне она доходила до пояса, сужалась к макушке тремя неровными гранями, отдаленно напоминая малых размеров египетскую пирамиду.

Кирилл обошел ее кругом, пнул пару раз, задумался, потом взял позаимствованную у Хасана Терентьевича лопату и принялся по периметру раскапывать. Оказалось, что пирамида сидит в мягкой почве неглубоко. Но, боже ж ты мой, как ее сдвинуть с места, глыбу эту окаянную! Неужели нам придется отказаться и от этой мечты?

На наши громкие споры пришел из соседнего лагеря художник Анвар. Раздвинул ветки, заглянул внутрь со стороны тропинки.

– Что за шум?

Кирилл позвал его. Анвар прошел дальше по тропе, миновал палатку, повернул назад от «кухни» и очутился возле нас.

– Ух ты, какое местечко! – восхитился он.

– Местечко-то местечко, – согласился Кирилл, – да вот с этим чертом что прикажете

делать? – и он снова пнул ни в чем не повинный гранит.

– Да-а, конечно... – задумался Анвар, – а что если разбить?

– Чем?

– Кувалдой. Кажется, у Алика возле очага есть кувалда.

Мимо по тропинке шли в свой лагерь Володя с Аней. Они тоже услышали наши разговоры и тоже завернули к нам.

– Ой, какое местечко! – всплеснула руками Аня. – А куда вы собираетесь деть эту махину?

Кирилл молча набрал воздух в грудную клетку.

– Нет, – обошел кругом пирамиды Володя, – кувалдой вы не разобьете. Тут и пытаться нечего. Гранит надо хорошо нагреть, тогда он сам расколется. Костер надо под ним развести.

– Да ты представляешь себе, какой нужен огонь? – рассердилась я. – Мы же сожжем всю листву на дереве!

Все подняли головы и стали разглядывать нависающую над нами густую завесу кроны.

– Пожалуй, – неуверенно пробормотал Володя.

– Послушай, – повернулся к нему всем телом Кирилл, – я, можно сказать, теоретик, проектировщик, но ты! Ты же у нас инженер-строитель, неужели ты ничего не можешь придумать?

Володя смутился.

– Единственное, что я могу тебе посоветовать, – поймай хасановского ишака, запряги, и пусть тащит.

Мы на Володю даже обиделись. Этот темно-коричневый, почти черный ишак был не тот давний серенький ослик. Этого не то что гладить, этого видеть не хотелось. Злющая, вредная тварь бросалась на людей почище бешеной собаки, да так и норовила куснуть. Хорошо, Хасан Терентьевич крепко привязывал его к старому тополю. Мы недоумевали, зачем он держит такого страшного зверя, а он соглашался, мелко кивал головой и говорил, что уже нашелся покупатель, и скоро ишака заберут, да только вот покупатель все никак не появлялся на горизонте. А эта скотина продолжала кидаться и бежать за тобой, пока хватало веревки, и орать вслед во всю мощь луженой ослиной глотки.

Уставшие и сердитые, мы бросили работу, оставили все как есть, положились на мудрую поговорку «утро вечера мудренее».

На другой день Сережа заспался. Наташа и я воспользовались случаем, повернулись на другой бок и погрузились в сладкое царство дремы. Сквозь сон я успела заметить, что Кирилла на месте нет. Было около десяти часов утра, когда Сережа, наконец, проснулся. Мы еще немного повалялись, потом оделись и вылезли из палатки на белый свет.

В лагере тихо, в очаге перемигиваются угли, видно, чайник давно вскипел. Поискала глазами Кирилла, и увидела, что он спокойно сидит у стола. Но стол почему-то находится не на привычном месте, а гораздо дальше, под кленом. Подошла ближе. Муж пьет чай, и вид у него отрешенный, даже какой-то скучный. Я в первый момент ничего не могла сообразить. Подошла к Кириллу, заглянула под стол. Глаза мои широко открылись, я изумленно спросила:

– А где?..

Гранитная глыба, отдаленно напоминавшая египетскую пирамиду, исчезла. Вместо нее стоял стол с сервированным завтраком: нарезанным хлебом, чаем, остатками подсохшей колбасы и сливочного масла. С загадочно молчащим Кириллом в качестве приложения. Лишь плечиком извоили пожать:

– Исчезла.

– Выкатил ты ее, что ли?

Молчит. Огляделась – нигде ни поломанной ветки, ни следа потревоженного дерна. Полдня он морочил всем голову, пока не заскочил проездом Саидберды.

Этот не стал гадать. Заглянул под стол, присел на корточки, погрузил руку в песок, пошарил там, потом поднялся.

– А-а, Кирилл, хитрый ты. Как все русские.

Тогда и я догадалась, всплеснула руками.

– Да он же ее закопал! Точно! Это ж какую ямину тебе пришлось вырыть!

Но Саидберды не восхитился трудовым подвигом моего мужа.

– Да чего там рыть! Песок.

В эти дни наше общество стало редеть. Кончалось лето, пора было ехать по домам. На прощанье художники устроили вернисаж, расставили на поляне среди травы и камней наработанные этюды. Народу собралось довольно много, пришли журналисты с Большой поляны, семейство архитектора с двумя девочками, лесники. Все ходили по неожиданной выставке, рассматривали картины и радовались, когда узнавали знакомые места. Теперь наш Акбулак был навсегда запечатлен в живописи. Потом все собрались под большим тополем и сфотографировались на память.

На другой день все разъехались.

Мы поднялись на кордон – и там никого. «Белый дом» на замке, тишина во дворе у Хасана Терентьевича. Мы остались совсем одни, долго сидели за обеденным столом, говорили о каких-то совершенно незначительных вещах. Никуда не хотелось идти, все дела были завершены. У нас был хороший запас дров, лагерь был до конца обустроен, а впереди еще две недели роскошной жизни в горах. Провиант нам должны были на днях привезти. Солнце светило сдержанно, осыпало горы мягким золотым светом. Ветра не было, листья клена замерли в полном штиле, на нас напала истома. Никому не хотелось вставать, собирать посуду, идти с нею на берег.

Незаметно солнце переместилось к западу, а потом и вовсе упало за горы. Посеннему рано стемнело, а чтобы нам не было скучно, в небе появилась ранняя необычно светлая луна. Мы вышли на открытое место и сели вчетвером на недавно спиленный высохший тополь. Сидели тихо, жались друг к другу, а кругом плыло, совершалось, царил привычное лунное колдовство.

Было странно, что вот трое взрослых и один ребенок сидят на бревне и смотрят на луну, на высокие горы. Наверху по распадкам, по склонам бродят дикие звери, и нет ни одного человеческого существа. Я вдруг почувствовала, что моей дочке и внуку хочется прервать молчаливое созерцание и скорей укрыться в защитную тесноту палатки, озарив ее крохотный мир уютным светом фонарика.

Мы вернулись в лагерь, уложили детей, большую и маленького, а сами зажгли в новой «гостиной» лампу и сели у стола. Вот уже несколько дней мы никак не могли ею налюбоваться.

Мир сразу стеснился, и странно осветилась над нами, как кровля, густая резная мозаика мелких листьев.

– Постой, – подняла я руку, – слышишь?

Со стороны брода донесся шум, фыркнул конь, послышался голос Саидберды, он понуждал Васюку войти в воду. Как оказалось, мы были в горах не одни, просто не заметили, когда это он успел проехать мимо нас на свой кордон, а теперь возвращался.

Они переправились, и вскоре стук копыт прозвучал возле нашего лагеря.

– Смотрю, свет горит, значит, не спите, – заговорил где-то за кустами Саидберды.

Мы слышали, как он выбирается из седла, не спеша идет в сторону палатки, увидели его, когда он появился в светлом кругу, очерченном лампой.

– А вы хорошо устроились.

– Садись, Саидберды, суп еще не остыл. Кушать будешь? – спросила я.

– Нет, поеду.

Он казался расстроенным. Выяснилось, пока он ездил в Бричмуллу, за Березовой рошей сел вертолет, какие-то военные сорвали с двери домика замок, устроили обыск: все перевернули, забрали патроны от ружья, нашли в кармане куртки и тоже зачем-то забрали старое удостоверение.

– Завтра в лесхоз пойду. Разгромили мне дом, бардак устроили. Скандал хочу поднять, тогда и посмотрим, кто здесь хозяин, – помолчал, озираясь, и вдруг заявил, – у вас даже сесть не на что.

– Как не на что! – возмутилась я. – Не фокусничай. Или ты и сюда свое «кресло» потащишь?

И что вы думаете, вдвоем с Кириллом (я настояла, чтобы Саидберды один не надрывался) они волоком перетащили заветный камень и установили на новом месте. Только тогда Саидберды соблаговолил сесть и даже попросил напоить чаем. Потом он уехал в Бричмуллу, а мы остались, потушили лампу, но продолжали сидеть у стола. Говорить ни о чем не хотелось. Привычно шумела река, звенели цикады, луна успела уйти за горы, у корней клена светился крохотный фонарик светлячка. Было спокойно на душе, хотелось сидеть вот так в темноте долго, до утра, пока не затеплится над горами небо, пока не взойдет солнце.

Мы не знали, и даже предположить не могли, что эта ночь на Акбулаке последняя, что все наши хлопоты и волнения были напрасны, что зря Саидберды и Кирилл тащили на новое место камень-трон. Рано утром нас обнаружили военные люди с автоматами и после тщательной проверки документов приказали немедленно уезжать. От них мы узнали, что со стороны охваченного гражданской войной Таджикистана в нашу сторону движется банда террористов, что теперь находиться в горах нельзя – опасно, и лучшее, что мы можем сделать для собственного блага, – собрать вещи и покинуть район возможных боевых действий.

Боевых действий... Надо же было такому случиться, чтобы это леденящее кровь словосочетание мы услышали на Акбулаке, где принято здороваться с незнакомыми людьми, где соседи по лагерю могли пригласить вас на плов или просто посидеть у костра, спеть под гитару и «Виноградную косточку», и «Леньку-короля», и «Солнышко лесное». Эх, да что говорить...

Поспешно, как попало мы сняли и свернули палатку, покидали в машину вещи и уехали, даже не успев попрощаться с прекрасно обустроенным лагерем, рекой и нашими дорогами, любезными сердцу горами.

* * *

С тех пор прошло много лет. На Акбулаке мы больше не были, но часто вспоминаем последний благоустроенный лагерь. Конечно, там снова все заросло, покрылось сухими ветками и прелой листвой, со всех сторон напозли на ровные площадки ежевичные плети, разросся куст шиповника. Где-то в этой чаще стоит никому не нужный камень, странно похожий на небольшое кресло с невысокой спинкой, но уже никогда не придет и не сядет на него наш старый приятель Саидберды, не расскажет новую смешную байку о неожиданной встрече с медведем.

ПОЭЗИЯ

**Алексей
КИРДЯНОВ**

Родился в 1967 г. в Ташкенте. Окончил Ленинградское высшее военно-политическое училище. Автор поэтических стихотворных сборников «Ночь» (1996 г.), «Классическая проза», «Такая любовь» (2007 г.) и др.

Не меркнет звездный след

Расставание наше мнимо...
Анна Ахматова

* * *

Шуршит над городом, дрожит ночная мгла,
и очертанья зданий томно-мнимы...
Вновь начинаю строчку: «И любовь пришла...»
(с ней, очевидно, мы неразлучимы).

К стеклу прильну... Светлы овалы фонарей...
И промелькнут легко огни трамвая...
Услышу за спиной (чуть слышен) шум дверей:
а, Муза-девочка!.. насмешница живая...

А утром вдалеке восточная зурна
поет, шершавый воздух привечая.
...И строчка прорастет из музыки-зерна:
«Как кареглаза жизнь! – светлее чая».

* * *

Единственный способ общения с миром
Остался – посредством хрустящей бумаги.
В единственном мире, тщеславном и сиром,
пусть вертится жизнь колесом колымаги!

Пусть с жадностью, с жаром последнего раза
отдамся в объятия жизни: прохожий!
И радужной пусть оболочкою глаза
порадует жизнь, и веснушчатой кожей!

И пусть еще раз в отражении книжном
умру, растворяюсь в черной краске страницы...
Воскресну, вернусь – даже и не в престижном
я образе – в образе юркой синицы.

ПЕСНИ

Зеркала

Ночь опять на небе звезды зажгла,
волшебством зажгла мои зеркала.
Отражая свет ночных фонарей
и неясных разноцветных огней,
под прикрытием ночного крыла
оживают в тишине зеркала,
оживают в тишине зеркала,
вспоминать веля.

Мир былой любви так мал –
всего несколько зеркал.
Жаль, пути в былое нет,
лишь не меркнет звездный свет.

Мне не спится, я гляжу в зеркала:
вижу в них, как ты однажды ушла.
Ты ушла, и стало в мире грустней,
но среди ночных волшебных огней
ты оставила свой лик зеркалам.
И теперь печали все пополам,
и теперь печали все пополам –
мне и зеркалам.

Не устану я смотреть в зеркала:
ты одна в них будешь вечно мила.
Не виню тебя. Ты счастлива будь,
но зеркал моих, прошу, не забудь.
Помни, помни звезды наших ночей,
яркий свет в душе храни, не пролей,
свет, который горячее всех огней, –
свет любви моей.

* * *

В пыльном городе, странноприимном,
жизнь моя еще теплится вроде...
Независимым праздничным гимнам
жить-звучать в разношерстном народе.

И дрожать еще, жить пышно-звонким,
густо-радужным сном – не белесым,
в стороне, черно-рыжей стороне.
И вертеться тяжелым колесам...

А на жизнь зарабатывать проше,
дорожа и дрожа каждой нотой.
И печальной, заметь, позолотой
запоздалой украшены роши.

Заснеженные улицы*

Прохожу по заснеженным улицам,
мимо желтых ночных фонарей.
В тусклом свете фонарном мне чудится
образ милой улыбки твоей.
Кружит снежною пылью метелица,
убегает последний трамвай.
Мы расстались... Но всё мне не верится,
что вчера ты сказал мне: «Прощай!»

Это первая ночь разлуки,
это первая наша боль.
Но я помню глаза твои и руки,
помню твою любовь.

Всё уснуло в заснеженном городе,
и последние гаснут огни.
Без любви мне твоей очень холодно.
Как вернуть наши ночи и дни?
Прохожу по заснеженным улицам,
ночь от белого снега светлей.
Но я знаю – мне это не чудится –
вновь меня назовешь ты своей!

* Премьера песни (муз. Алексея Кирдянова) состоялась на сцене Русского академического театра драмы им. М. Горького в мае 1995 г.

НОВЫЕ ИМЕНА

**Виктор
НАДОЛЕНКО**

Родился в 1970 г. в Москве. Окончил ТашГУ. Директор фирмы по производству косметической продукции. В «Звезде Востока» публикуется впервые.

СИЛА ПРОСТОТЫ*Рассказ*

Искусство, как и все в мире, движется, обновляется, повторяется. И, конечно, наш далекий предок, рисующий на пещерных скалах, озаряемых костром, совсем не догадывался о художественной силе своих творений, о вековой мудрости, запечатленной им на камне, о будущих граффити. Человечество будто опомнилось и опять увидело мудрость и красоту в простейшем, практически в примитивном.

Александр Дуделов работал шеф-поваром в придорожном кафе средней руки с оригинальным названием «Ветерок». Работал он с душой, поэтому в их «Ветерок» задувало много клиентов со средним карманом, но хорошим аппетитом. Многие стали уже постоянными, и он знал их лично. Отношения были теплыми, практически дружескими. У Александра была красавица жена и маленький сын, которые его очень любили, и он их тоже.казалось, что жизнь у Александра налажена и идет как положено.

Но сам Александр мечтал совсем об ином: он видел себя на сцене, блистающим в огнях и эстрадном тумане, осаждаемый толпами поклонниц. Эти картины были столь увлекательны, что он, как мог, пытался пробиться на сцену: пел чужие песни – его игнорировали, пытался сочинять свои – его не замечали. Но он не отступал, не расстраивался, верил в свою звезду. Когда выпадала свободная минута, брал гитару и выходил в народ, а попросту говоря, исполнял песни посетителям и персоналу кафе. Народ аплодировал, одобрял, но дальше кафе дело не шло.

Однажды летом, когда схлынул поток посетителей и улеглась обеденная кутерьма, а до вечера было еще далеко, Александр вымыл руки, снял униформу, взял гитару и вышел в зал порепетировать. Зал был пуст. Только за одним столиком обедали парень и какая-то древняя-предвечная старуха, видимо, его родственница. «Музыкант» кивнул им, сел на стул и тронул струны. На звук вышла Ленка – официантка и тетя Клава – посудомойка, постоянные ценители его арий. Саша начал обычную распевку, понемногу вдохновляясь и, как ему казалось, очаровывая слушателей своим исполнением. После первой песенки, считавшейся у Саши простенькой, он сделал вдохновенное лицо и затянул о жизни, о любви, о себе. Бабка слушала, слушала, потом встала и поковыляла к сцене. Александр ободрился и дал в голосе такой надрыв, что чуть не осип. Но бабка, вместо ожидаемого восторга, положила руку ему на струны.

– Хватит, сынок. Надрываешься много, а сути нет. Меня правнук из тайги к себе в город везет. Народ там отродясь таких песен не слышал. Уж больно у тебя все мудрено.

– А какие же он слышал? – спросил Саша с сарказмом.

– Да что попроще да попонятней, – сказала бабка.

– Вы на нее внимания не обращайтесь, – вмешался правнук, – она вас сейчас научит. Она нас всех своими советами замордовала.

– А слушали бы, так толк был бы, – прошамкала бабка.

– Да это ничего... Может, покажете что, бабушка? – иронично проговорил Саша.

– Правда, покажите, – поддержала Ленка.

– Покажите, покажите, – присоединилась тетя Клава.

Бабка ломаться не стала. Повернулась лицом к залу, для порядка пару раз кашлянула и затынула своим дребезжащим старческим голосом какую-то древнюю песню, которая исполняется практически на одной ноте. Из уважения к возрасту все вежливо и сочувственно заулыбались. Все, кроме Саши, потому что он почувствовал в этой простоте силу и ближайшее будущее эстрады. «Вот оно, нашел. Молодец, бабка. Да это тот же самый рэп, только наш, родной, исконно русский. Чё ж мы пацаны, что ли?» – подумал он.

Бабка закончила. Народ для приличия захлопал.

– Спасибо бабушка, – восторженно сказал Саша. – От всей души спасибо. За обед можете не платить, я сам рассчитаюсь.

– Чё, сдурел, что ли? – шепнула ему Ленка.

– Молчи, бестолковая, – сказал Саша, – она мне дорогу показала. И пошел провожать посетителей до машины.

– Какую дорогу?.. – пожала плечами Ленка, убирая со стола.

В ту же ночь Саша сочинил свою первую речёвку и в ближайший выходной исполнил её в соседнем клубе, где постоянно тусовалась молодежь. Встретили на «Ура!». Из вдохновлённого Саши стихи лились нескончаемым потоком, народ заметил его, стали приглашать на тусовки и концерты, и, наконец, Москва была покорена. Правда, фамилию Дуделов пришлось переделать на сценическую Свиристов. Толпы поклонниц рвали на нем одежду. Говорят, одна девушка даже хотела броситься с моста, когда Саша, случайно забывшись, вместо примитивного речитатива на дне рождения товарища пропел «Happy birthday». В многочисленных интервью он неоднократно подчеркивал силу простоты, и, надо отдать ему должное, не замалчивал случай с бабушкой, натолкнувшей его на счастливый путь.

Шли годы, подрос Сашин сын. Как известно, природа отдыхает на детях, когда родители талантливы. Но артисты эстрады, за редким исключением, это особые люди, и природа держится от них подальше. Поэтому дети у них обычно подхватывают эстафетную палочку родителей и ногами впиваются в эстрадный успех. Сашин сын вышел на эстраду. Но новое поколение уже не воспринимало рэп с прежним восторгом.

– Сила в простоте, – твердил Саша сыну. – Иши.

И парень нашел, он превзошел отца. Выходя на сцену, он в одной тональности в течение нескольких минут повторял одно слово, например, «любовь». Остальное публика додумывала сама и рыдала или хохотала от восторга – все зависело от индивидуума. Тем было много: «Жизнь», «Судьба», «Деньги», «Измена», «Дружба»... Поскольку песни были глубокими и длинными, парень давал народу возможность насладиться ими сполна, укладывая их в гамму. Иногда по просьбам публики исполнял на бис «Любовь» – наиболее сильное свое произведение.

А там уже и внуки подросли, не желающие бросать дело своего рода, новому поколению требовалось еще больше простоты. По-новому организовали гастроль: разделились, один ездил с концертами, на которых просто держал палец на одной из клавиш, давая публике возможность домыслить тему, другой выходил и повторял слово, а публика сама подбирала ноту. Это было верхом искусства.

За всем этим наблюдал счастливый Саша. Он сильно постарел (к сожалению, от этого не избавлен никто), но его по-прежнему приглашали на концерты и встречи как живую легенду. Иногда он даже исполнял свои классические произведения, которые для современного поколения были уж очень заумными. Жил он в прекрасном загородном доме, окруженном вековыми соснами. Наслаждался достатком, красотой, тишиной и семьей. Потомки его не забывали, регулярно множась согласно законам природы, в доме прадеда постоянно жила маленькая пятилетняя правнучка, любимица и большая шкода. Как-то раз она растолкала дремавшего в кресле Сашу.

– Деда, деда, смотри, что я нашла на чердаке, – и показала деду старинный DVD-диск. – Деда, хочешь послушать? Я уже слушала. Так интересно. Там, правда, всего одна песня, но зато такая интересная.

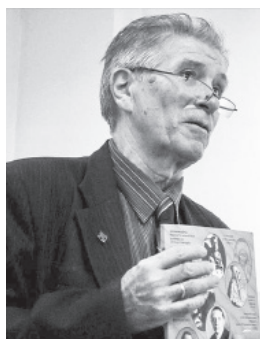
– Ну поставь, – сказал Саша, благо что музыкальной аппаратуры, в том числе и старинной, в доме было полно. Девочка послушно выполнила просьбу. Зазвучал музыкальный перебор, а потом: «Чижик-пыжик где ты был?»...

– Дед, ты что, плачешь?

– Боже, как давно я не слышал настоящей нормальной музыки!..

караван истории

**Борис
ГОЛЕНДЕР**

Родился в 1947 г. в Ташкенте. В 1972 г. окончил химический факультет ТашГУ (ныне НУУз). Автор научных работ и 5 изобретений в области химии и технологии полимеров. Научный сотрудник литературного музея С. Есенина в Ташкенте.

СЧАСТЛИВАЯ СУДЬБА КОСТЕЛА

На протяжении многих десятилетий этот примечательный памятник архитектуры был для меня, как и для большинства ташкентцев, не более чем грудой живописных развалин. Горожане привыкли, что более полувека у моста через Салар в районе старого ТашМИ странным силуэтом маячило хорошо заметное издалика высокое полуразрушенное здание католического костела. В сознание нескольких поколений костел так и вошел загадочной романтической руиной.

*«О тебе мне осталась на память
Только эта громада костела,
Где сквозь черные камни развалин,
Как сквозь пепел всего, что сгорело,
Пробиваются к жизни и свету
Всходы горькие поздних прозрений –
Голубые цветы полевые».*

Так писал в пронзительной минипоэме «Незабудка» о своем послевоенном детстве замечательный ташкентский поэт Александр Файнберг.

«Черные камни развалин» костела неожиданно ожили для меня в начале 70-х годов. Тогда мой питерский приятель Владимир Янович, знаменитый в городе на Неве коллекционер-филокартист, впервые приехал в Узбекистан ко мне в гости и, зная мою страсть к ташкентской старине, привез из Северной Пальмиры целую пачку старинных почтовых открыток с видами старого Ташкента. Мы с ним целыми днями напролет азартно менялись открытками, а когда я исчерпал весь заблаговременно подготовленный запас видов Санкт-Петербурга, Владимир Янович, лукаво улыбаясь, решил окончательно поразить мое воображение и выложил передо мной действительно раритет...

Это была уникальная иллюстрированная почтовая открытка, изданная в Ташкенте еще до Первой мировой войны. На стандартном листочке плотного картона я увидел удивительно четко прорисованный величественный фасад католического собора со множеством витражей, стрельчатых ниш, скульптур и барельефов. В углу открытки была помещена дополнительно небольшая репродукция какого-то живописного полотна: священник в черной сутане спрыгивает с лодки на безлюдный низкий берег, сильно поросший камышом. Краткая подпись гласила: «Ксендз Пранайтис на Саларе». На

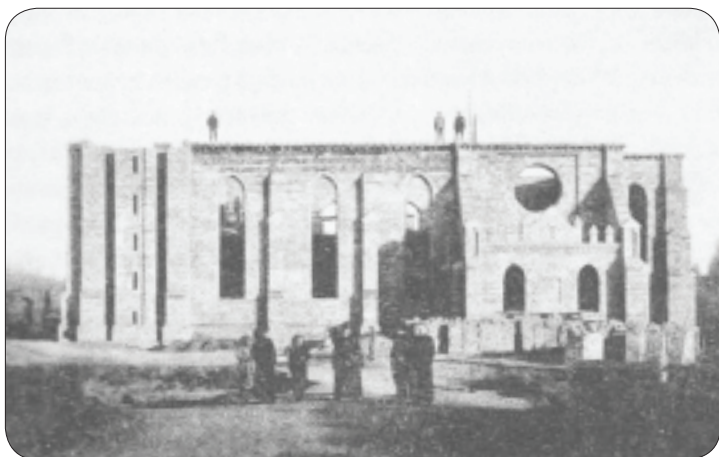
обороте открытки я нашел напечатанный призыв вносить добровольные пожертвования на строительство римско-католического костела в Ташкенте. Сообщалось, что постройка будет осуществляться под руководством профессора Юстина Бонавентуры Пранайтиса, и тут же стоял большой фиолетовый оттиск круглой печати с картой Туркестана, увенчанной солнцем, распятием и полумесяцем. Вокруг шла четкая надпись на латыни «*Sigillum curati tashkentensis*» (печать курата Ташкентского).

Нет, эту редчайшую открытку коллега-коллекционер мне так и не уступил. Как ни просил я его, чего ему только ни предлагал – открытка осталась в его собрании. Затем через несколько лет произошла наша последняя случайная встреча с Владимиром Яновичем в московском аэропорту Домодедово. Нам, пассажирам нескольких разных рейсов, как это иногда бывает, довольно долго ночью пришлось ждать вылета в неудобном, насквозь промерзшем железобетонном «накопителе». В толпе я вдруг увидел питерского знакомого. Мы разговорились. Я спросил, цела ли у него та самая открытка с рисунком первоначального проекта ташкентского костела. «А как же, конечно, цела, – ответил он мне, – я заберу ее вместе с самой ценной частью моей коллекции в Америку. Ведь через пару недель я навсегда перебираюсь в США».

Так исчез из моего поля зрения этот редкостный памятник истории культуры старого Ташкента, а другого экземпляра за прошедшие два десятилетия, несмотря на настойчивые поиски, так и не удалось обнаружить. Вообще оказалось, что старых изображений ташкентского костела и сведений о нем сохранилось очень мало.

Идея построить католический храм в Ташкенте возникла еще в 1875 году, но дело сдвинулось с места лишь после назначения в 1902 году авторитетного католического священника Юстина Пранайтиса, магистра богословия и профессора древних языков, «куратором ташкентским», то есть официальным представителем Святого Престола в Туркестане.

Курат Юстин у некой вдовы Биби Мариам Нартбаевой приобрел на деньги, собранные по подписке, небольшой участок земли на правобережье Салара в Крючковском (Коларовском) переулке и построил здесь в 1905 году скромное здание так называемого «старого костела», которое часто называли «Домом польского общества»,

так как, кроме собственно «каплицы», тут располагался детский приют туркестанского римско-католического общества со школой и квартирой настоятеля. Это был довольно большой, двухэтажный типичный ташкентский дом в характерном туркестанском стиле начала XX века, построенный практически без всяких внешних украшений. На то, что в доме помещается храм, указывал лишь небольшой латинский крест над слуховым окном углового чердачного помещения.

Через несколько лет, в 1913 году, курату Юстину удалось приобрести в рассрочку у известной торговой фирмы «И. А. Первушина сыновья» еще один участок земли в этом же районе – между «старым костелом» и берегом Салара. Здесь и решено было воздвигать капитальное здание настоящего костела.

Кто разработал художественный проект «нового костела» – неизвестно. Стиль постройки – модная в начале XX века неоготика. Крестообразное в плане одноглавое

здание базилики размерами 41х31 м должно было иметь трехнефный зал и общую высоту 25 м. Главный фасад, обращенный в сторону моста через Салар, предполагалось украсить характерной готической «розой», стрельчатыми оконными и дверными проемами и снабдить большим количеством скульптурных изображений святых. Сейсмобезопасность обеспечивалась обилием контрфорсов, которые одновременно являлись элементами декоративного оформления стен.

Строительство началось в 1914 году и продвигалось медленно, так как грянула Первая мировая война. Но энергичный курат Юстин добился разрешения привлечь к работам большую группу военнопленных-католиков, которых к тому времени было уже очень много в Ташкенте. При помощи этих людей (среди военнопленных оказались высококвалифицированные специалисты) строительство пошло быстрее, а первоначальный проект костела претерпел существенные изменения. В частности, было решено использовать важное новшество – употребить при возведении базилики шлакобетонные блоки и всю декоративную скульптуру изготовить из этого же материала.

В строительстве костела принимал деятельное участие выпускник ташкентского кадетского корпуса, ставший впоследствии довольно известным скульптором, Игорь Всеволодович Крестовский – сын популярного русского писателя В. В. Крестовского – автора знаменитых «Петербургских трущоб». В 1916 году, будучи студентом Академии художеств, И. В. Крестовский приехал к родным в Ташкент. Бродя вокруг своей alma mater, он очутился на строительной площадке костела и стал помогать исполнителям скульптурных работ военнопленным: венгру Гатчу, словаку Данову и поляку Клоковичу.

Особенно сильное впечатление на юного скульптора произвел поляк. Родом из Кракова, он в свое время окончил престижную Мюнхенскую художественную школу и был настоящим профессионалом. *«Мне нравилось, – пишет И. В. Крестовский в мемуарах «Пути жизни», – как Клокович, глядя на свой небольшой эскиз царя Давида, умело прокладывал бетоном всю фигуру. Под его руками быстро получались вылепленные части тела, которые он потом соединял друг с другом, сливая их в одно целое. В нем чувствовался настоящий мастер, обладавший большой техникой и большим вкусом».*

Пройдя хорошую школу у военнопленных мастеров, И. В. Крестовский через много лет после описываемых событий в своем итоговом труде «Монументально-декоративная скульптура», изданном в 1949 году, подробно изложил методику изготовления круглых фигур и барельефов, освоенную им на строительстве костела в Ташкенте.

В окончательном виде фигуры производили впечатление вырубленных из настоящего песчаника. Высота скульптур составляла 2-2,5 м. На старых фотографиях ташкентского костела можно видеть, что все запланированные двадцать три фигуры святых действительно были установлены: восемь – на карнизе здания, одна – над центральным входом, шесть – на балюстраде, четыре – в нишах крипты и четыре – на пьедесталах у подножия парадной лестницы. Кроме того, на крыше костела (так и оставшейся с недостроенным шатром) укрепили два креста с фигурами легендарных разбойников, которые, согласно Новому Завету, были распяты вместе с Христом, а над боковыми входами фасада разместили два больших барельефа с евангельскими сюжетами. Не успели смонтировать на фасаде только четырехметровую фигуру Спасителя (по модели Гатча), которая должна была венчать главный вход над готической «розой». Именно ее я увидел и хорошо запомнил на том самом рисунке уникальной почтовой открытки из коллекции моего питерского приятеля.

Таким образом, постройка здания костела была почти закончена, в крипте уже проходило богослужение, когда в феврале 1917 года внезапно умер курат Юстин Пранайтис. Его преемники не смогли эффективно продолжить начатое дело, тем более надвигались грозные события революции и гражданской войны.

До середины двадцатых годов, пока его в принудительном порядке не закрыли большевистские власти, действовал «старый костел» в Доме польского общества. А незаконченный «новый костел», к тому же пострадавший от оружейных обстрелов в 1917 и 1919 годах, стал медленно разрушаться от времени и людского небрежения. Обрушилось декоративное убранство, исчезли одна за другой белые скульптуры, стены уродовали необдуманные мелкие перестройки многочисленных случайных владельцев.

Только в 1981 году историческое здание было взято под охрану государства как памятник архитектуры и разработаны два альтернативных проекта реконструкции костела в органный концертный зал. Однако в те времена работы по восстановлению шли крайне медленно.

Надежда на возрождение ташкентского костела появилась лишь после обретения Узбекистаном независимости. Сегодня величественный храм, по существу, воссоздан заново под наблюдением архитектора С. С. Адамова и отца-настоятеля католического прихода Кшиштофа Кукулки. Вместе с новой современной автомобильной магистралью, проложенной вдоль берега Салара, возрожденный римско-католический костел составляет несомненное гармоничное целое и является доминантой запоминающегося архитектурного ансамбля, украшая эту часть современной столицы Узбекистана.

Такова причудливая судьба одного из немногих сохранившихся высотных зданий старого Ташкента, судьба, все еще полная загадок, неизвестных нам обстоятельств, драматических поворотов и невосполнимых потерь. Я люблю этот романтический уголок нашего города, когда лучи заходящего солнца освещают верхушку костела, а шины несущихся по скоростной автостраде автомобилей что-то нашептывают столько повидавшему на своем веку принарядившемуся храму. О чем они рассказывают старому ташкентскому костелу в самом сердце Центральной Азии? Тайна сия велика есть!

НОВЫЕ ИМЕНА

**Луиза
МАХМУДОВА**

Главный редактор
информационного
агентства Turkiston
Impress. Окончила
Самаркандский
госуниверситет.
Победитель кон-
курса «Лучший
Журналист 2012
года».

Весна случайной не бывает

Октябрю

Быть лучше просто невозможно.
Касаясь утренних лучей,
Озябший движется прохожий,
И пес бредет совсем ничей.
Прохладой полон воздух утра
Чуть сонного дня октября:
Кому-то салютует будто,
Ну а кого-то будит зря.
Такая зыбкая прохлада
На стыке зноя и зимы
После июля как награда,
Что навевает сказок сны.
Еще немного – и холодный
К нам постучится в дом декабрь.
Как правит нами бог погодный,
Держа любимчиком октябрь.
В окно заглядывают ветки
На стыке поздней желтизны.
Нам осень мудрые советы
Дает в преддверии зимы.

Поэт мечтает...

О чем мечтается поэту?
Уходит и приходит лето,
Заходят в гавань корабли...
...Поэт мечтает о любви,
О ласковом прикосновеньи,
О легком сладостном забвеньи,
Бурлении страстей в крови...
Поэт мечтает о любви:
Той, что миры преобразает,
Что смысл у жизни порождает,
Удачей делится: «Лови!»
Поэт мечтает о любви...
Быть может это и нелепо,
Так ждать любви вселенской слепо,
Но нас – немало, мы – свои –
Те, кто мечтает о любви.

О суета!

О суета! Твоя неповторимость
Так странно действует и смотрит на меня.
С тобою плавно дни проходят мимо,
С тобой замерзнуть, не разжечь огня.
Как умудряемся мы так с тобою слиться?..
Как получается так в жизнь тебя впустить?
Что сделать, чтоб навек с тобой проститься
И никогда к себе не подпустить?..
Мечтаю... впопыхах вбивая строки,
Пишу, садясь в вагоны на ходу...
А может, суета – мои истоки?..
И без нее совсем я пропаду?..

Поединок

Мне приснилась мшеница змея
У босой ноги на горной тропке.
Будто бы как тень, вторая я
Видит мою страшную находку.

А змея смотрела на меня,
Понимая, как легко столкнуться
В этой горной зыби бытия,
Ни сбежать, предав, ни увернуться.

Сон тревожу мыслью – всё есть прах.
От проблем сбегаю нерешенных
В моём мире, сёлах, городах,
Заброшенных, закабаленных.

Развернулась гордая змея,
Уползла в свое немое царство.
И со стороны смотрела я,
Как моё меняется пространство.

Весне

Весна случайной не бывает.
Она протяжная, как стон.
Она снежинкой легкой тает,
И каждый в дни ее влюблен.
Весна дается как признание,
Что жизнь прекрасна и нежна.
И день светлей, и утро ранней,
Когда рождается весна.

НОВЫЕ ИМЕНА

Сергей СЛОНОВ

Родился в 1962 г. в Ташкенте. Пишет с юности. Публиковался в альманахе «Пегас» (2015, 2016 гг.). В «Звезде Востока» публикуется впервые.

Басни**Премьера**

По городу пестрят афиши:
«Премьера!»
Слон Самсон танцует с белой мышью.
По просьбе публики хоть польку,
Хоть фокстрот.
И к цирку собирается доверчивый народ.
Но слон, похоже, очень нежен,
Плясать не хочет на манеже.
Уж вальс сыграли, даже твист,
Но не идет плясать большой артист.
Директор побежал к слону в гримерку,
Принес бананов на подносе горку:
– Любезный друг!
Вот взяли вы манеру!
Где ваша мышь?
Вы мне провалите премьеру.
Самсон уселся на дубовый табурет
И, запахнув халат, такой давал ответ:
– Я так и знал!
Не обойдется без морали!
Вы со своею мышью
Мне все уши прожужжали.
Напомню вам:
Любимый цвет мой белый...
К чему плясать мне с мышью серой?
Дела такие не решают с кондачка!
Я требую в партнеры... положим, барсучка.
– И что наш слон действительно зазнался?
Конечно нет!
Он сам потом признался,
Что просто мышки испугался!

Праздничный обед, или почему сердится лев.

Однажды царь зверей на склоне лет
Устроить вздумал праздничный обед.
А чтоб всё гладко шло и без изъяну,
Решил шеф-поваром назначить обезьяну.

Но кухня без помощников –
Что лодка без весла
И он даёт в подмогу ей
Медведя, кабана и серого осла.

На кухню первым заглянул осёл:
– Я тут рецепт один по случаю нашёл!
Как может быть наваристым обед,
Когда соломы в нём ни грамма нет?!

И бухнул наш заботливый осёл
Охапку сена в закипающий котёл.
За ним пришёл медведь:

– Какой обед без мёда?!
Дорогие господа,
Как ложкой ни черпай –
Голимая вода!

И мёд пахучий, щедрый дар от пчёл,
Медведь радушно вылил весь в котёл.
Кабан захрюкал у дверей:

– Уж если стряпать, братцы,
Чтоб было всё как у людей,
То надо сыпануть в котёл
Котомку зрелых желудей.

Тут обезьянка не стерпела:
– Готовить с вами – лишь морока,
А мне бы ши успеть сварить
К указанному сроку!

И быстро захихнула в гушу винегрета.
вилок капусты для полного букета!
С тех пор прошло довольно много лет.
Но лев всё сердится за тот испорченный обед.

Творческая душа

После тёплого дождя
Прямо в лужу грязную
Улеглась одна свинья,
День весенний празднуя!

А в небе солнышко сияло,
День казался ясным,
И мысли в голове свиньи
Рождались о прекрасном!

Созерцая за дорогой
Живописную долину,
Вдруг надумала свинья
Маслом написать картину:

– Мне достать бы только краски,
Мне достать бы кисти,
И тогда я покажу,
Как рисуют листья!

Рядом куры суетились,
Слушали, клевали
И как будто между делом
Землю ковыряли.

– Эх! Ну где уж вам понять
Творческую душу! –
Говорила им свинья
Из дождевой лужи.

И шлёпнула по луже
Толстою ногою,
Окатила пёстрых кур
Грязною водою.

Куры бросились бежать
От зловонной жижи,
А свинья всё рассуждала:
– Вот гляжу на вас и вижу,

Что, если нет у вас
Любви к прекрасному,
Что вам ни говори,
Всё будет напраслиной!

литературоведение. литературная критика

**Анатолий
ЛИХОДЗИЕВСКИЙ**

Доктор филологических наук, профессор УзГУМЯ. Автор многочисленных научных публикаций, специалист по зарубежной литературе.

ЗВЕЗДА НОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ИНДИИ

(творчество Арундати Рой)

Современный литературный процесс характеризуется активным взаимовлиянием литератур Востока и Запада, обращением писателей различных регионов к глобальным проблемам человечества – политическим, экологическим, психологическим и философским. На первый план выдвигаются талантливые авторы, соединяющие в своем творчестве восточные культурные традиции своего народа и накопленный опыт литератур западных стран.

К таким писателям относится индийская писательница Арундати Рой, стремительно вошедшая в литературу и быстро завоевавшая признание как на родине, так и во многих странах мира. Ее роман «Бог мелочей» (*The God of Small Things*, 1997), отмеченный престижной Букеровской премией, переведенный и изданный во многих странах, оказался в центре внимания широкой читательской аудитории и литературной критики.

Арундати Рой родилась в 1961 году в провинциальном городке Айнемем (штат Керала). Воспитанная в семье индийских христиан, писательница с детства оказалась в многонациональной среде, где соединялись и взаимодействовали многоязычные культурные традиции разных народов. Познав нужду и физический труд, будущая писательница сумела получить образование в архитектурном колледже и, выйдя замуж за режиссера Прадипа Кишена, окунулась в мир кино, сыграла несколько небольших ролей, а затем начала писать сценарии, что и приобщило ее к литературному творчеству.

Арундати Рой всегда боролась против любых проявлений религиозного фанатизма и политического экстремизма. В 2004 году ей была присуждена почетная Сиднейская премия мира.

Литературная известность к Арундати Рой пришла в 1992 году, когда она написала роман «Бог мелочей». Книга была опубликована в 1997 году в Англии и сразу сделала писательницу знаменитой.

Книга во многом автобиографична. В ней речь идет об индийской христианской семье и ее повседневной жизни. Трудно назвать тему, которая не была бы затронута в романе. Политика, частная жизнь, семейные отношения, любовные истории – все переплетается, образуя единое целое. Вообще же «Бог мелочей» – это прежде всего реалистический социальный роман.

Писательница использует ретроспективный метод повествования. События в романе происходят в разное время, и читателю не сразу становятся понятными сложившиеся между персонажами отношения. В центре романа история брата и сестры, двойняшек Эсты и Рахели. В начале романа им уже за тридцать лет. Сразу обращает на себя внимание загадочное поведение Эсты, который уже долгие годы не произносит ни одного слова. Действие произведения постоянно переносится в прошлое, в детство героев, когда им было по семь. И только к концу романа читателю становится понятным обет молчания, принятый ее братом.

С самого раннего детства Рахель и Эста сталкиваются с характерной для Индии кастовой системой, когда кто-то занимает привилегированное положение, а кто-то ущемлен и не имеет права даже на проявление элементарных человеческих чувств. Эта особенность индийского общества подвергается критике Арундати Рой и определяет психологию персонажей романа, становится причиной трагедии.

Сначала читатель узнает о не совсем понятном отчуждении между Рахелью, Эстой и их матерью Амму. Страдая из-за того, что мать мало уделяет им внимания, дети решаются на протест. Они задумывают побег на остров, где бывали и раньше. Во время ночной переправы через бурную реку лодка переворачивается и погибает их двоюродная сестра – девочка Софи. Именно это событие заставило Эсту замолчать на долгие годы, поскольку он был инициатором побега и мучился ощущением своей вины. Но по ходу действия романа в сознании его главных персонажей постепенно возникает мысль о закономерности и даже неизбежности происшедшего.

Оказывается, их мать Амму полюбила бедного плотника и механика Велютту. Но, относясь к низшей касте неприкасаемых, он не имел права даже мечтать о возможности своего счастья. И когда выясняется, что гибель девочки связана с любовью Амму (Рахель и Эста бывали в доме Велютты), без суда и следствия отряд полицейских в ботинках со специальными металлическими носками избивает Велютту. Его бросают в грязную тюрьму, где он умирает.

Роман «Бог мелочей» насыщен фактами индийской реальности. Большинство политиков в романе использует лозунги только ради получения той или иной должности. При этом писательница подчеркивает, что то или иное учение воспринимается лишь поверхностно, в суть никто не вникает. Арундати Рой сатирически атакует все политические и религиозные партии. Сиюминутная выгода, желание «зарисоваться», а в нужный момент спрятаться лежат в основе провинциальной политики. Писательница требует вместо демагогии и политической болтовни реальных действий в защиту обездоленного народа.

Арундати Рой – несомненный мастер психологического анализа. Она стремится совместить в своем произведении две точки зрения: Рахели – взрослой женщины и Рахели – семилетней девочки. Писательница пытается имитировать процесс работы человеческой памяти, когда вспоминается какая-то мелочь, очень много значащая и скрывающая за собой целый пласт воспоминаний.

В романе присутствуют маленькие «потoki сознания» персонажей, непосредственно вызванные тем или иным событием.

Читателя поражает яркий индийский колорит, богатство красок, привлекает и удивляет специфическая индийская экзотика: этнографические подробности, яркая природа (растения и животный мир), описание национальных обрядов и праздников, особый язык повествования. Даже в трагический момент, когда арестовывают несчастного Велютту, писательница не может не любоваться неповторимой индийской природой.

Язык прозы Арундати Рой тоже не прост: с одной стороны, книга насыщена специфическими словами, понятиями, которые и для англоязычного читателя (роман написан на английском языке) требуют истолкования (перевод здесь невозможен). А с другой – необычная образность Арундати Рой требует от читателя определенного напряжения и фантазии. Стиль писательницы иногда заставляет вспомнить образы сюрреалистов, настолько неожиданны иногда ее метафоры и сравнения. Например, пейзаж, предвешающий трагедию:

«Море было черное, пена – рвотно-зеленая.

Рыбы глотали битое стекло.

Ночь облокотилась на воду; падающие звезды отскакивали от ломких водяных чешуек.

Небо освещали ночные бабочки. Луны не было»(109)¹.

Роман насыщен символикой. Символично все – от предметов повседневного быта индийской семьи до центрального образа-символа. Название романа очень емко и заключает в себе ряд значений. Богом Мелочей называет Амму своего возлюбленного. Маленький человек в своих чувствах является богом:

«Вдруг он почувствовал себя счастливым. Сперва будет хуже, подумал он про себя. Потом лучше. Он шел теперь быстро, приближаясь к Сердцу Тьмы. Одиноким, как волк.

Бог Утраты.

Бог Мелочей»(143).

Но Велютта обречен на страдания и разлуку. Счастье ему не дано. Его ждут муки и гибель.

Однако центральный образ имеет и более широкий смысл. Люди вязнут в мелочах, раздувают их значение. Никто не говорит самого главного. «И вновь произносились только Мелочи. Крупное таилось внутри молчком»(165). Людьми правит Бог Мелочей, бог недоверчивости и умалчивания, бог неясностей и скрытых тайн. Отсюда сложность, парадоксальность, непредсказуемость человеческих отношений.

«Бог мелочей» густо населен персонажами. Многие из них имеют прямое отношение к семье Рахели. В этом отношении роман можно назвать «семейной хроникой».

Роман сделал Арундати Рой знаменитой. Эта книга стала визитной карточкой яркой представительницы современной литературы Востока, автора многочисленных сценариев для телевизионных фильмов, статей и очерков на политические и экономические темы, сборника публицистических статей о проблемах современной культуры.

¹ Арундати Рой. Бог мелочей. – СПб.: Амфора, 2002, выдержки из текста приводятся по этому изданию.

философия искусства

ВСТРЕЧИ ВООБРАЖАЕМЫЕ И НЕВООБРАЗИМЫЕ

*Это были два небольших, с неровными краями,
коричневатых, плохого качества куска картона.*

*В плавных, летящих линиях рисунка,
перетекающих одна в другую, чувствовалась
уверенная рука мастера.*

Зимой 1943 года Ташкент был переполнен эвакуированными и ранеными, откомандированными военными специалистами и просто беженцами. На необычно оживленных улицах города можно было встретить Алексея Николаевича Толстого, Анну Андреевну Ахматову и других известных всей стране людей, занесенных сюда грозным ветром войны. Общая беда, общие проблемы, общее стремление к победе...

Отблеск пламени из дверцы «буржуйки» осветил лицо Ахмарова. Шел второй год войны. Прошел год, как он выехал из Москвы. Год, как остался позади художественный институт имени Сурикова, аспирантура. И уже казались сном занятия с такими выдающимися мастерами, как И. Грабарь, В. Фаворский, Л. Бруни. Он опять в Узбекистане.

Семья Ахмаровых переехала в Узбекистан в конце 20-х годов прошлого столетия. Чингиз увидел Восток, о котором в детстве так много рассказывал ему отец. Здесь все ему казалось сказочным: древние медресе и минареты, узенькие улочки с глухими дувалами, одежда и обычаи людей, пестрые и шумные базары... Все хотелось увидеть, узнать, понять...

Учась в Пермском художественном техникуме, Чингиз все каникулы проводил в Самарканде. Здесь под влиянием самаркандских художников, он начал заниматься монументальной живописью.

И сейчас силуэты тутовых деревьев у дороги напомнили ему Самарканд, и будто слышались знакомые голоса любимых учителей, которые ему, мальчишке, щедро открывали тайны своего мастерства. Самарканд...

Но он нужен здесь, в Ташкенте. Еще идет война: строгость и сдержанность военного времени чувствуется во

Елена ПАГИЕВА

Родилась в Красноярске. Окончила художественно-графический факультет ТГПУ им. Низами, работала преподавателем, дизайнером, художником.

Публиковалась в республиканских журналах, литературных альманахах и газетах.

всем и здесь, в глубоком тылу, но люди уже думают о мире, уже возобновляется приостановленное войной строительство театра оперы и балета имени Алишера Навои.

И ему, Чингизу Ахмарову, еще молодому художнику, поручено оформление интерьеров театра. И сейчас, протягивая замерзшие руки к огню, гудящему в печке, всматриваясь в летящие языки пламени, он видит... видит... видит...

*«...Смотреть в огонь, – опасная игра –
Как перекличка слова и пера...»
пера... пера... пера...*

Он берет неровный рыхлый коричневатый кусок картона, когда-то и для чего-то служивший упаковкой, а теперь превратившийся в ценный материал (война, бумаги для школьных тетрадей не хватает, не то что специального картона), и блеклой тушью начинает быстрыми, длинными линиями рисовать тоненькую фигурку девушки, почти невесомое, плавное движение ее руки, переходящее в доверчивую головку барашка...

Девушка с барашком

Но тут художник откладывает картон, берет другой, и возникает юное, темноглазое, почти мальчишеское лицо; сидящая по-восточному гибкая фигура, легкая рука, придерживающая птичью клетку с перепелкой – любимой на Востоке птицей.

Другая клетка, над головой, уже распахнута, и веселая птичка сидит у юноши на плече. Да и у другой птичьей клетки прутья такие тонкие, почти прозрачные, и она уже распахнута, дверца этой ажурной клетки. Еще мгновение – и птица окажется в саду, на свежей траве, в саду, который уже расцветает под рукой мастера на стенах театрального фойе, окружая героев произведений Алишера Навои...

Юноша с перепелками

Кто они, эти девушка и юноша? Будущие Фархад и Ширин?.. Лейли и Меджнун?.. Или просто аллегория, фантазия художника?..

Огонь в печке начал угасать, художник вернулся к суровой действительности. Лишь на губах его еще долго оставалась улыбка, точно такая же, как у юноши на коричневатом куске картона...

В 1947 году театр имени Алишера Навои распахнул свои двери для первых зрителей. Фойе театра украшали росписи художника Чингиза Ахмарова: герои произведений Алишера Навои Лейли и Меджнун, Фархад и Ширин, воинственный Искандер жили, любили, боролись за свое счастье; нежные девушки, представительницы живописи, поэзии, музыки и танца были окружены невиданными садами, а над ними, среди гибких ветвей деревьев и шелестящих листьев, летали небывалые птицы.

литературоведение. литературная критика

ЛИРИЧЕСКИЙ ГЕРОЙ ВИКТОРИИ ОСАДЧЕНКО

Современные дискуссии о лирическом герое подвергают сомнению сам факт его существования. В одной из совсем свежих работ о современной ситуации в российской поэзии автор отмечает: «Мне кажется, что причина кризиса не смерть «поэта», а смерть лирического героя».¹

Ю. Н. Тынянов, первым введший этот термин в литературоведческий обиход, утверждал с его помощью единство и цельность поэтического мира Блока. Он писал, что читатели, говоря «о его (Блока) поэзии, почти всегда за его поэзией невольно представляют человеческое лицо – и все полюбили лицо, а не искусство».² То есть под термином «лирический герой» здесь понимается образ автора, спроецированный на соответствующий прототип – автора как историческую и частную личность.

Л. Я. Гинзбург указывает на двуплановость лирического героя.³

Репрезентация героя в тексте с помощью определенного набора приемов и наличие некоего образа в сознании читателей – необходимые атрибуты существования лирического героя.

Тип лирического героя современной поэзии, тяготеющей к реалистическому и романтическому видению мира, развивает обозначенные суждения. Особый интерес представляет та поэзия, в которой по-новому выстраиваются отношения с категорией ЛИРИЧЕСКИЙ ГЕРОЙ.

Истинно художественное произведение, как правило, ставит острые вопросы взаимоотношений человека и общества, поиска человеком собственного места в этой жизни, проблемы жизни и смерти. В поэзии известного узбекистанского поэта Виктории Осадченко мы наблюдаем острую реакцию на происходящее в современном мире, в XXI веке.

Так, в стихотворении «Это ли нам не новая мировая?» поэт сетует на разрушенность Земли и предчувствует неизбежность ядерной мировой войны:

*Это ли нам не новая мировая?
Во всех новостях мигалками завывает,
в каждую голову целится изнутри.
Странно, что эта планета еще живая,
но неотступно мерещатся ядерные пустыри.⁴*

**Азиза
БАЛТАБАЕВА**

Родилась в 1989 г. Окончила факультет зарубежной филологии НУУз.

Преподаватель кафедры мировой литературы в НУУз. Автор нескольких научных публикаций.

¹ Кузнецова И. Поэт и лирический герой: дуэль на карандашах // «Октябрь», 2004, № 3.

² Тынянов Ю. Н. Блок [1921] // Тынянов Ю. Н. Литературный факт: М., 1993. С. 224–229.

³ Гинзбург Л. Я. О лирике: М., 1997. С. 155.

⁴ Осадченко В. Мир лежит, как шар на спине слона // «Звезда Востока». № 2, 2015. С. 40. Далее выдержки из текста приводятся по этому изданию.

Война не шадит никого, никто не укроется от ее разрушающей силы. Лирический герой выступает в данном стихотворении как проповедник, историк, бесстрастно фиксирующий ошибки прошлого:

*Несколько тысяч лет аплодировали героям.
Новый мир, грозились, построим, ходили строем.
Все давили то тех, то этих, чтоб не портили общий вид.
От еврея до гугенота, снова-заново, как по нотам –
хорошо горит!*

и неизбежность краха цивилизации:

*А прогресс означает, что можно рвануть все разом,
и экспресс довезет, не успеешь моргнуть и глазом,
к белокурым валькириям, к нежным гуриям под крыло.*

Однако в последних строках стихотворения лирический герой обретает надежду на жизнь, на еще один шанс, подаренный судьбой:

*Сердце тикает, что бы там не надумал разум.
Повезло.*

Он будто бы посылает миру рецепт спасения – прислушаться к сердцу, к своей душе, а не к разуму, иначе мы, человечество, уподобимся машинам, заполонившим нашу жизнь.

В другом стихотворении 2015 года «Хоть я помню, что смерть ничему не кладет предел» Виктория Осадченко пытается охарактеризовать свое лирическое Я: это и размышляющий индивид, откликающийся на все события в мире, и мотылек, сгорающий на костерке.

Стихотворение «Я, закруглив свои тридцать три, смирно, смотрю кино» дает нам возможность проследить составные элементы лирического героя поэзии Виктории Осадченко, который «закругляет свои тридцать три». Символичен точно указанный возраст лирического героя – 33 года. Это треть жизни человека, время, когда мы сознательно подводим итоги прожитой жизни без юношеского максимализма:

*Кое-какие мосты уже сожжены, кое-что спасено.
Пусть даже ключик всегда внутри, честь ему и хвала,
ты не дотянешься до двери, не завершив дела
дотла.*

33 года – это еще и возраст Иисуса Христа, Спасителя человечества. Лирический герой осознает в себе потенциал спасителя мира, что и обуславливает данное определение себя как «предпоследний герой».

Осознание бренности своего существования, ожидание неизбежности конца не останавливает лирического героя, а, напротив, дает право предупредить, а где-то даже научить человечество не потерять себя:

*Так что дыши и не мельтеши, предпоследний герой.
<...>
Медный пятак за щекой держи, а вообще – не спеши.
Раз уж колпак на тебя пошит, надевай и пляши.
Просто так.
Для души.*

Отсюда в стихотворении обилие форм повелительного наклонения глагола. Использование поговорок свидетельствует о многовековой мудрости народа, которую избрал в себя лирический герой. Не случайно выбран и сквозной образ шута, пилигрима, который символизирует душу народа. Примирение со своим предназначением – без утраты при этом своей души, радость – без сетований на сложившиеся обстоятельства – вот основные черты поэзии Виктории Осадченко.

Однако далеко не все стихи В. Осадченко звучат оптимистично. В стихотворениях 2015 года «Надо мною летит пылинка» и «А если я вообще не человек» чувствуется сомнение в своем предназначении спасителя, скорее всего, это актер, сносно играющий свою роль:

*Надо мной летит пылинка,
подо мной растет былинка
Я тусуюсь в серединке...
или:
а если я вообще не человек,
а чье-то обещанье вернуться...*

Сомнения, терзающие лирического героя, наблюдаются и в более раннем стихотворении (2013 г.) «Воздух преломляет слова, искажая смысл»:

*Сердце, так и не знающее, что ему нужно
<...>
Что бы такое выпить, чтобы сделаться больше...*

Поиск себя, осознание своего предназначения объясняют редко проскальзывающие в поэзии Виктории Осадченко нотки пессимизма, разочарования, постепенно переходящего в состояние «между»:

*Плюнешь на эти карты, поселишься где-то между.
Это не тянет на смысл, но может считаться методом.*

Порыв лирического героя отказаться от своего предназначения спасти «глаголом» сердца людей, плюнув на карты судьбы, звучат и в стихотворении 2013 года:

*Пусть так – пусти на волю и не трогай,
но восточку оставь...
<...>
исполнить, вспомнить; может быть ответить.
А что затем?¹*

Осознание бессмысленности существования кратковременно, и в итоге лирический герой обретает себя вновь через победу истины:

*Но правда поднимается навстречу,
Смывает все. И дочиста течет.²*

Для преодоления читательского недоверия, постмодернистской тотальной ироничности восприятия автор использует утрированную искренность, иногда даже шокирующую исповедальность. Это нередко декларируется в интервью, а мотив искренности, исповеди становится важным элементом поэтической системы автора.

Лирический герой в поэзии Виктории Осадченко обретает свою изначальную двуплавноность. Правда, теперь «лицо», стоящее за искусством, обретает зримые формы, а не отдается на откуп читательскому воображению. Таким «лицом» становится имидж автора, реализуемый им в конкретных литературных стратегиях. Лирический герой пытается, наконец, вырваться за рамки текста. В поэзии Виктории Осадченко подчеркивается повышенная рефлексивность, «обрамляющая» единство текста и поведения, и эта рамка намеренно декларируется автором.

¹ Осадченко В. А земля, как подумать, везде святая // «Звезда Востока». № 4, 2013. С. 114.

² Там же.

караван истории

**Фархад
ХАМРАЕВ**

(1963 – 2015)

Родился в Алма-Ате. Окончил ТашГУ (ныне НУУз). Работал научным сотрудником Узбекского НИИ пед. наук, преподавал в НУУз был зав. кафедрой Университета мировой экономики и дипломатии, зав. сектором Министерства иностранных дел РУз. Член Союза писателей Узбекистана.

ПАМЯТНАЯ ВСТРЕЧА

Эссе

...Этот период в моей жизни был, наверное, самым трудным и непонятным. После смерти отца, профессора Муратбека Каримовича Хамраева, я, двадцатилетний студент Ташкентского университета, стал много усилий прилагать, чтобы публиковать в Ташкенте, Москве, Алматы и в других городах различные материалы отца, был убежден в том, что каждый сын обязан поступать именно так.

Тот период был для меня большой школой жизни. Я выросел и понимал, что отношения между людьми определяются иногда очень неожиданными вещами...

В 1996 г. в одном из ташкентских издательств готовилась посмертная книга отца, которую он не успел полностью подготовить к публикации. Мне потребовалось почти три года для того, чтобы издательство приняло книгу к изданию.

Именно в стенах издательства в это время произошла моя первая и, я считаю, судьбоносная встреча с замечательным человеком и большим писателем Эркином Агзамовым.

...Наверное, в жизни каждого человека происходят встречи с людьми, роль которых в последующие годы приобретает особое значение. Понимание этого приходит со временем. В момент знакомства между людьми «завязывается» прочная нить, которая не отпускает, притягивает.

...Эркин Агзамов работал заведующим отделом в издательстве, которое готовило книгу отца. Он позвонил к нам домой, чтобы выяснить какие-то детали. Всего разговора я не помню, но мы договорились, что в ближайшее время встретимся в издательстве и поговорим.

По поводу книги мы разговаривали около получаса. Меня удивил позитивный настрой, соучастие в процессе подготовки книги, не формальное, а искреннее желание сделать книгу лучше и содержательнее. Эркин-ака предложил назвать книгу «Пламя жизни», что, по его мнению, должно подчеркивать ее особую значимость.

Когда все деловые вопросы были решены, мы стали разговаривать обо всем: об узбекской литературе, общих друзьях и знакомых, новинках русской литературы, о литературе вообще. Разговор длился около часа.

С этого момента мы стали часто видеться, но регулярными

наши встречи назвать было нельзя. Были и встречи запоминающиеся, знаковые. Причиной тому является неординарность мышления Э. Агзамова, его умение поступать нестандартно и, главное, принимать правильные, неожиданные решения.

...Как писатель Эркин Агзамов был сформирован автоцензурой, без которой вообще невозможно было писать в то время. Вторжение в авторский текст, в необыкновенный мир смыслов и ассоциаций недопустимо. По второй половине XX века автоцензура делала практически всю работу официального цензора, причем авторы не резали свои тексты, они просто не писали того, что будет вырезано.

Первые художественные произведения Эркин Агзам пишет будучи совсем юным и публикует их на страницах областной газеты. Они сразу же привлекли внимание читателей своей искренностью и некоторой непредсказуемостью развития сюжета. Лирический герой этих первых рассказов живет своим внутренним миром, он бесшабашен и ничем особенным не обременен. Легкость, с которой автор рисует своих героев, позволяет четко представить восторженного молодого человека, пребывающего в иллюзорном мире, только-только пытающегося сформировать свое отношение к жизни. При всем этом мы чувствуем особый лиризм, подкупающую наивность автора и его огромное желание высказаться и быть понятым.

Эркин Агзам прекрасно понимал, что ему необходимо учиться, и не только писательскому мастерству. Больше учиться у самой жизни, которая значительно сложнее, чем казалось ему вначале самостоятельного творческого пути. Поэтому в студенческие годы, как и в последующие несколько лет по окончании учебы, он много работает, но мало публикуется. Он не торопится выпустить свою первую книгу, готовя большое многоплановое произведение. Он хочет произвести своеобразный фурор: ворваться во взрослый литературный мир со своим неповторимым, как ему кажется, и веским словом. В этом мы видим проявление не только юношеского максимализма и стремления самоутвердиться, но и рационалистическое отношение к жизни. Вполне естественно, что мечтаниям юного автора не суждено было осуществиться в полной мере, хотя тщательно подготовленный первый сборник рассказов «Вечер негаснувших огней» («Чироқлар ўчмаган кеча»), вышедший в 1977 году, был замечен читателями.

...Общаться с Эркином Агзамовым легко, комфортно, но непросто. Он весьма эрудирован, часто задает неожиданные, иногда парадоксальные вопросы, на которые нельзя дать исчерпывающий ответ. При этом он всегда в силу своей интеллигентности уважает мнение собеседника, никогда не старается «задавить» своим авторитетом или своим пониманием вопроса. Он тактичен и лишь по уточняющим вопросам начинаешь понимать, что он с тобой не всегда и не во всем согласен. В такие моменты убеждаешься, что он глубже видит проблематику, больше знает, но не всегда все говорит. Как правило, его выдают глаза, по-особенному светящиеся.

...Какое-то время Эркин Агзамов работал в журнале «Гулистан», который возглавлял в тот период известный узбекский писатель Аскад Мухтар. Это было время серьезной учебы, второй жизненный университет Эркина Агзамова. Во многом именно Аскад Мухтар стал для молодого прозаика наставником, учителем, образцом для подражания. Не случайно уже много лет в кабинете у главного редактора журнала «Тафаккур» на видном месте – портрет учителя. Эркин-ака помнит добро и умеет быть благодарным.

Работая в редакции, молодой писатель не без участия Аскада Мухтара стал значительно лучше разбираться в литературном процессе, сформировал свое

творческое кредо, понял, что и о чем следует писать, а о чем лучше не писать. Возможно это обусловило острую конфликтность, драматизм, столкновение различных нравственных позиций в произведениях Эркина Агзама. Неравнодушный герой, пытающийся найти правильные ответы на важные жизненные вопросы, стремится донести правду людям. Вместе с тем это не объективная и не вся правда – это собственное мнение ищущего лирического героя и, видимо, самого автора.

Мужество, откровенность, наивность и совестьливость – вот тот нравственный фундамент, на котором держится художественный мир Эркина Агзамова.

О чем бы ни писал Э. Агзамов, какую бы жизненную ситуацию не выбрал, художественный анализ действительности всегда протекает у него в свете нравственных требований совести.

Совесть для Э. Агзамова – ключевое понятие его нравственной концепции. Именно совесть позволяет человеку познать правду не только о нем самом, но и об окружающих его людях, вещах, событиях...

У Эркин-аки как у главного редактора журнала «Тафаккур» есть одно очень важное и «правильное» качество: объективно оценивать людей и их дела, «отделять» друга от автора. Так было не раз и со мной. Когда ему предстояло сказать какому-то автору твердое «нет», он всегда вежлив, тактичен, но принципиален и тверд. Подкупало его искреннее соучастие. Любой труд должен быть уважаем, даже если он не соответствует каким-либо критериям. Это, видимо, одно из правил Эркина Агзамова, человека творческого и трудолюбивого.

...Одна из последних опубликованных книг Эркина Агзамова «Жаннат ўзи қайдадир?» выдвинута на соискание Государственной премии по литературе. Это интересная и очень актуальная сегодня книга, своеобразный итог многолетних творческих исканий и потрясающих, порой парадоксальных находок писателя.

...Сборник «Жаннат ўзи қайдадир?» состоит из трех частей, что, по сути, отражает разноплановость и разнохарактерность современного творчества Эркина Агзамова. Но при внешнем разнообразии объединяет произведение писателя мощный нравственный фундамент и требовательность ко всем и самому себе.

Первую часть составили два объемных рассказа – своеобразная исповедь автора, раскрывающая внутренний мир писателя. Органический сплав скупых, но выразительных средств с традиционной восточной красочностью языка, с романтической приподнятостью стиля увлекает и захватывает. Острая конфликтность, драматизм, столкновение разных нравственных позиций стали неотъемлемой особенностью агзамовского стиля. Лирический герой – это, естественно, не сам автор, но его мысли и образ жизни весьма схожи с авторскими. Несмотря на то что сам автор определил свои произведения как рассказы, это скорее небольшие повести, ибо сюжетные линии и глубина заложенного смысла значительно расширяют рамки жанра рассказа.

Основную часть книги составили киноповести и пьеса. Кино и театр в последние годы стали для Э. Агзамова всепоглощающей страстью.

Сегодня мы оказались в пространстве, условно названном постмодернизмом. Основная его особенность – разрушение жанра, попытка соединить разнородные и несоединимые элементы. По мнению одних, это сложно. По мнению других, это интересно. Третьи вообще протестуют.

Произведения Э. Агзамова не разрушают. Они заставляют мыслить и переосмысливать. Драматизм произведений обуславливается тем, что один из

персонажей или сам автор начинает «излагать» правду, и тут же ломаются привычные взаимоотношения героев, возникают нестандартные ситуации. Именно они и привлекают писателя. Проявление характера героя в непростой обстановке.

Помнится, как в Национальном театре на премьере спектакля по пьесе, давшей название сборнику, зрительный зал просто замирал от неожиданности и неординарности авторских решений проблемы. Зрелище было потрясающее и на сцене, и в зале. Не это ли показатель мастерства, зрелости, таланта?

Публицистические миниатюры составляют третью часть книги. Возьму на себя смелость и скажу, что именно я натолкнул Эркин-аку на создание в свое время рубрики «Колонка редактора» в журнале «Тафаккур». Это раздумья писателя о судьбах людей, проблемах сегодняшней жизни, жанр практически новый для узбекской литературы. Это емкий и обстоятельный, задушевный разговор с читателем-единомышленником, своим современником о проблемах и удачах, о любви и счастье, обо всем, что составляет суть нашей повседневной жизни. Собранные воедино, они вошли в сборник и составили важный пласт размышлений о сегодняшнем дне.

...Эркин-ака умеет дружить. Даже тогда, когда друзья в силу тех или иных причин не могут или не хотят с ним общаться, он, тем не менее, считает их просто «жертвами обстоятельств», и если им нужна помощь, а он в состоянии оказать ее, то без раздумий и сомнений помогает. Важна даже не какая-то конкретная помощь: куда важнее соучастие и готовность оказать ее. Тогда человек чувствует, что он не один, что рядом есть плечо друга, готовое в любой момент поддержать. Такое чуткое отношение к людям вообще, и к друзьям в частности, свидетельствует о том, что Эркин-ака человек широкой души, добрый, внимательный и надежный.

...В последние годы встречи с Эркином Агзамовым стали неотъемлемой частью моей жизни, несмотря на загруженность на работе. Если в течение недели я не вижу его или не разговариваю с ним по телефону, то возникает какое-то ощущение пустоты. Даже ничего не значащие фразы способны поднять настроение. Такие идут от него импульсы.

...Наш общий друг кинорежиссер Юсуф Розыков, побывав как-то в Байсуне, на родине Эркина Агзамова, заявил, что все свои фильмы он будет снимать именно там: «Там особая аура, там живут удивительные люди. А какая там природа!» Видимо, оттуда особое жизнелюбие и нравственная стойкость Эркина Агзамова. Как-то давно я привел ему высказывание русского философа В.Соловьева «Лучше отказаться от патриотизма, чем от совести. Но такой альтернативы нет». Оно ему понравилось. Думаю, что эта фраза могла бы стать жизненным девизом замечательного писателя и друга Эркина Агзамова, тем более что вся его жизнь и поступки – подтверждение этих слов.

литературоведение. литературная критика

**Гузаль
ЭГАМБЕРДИЕВА**

Родилась в 1976 г. в Хорезмской области. Окончила филологическое отделение факультета мировых языков Ургенчского госуниверситета. Доцент кафедры мировых языков факультета зарубежной филологии НУУз. Автор 40 научных статей.

РУССКИЙ ПЕРЕВОД ДАСТАНА «РУСТАМХАН»

Очевидно, что в сравнении с переводом произведений письменной литературы перевод устных литературных материалов представляет определенную сложность. Это обстоятельство объясняется тем, что подавляющее большинство образцов письменной литературы создано на литературном языке, и значения всех составляющих их слов можно обнаружить в словарях, а поскольку произведения устной литературы построены непосредственно на живом разговорном языке, а точнее, на диалектах той местности, где они исполнялись, в них встречается множество устаревших, вышедших из употребления древних слов, диалектизмов, а также слов, связанных с локальными особенностями определенной местности, условиями жизни и родом занятий проживавшего здесь населения. Их почти невозможно найти в словарях.

По определению известного алтайского фольклориста С. С. Суразанова, значения отдельных слов из эпоса не могут прокомментировать даже сами бахши-сказители. «Когда же сами сказители их не понимают, то переводчику предстоит большая исследовательская работа»¹.

Русский перевод дастана «Рустамхан» был осуществлен русскими фольклористами Н. В. Кидайш-Покровской и А. С. Мирбадалевой. В книге дается также довольно обширное предисловие Н. В. Кидайш-Покровской.

Перевод дастана осуществлен по варианту, записанному в 1937 году Ходи Зарифом у талантливого бахши Фазила Юлдашева.

Следует отметить, что переводчики проделали большую и кропотливую работу. Заметно, что в центре их внимания главным образом была ответственность за сохранение основного эпического сюжета, идеи, художественности дастана при передаче его на русский язык.

Однако следует отметить, что в переводе имеют место определенные недочеты. Многие фразы, приведенные в дастане, при переводе не смогли найти своего полного раскрытия.

Фраза из начала дастана «Султонхоннинг уч заифаси бор эди, туғмайдиган айби бор эди» переложена на русский язык в следующем виде: «У султанхана было три жены, и у всех трех не было детей»².

Особенностью узбекских дастанов является то, что они всегда начинаются с рифмованной прозы. Использованные здесь

¹ Суразаков С. С. Об опыте работы над научным переводом алтайского героического эпоса // Фольклор. Издание эпоса. – М., 1977.

² Здесь и далее цитируется текст из дастана «Рустамхан» (переводчики Н. Кидайш-Покровская и А. Мирбадалева). – М., 1972.

выражения «заифаси бор эди», «айби бор эди» употреблены именно для создания рифмованной прозы. Однако переводчики не смогли обозначить эту художественную особенность в русском переводе.

Такие строки из дастана как «Подшоман деб, мен ҳам лофни урмайман...», «Энди умрим ғарибликда ўтказиб...» переложены следующим образом: *«Я падишах и слов пу-
стых не говорю... // Жизнь свою я теперь в одиночестве проведу...»*

Видно, что в данных полустушиях встречаются такие обороты, как «лофни урмайман», «ғарибликда», в которых нашли свое отражение важнейшие понятия. Падишах, повествуя о своем горе, использует эти выражения для того, чтобы подчеркнуть искренность своих слов. Однако в русском переводе данный оборот выглядит: «слов пу-
стых», что весьма снижает ценность заложенной в нем основной мысли.

Слово «ғарибликда» из второго полустушия в русском переводе – «одиночество». Это не вполне адекватно, поскольку значению слова «ғариблик» больше соответствует значение слова «странник», а не «одиночка». В связи с тем, что падишах говорит о своих намерениях оставить свои родные края и отправиться в чужую страну, здесь акцентируется внимание именно на слове «ғариблик» (странник), что не нашло полного отражения в русском переводе. При переводе отдельных выражений переводчики использовали слова, исходя во многом из собственных представлений. В качестве наглядного примера можно привести перевод: «Олдимдан суюнчи деб чиққан кишига аямасдан танга-тилла берарман, кулоғидан дунёга кўмарман, балки кўргонбеги қиларман, – деди» – *«Тому, кто выйдет ко мне (навстречу) с радостной вестью, я дам не жалея серебряных монет и золота, по уши завалю его богатством, а может быть, сделаю его беком укрепленного города».*

Выражение «танга-тилла» переведено «серебряных монет и золота». Однако в данном случае «танга-тилла» именно золотые монеты. А возникшие при переводе «серебряные монеты» являются «открытием» самих переводчиков.

Перевод слова «кўргонбеги» как «беком укрепленного города» также нуждается в уточнении, поскольку слово «кўргон» не имеет значения «город», поэтому было бы целесообразнее перевести данное слово как «крепость».

Говоря об особенностях перевода дастана, следует обратить внимание еще на одно обстоятельство. Некоторые полустушия, например, строка «Ўлимнинг шарбати якин», в узбекском языке звучат не совсем верно, так как у смерти не может быть шербета. Но у смерти может быть тень, призрак, которые в узбекском языке определяются словом «шарпа». Слова «шарбати» и «шарпаси» с фонетической точки зрения созвучны. И, по всей вероятности, данное выражение представляет собой техническую ошибку, допущенную бахши или человеком, записавшим текст.

Отрадно, что переводчики данную строку перевели как *«близок час смерти моей»*, что вполне соответствует оригиналу. Но в то же время они привели и дословный перевод: *«Близок сладкий напиток моей смерти».* Очевидно, что данный перевод на русский язык отмечен определенным смысловым недочетом.

Дастан изобилует множеством слов, относящихся к древнетюркскому языку и сохранившихся лишь в диалектах, которые, подвергшись определенным фонетическим изменениям, стали непонятными даже для бахши.

Значения слов «киравка» и «чўмманглаб», встречающихся в таких оборотах, как «киравка тўн», «бошидан оёғини чўмманглаб», не установлены, хотя было изучено множество источников. Переводчики оставили их без перевода.

В структуре дастанов, представляющих собой один из сложнейших жанров устного народного творчества, широко используются малые жанры, в частности, пословицы, поговорки, идиомы. Это характерно и для дастана «Рустамхан», где использовано свыше двадцати пословиц и поговорок.

При переводе этих пословиц и поговорок допущено множество просчетов, объясняемых неопытностью переводчиков. Лишь одна пословица «Эгилган бўйинни кесмайди ханжар» адекватно и верно переведена на русский язык: *«Повинную голову меч не сечёт».*

Бахши при исполнении, исходя из требований поэзии, могут употреблять пословицы в форме, которая отличается от той, что получила распространение в народной среде.

Однако, при переводе пословиц желательно брать в качестве основы вариант, распространенный в народной среде. Например, у узбеков есть пословица «Ўзи йўқнинг кўзи йўқ», переведенная: «У кого нет глаз, у того нет и лица». В результате теряется смысл пословицы. Известно, что данная пословица имеет соответствующий эквивалент в русской народной среде: «С глаз долой – из сердца вон».

Или узбекская народная пословица «Карнайчидан бир пуф», которую бахши в дастане используют в форме «Тегирмончидан бир бўп». А переводчики нескладно переводят ее: «От трубача исходит один звук». В то время как в русском фольклоре существует пословица «Попытка не пытка, а спрос не беда», которая вполне эквивалентна узбекской.

Ещё одна пословица из дастана «Тириқ бўлсак бир тепада, ўлик бўлсак бир чуқурда» переводится: «Живы будем – так на одном холме, а умрем – в одной яме». Очевидно, что она переведена дословно, что наносит определенный ущерб ее художественности. А если бы к данной узбекской пословице в качестве эквивалента было использовано выражение «Жить вместе и умереть вместе», то это, несомненно, соответствовало бы её реальному значению.

Пословица «Бетга айтган гапнинг захри йўқ» передается не совсем верно: «В словах, сказанных в лицо, яда нет». Использование распространенных среди русского народа поговорок «Не в обиду будет сказано» или «Не во гнев будет сказано», по нашему мнению, было бы более верным в смысловом отношении.

При переводе на русский язык пословиц и афоризмов, встречающихся в дастане, переводчиками по неопытности допущено множество оплошностей. Пословица из дастана «Дунёда бир қўрққан ёмон, бир қувонган ёмон» на русском языке звучит: «На свете тот плох, кто быстро пугается, плох и тот, кто быстро радуется», что полностью противоречит значению узбекского варианта, поскольку в узбекской пословице основной акцент делается на человеческую духовность, т. е. имеется в виду, что человек не владеет собой в двух случаях: когда слышит приятное известие или плохую весть. Переводчики обобщенность значения пословицы переносят на одного человека – частное лицо, т. е. вытекает следующий, совершенно иной смысл: быстро радующийся и быстро пугающийся человек относятся к числу плохих людей.

В дастанах, как было отмечено, некоторые пословицы могут приводиться в измененном виде, однако их значение при этом практически неизменно. Например, в дастане «Рустамхан» приводится пословица «Давлатли кул гулни-гулга эшади». На самом деле это выражение интерпретирует пословицу: «Иш устасидан қўрқади», т. е. выражение «давлатли кул» даётся в значении «умный, мастеровой и деловой человек». Человек, обладающий данными достоинствами, определяется оборотом «гулни-гулга эшади», т. е. способен справиться с любым делом. На русский язык эта пословица переведена следующим образом: «Богатый человек цветок с цветком сплетает». Дословный перевод данного выражения на русский язык не способен полностью раскрыть значения узбекского варианта, здесь было бы более уместно использование русской пословицы «Дело мастера боится».

Следовательно, при переводе народных дастанов необходимо не только хорошо знать язык оригинала, но желательно иметь представление о диалектах, разговорном языке, обычаях и нравах.

При переводе пословиц, поговорок и идиом целесообразно использовать эквиваленты из фонда языка, на который они переводятся, поскольку дословный перевод существенно снижает их художественность, а иногда извращает смысл. Он целесообразен лишь в том случае, когда невозможно подобрать эквивалент, но при этом, безусловно, необходимо смысловое акцентирование и соответствующие комментарии. В противном случае паремические обороты, играющие далеко не последнюю роль в содержании дастана, со смысловой точки зрения приобретают определенную нескладность, неточность, становятся лишними элементами.

Таким образом, перевод народных дастанов требует от переводчика большой ответственности, подготовленности. Переводчик должен подходить к своей работе над дастаном как с научной, так и с художественной точки зрения, особое внимание уделяя сохранению его национального своеобразия, поэтики, эстетического духа.

литературоведение. литературная критика

НЕКОТОРЫЕ РЕАЛИИ ИЗ «БАБУР-НАМЕ»

«Бабур-наме» высоко ценится во всём мире как выдающийся памятник мемуарного жанра художественной литературы восточного Ренессанса.

Благодаря умению автора объективно представлять исторические события, незатейливо рассказывать о достопримечательностях сёл, городов, стран, нравах и культурно-бытовых традициях этносов, о климате и природных богатствах той или иной земли научный материал обретает свойство увлекательного художественного текста, содержащего значительный эстетический заряд воздействия на читателя. Большую ценность с этой точки зрения представляет собой созданная Бабуrom галерея замечательных литературных портретов выдающихся людей. Особую живость сочинению придают вкрапления в повествование большого количества преданий, исторических анекдотов, пословиц, поговорок, описаний народных игр, забав.

В художественной ткани «Бабур-наме» значительна роль слов-реалий как неповторимых средств воссоздания исторического, а также местного колорита. Именно изобилие слов-реалий в языке усиливает самобытность рассматриваемого произведения.

Значимость этого вида изобразительно-выразительных средств для передачи национального своеобразия исходного языка и воссоздания исторического колорита особенно заметна при переводе текста на другой язык. В языке перевода эти слова расцветают всеми своими красками. Лексико-фразеологическая атрибутика историко-культурных реалий жизни украшает повествование Бабура, как украшают звёздные россыпи величественный небосвод.

Однако это стоит переводчику немалых усилий. Недаром известный переводчик И. Левый упоминает реалии «в числе *signes translatorem*, то есть крестных мук переводческих»¹.

В замечательном переводе «Бабур-наме» на русский язык Михаила Салье искусный мастер тонко чувствует неповторимые особенности подлинника, значение каждой художественной детали, поэтому роль слов-реалий в русском тексте так же важна, как и в оригинале. Без них лингво-художественная палитра перевода «Бабур-наме», думается, потускнела бы значительно.

С целью передачи слов-реалий в форме, близкой эстетическому уровню русскоязычного читателя, переводчик прибегает то к прямому переводу, то подводит читателя к их смыслу с помощью ненавязчивых пояснений, а где-то оставляет реалию как есть. Ведь не секрет, что излишние толкования и отдельные неудачные дословные переводы могут помешать полноценному восприятию содержания, понимание которого наступает не только в результате усвоения предметно-логического значения слова. Важно, на наш взгляд, по возможности показать читателю и красоту слова в исходном языке. В том и заключается мастерство М. Салье, ему не изменяет чутье

**Кодиржон
НОСИРОВ**

Доцент Наманганского госуниверситета, родился в 1947 г. в Наманганской области, окончил факультет русского языка и литературы НамГУ. Работал зав. кафедрой рус. и заруб. литературы, деканом факультета рус. яз. и лит., директором Центра повышения квалификации преподавателей, проректором университета. Автор 200 научно-популярных и научных публикаций, переводчик.

¹ С. Влахов, С. Флорин. Непереводимое в переводе. – М.: Международные отношения, 1980, с. 80.

художника, он точно определяет, какие способы передачи слов-реалий применять.

Обратимся к некоторым примерам:

1) «Одно из подчинённых Ходженду [местечек] – *Канди-и Бадам*... Миндаль в нём превосходит; по этой причине [*Канди-и Бадам*] и назван таким именем»¹;

2) «Сторона реки Сейхун, где стоит Акси, степная; там много белых *кийиков*. Андижанская сторона – [сплошь] густой кустарник, там попадаете много *бугу-маралов*... они очень жирные»²;

3) «В некоторых книгах пишут, что *ябрух ас-санам* растёт в этих горах, но теперь об этом ничего не слышно. Слышал я про одну траву, которая растёт на Йетти-кентских горах. Народ тамошний называет эту траву *айик-ути*, и она имеет свойства травы *михр-гиях*. Наверное, это и есть *михр-гиях*, а те люди называют её именем [*айик-ути*]»³.

В первом примере экзотический топоним Канди-и Бадам, хоть и не переведён дословно, пылливый читатель легко может не только понять его смысл, но и ощутить вкус плода. И это благодаря содержащемуся тут же приложению-пояснению: «*миндаль в нём превосходит*». Не лишне сказать, что в оригинале этот топоним пишется слитно – *Кандибодом*. Мне думается, что переводчик не случайно разбил его на две части, выделив тем самым характеризующее слово «*канди*», акцентируя двойное «*и-и*», принуждает читателя задержаться на этом слове.

Во втором и третьем фрагментах слова-реалии используются без перевода и даже без пояснений, ибо читатель по контексту сам может догадаться, что в них речь идёт о диких зверях и лекарственных травах.

А вот примеры перевода:

«Абу Са'ид мирза сначала отдал Омар Шейх мирзе Кабул и, назначив Баба-и Кабули его воспитателем, отпустил их туда. По случаю *обрезания* мирз он воротил Омар Шейх мирзу от Дара-и Газа и велел доставить его в Самарканд»⁴.

Выделенные курсивом слова являются смысловыми переводами-пояснениями реалий (соответственно) *бек атке* и *суннат*. Опытный М. Салье не стал прибегать ни к транскрипции, ни к эквивалентному переводу, ибо эти способы передачи реалий в данном случае беспомощны.

Однако иногда в русском переводе попадают отдельные неоправданные прямые переводы слов и выражений, искажающие смысл подлинника. Сошлёмся на один пример, приведём его в оригинале и в переводе:

«Вале сафолик богчалари тамом сой ёқасида воқе бўлгон учун, «**пўстини пешбарра**» дебтурлар»⁵.

«Так как её красивые сады все находятся на берегу реки, то их называли «**шубой из мерлушек**»⁶.

В данном случае, казалось бы, нельзя было оставлять без перевода фразеологизм-реалию «**пўстини пешбарра**», свойственную касансайскому наречию, в основе которого лежит персидский. Однако, как видим, перевод не только не прояснил значения выражения, но ещё более усложнил восприятие контекстуального содержания в целом: «Шуба из мерлушек» порождает не один вопрос.

Не совсем точен, прежде всего, перевод слова «пўстин» как «шуба». Можно, конечно, допустить такой перевод, имея в виду, что шуба бывает двух видов: крытая (с верхом из ткани) и нагольная (не крытая тканью). Вид верхней одежды «пўстин» (ко второй половине XX века сохранившийся, в основном, в горных районах) – это, можно сказать, не крытая сукном шуба. А такую шубу по-русски чаще всего называют тулупом. Среднеазиатский пўстин-тулуп имеет широкий меховой и продолговатый, доходящий до пояса воротник (чаще всего мерлушковый) – что и есть **пўстини пешбарра**. Добавим ещё: «пеш» – это «перед», передняя часть чего-нибудь, в данном случае, пўстин-тулупа, а «барра» – это мерлушка, шкурка трехдневного каракулевого ягнёнка-барашка; «барра» ещё означает нечто свежее, молодое, нежное, ещё не успевшее огрубеть.

Необходимо отметить, что взятое из народного языка выражение «Пўстини пешбарра» вмещает в себя целый комплекс значений. Это замечательная метафора, образ-символ триединого целого: сай (река), берега (оба берега) и густые, живописные сады по берегам реки.

Таким образом, «пўстини пешбарра» – это «тулуп с мерлушковым воротником», а не «шуба из мерлушек». Можно было бы, на наш взгляд, в тексте перевода это поэтически красивое описание живописной местности сохранить как в оригинале, а в скобках, или в сноске дать пояснение: «тулуп с мерлушковым воротником».

Конечно, изредка встречающиеся неоправданные переложения слов-реалий не умаляют достоинств, художественной ценности работы большого мастера перевода в целом.

¹ Бабур-наме. / Бабур. 2 книга. – Ташкент, 1982, с. 20.

² Там же, с. 21.

³ Там же.

⁴ Там же, с. 22.

⁵ Захириддин Мухаммад Бобур. Бобурнома. – Тошкент, «Шарк», 2002, с. 36.

⁶ Бабур-наме. / Бабур. 2 книга. – Ташкент, 1982, с. 21.

философия искусства

ПОЛЕТ ДЛИНОЮ В СОРОК ЛЕТ

Наша жизнь полна чудес, к которым мы привыкли настолько, что сегодня уже непросто удивить нас чем-то, время и человек способны творить все новые и новые чудеса.

Но нет, пожалуй, в мире большего чуда, чем сам человек! Пытливый изощрённый ум, крылатая фантазия, способность любить, созидать, различать добро и зло, быть великодушным, учиться и учить, по своей воле менять мир внутри себя и вокруг себя!

Стремление и настоящая потребность человека к осмыслению своего бытия и самовыражению были и остаются главными его свойствами и, пожалуй, достоинствами.

Одарённые люди создавали и сегодня продолжают создавать удивительные, прекрасные вещи, и по-другому жить они не могут.

Герой нашей статьи Жусан Жерден (в обычной жизни просто Сахи Ахмедович Джанахмедов) и является таким удивительно одарённым человеком, учителем, художником и поэтом.

Сахи Джанахмедов родился в 1949 году в г. Беруни (ранее этот город назывался Шаббаз) Республики Каракалпакстан.

Окончил Таганрогский педагогический институт, работал учителем в школе, директором Дома культуры, консультантом кабинета политпросвещения, инструктором, заместителем заведующего идеологическим отделом райкома г. Беруни, до выхода на пенсию на протяжении 20 лет работал директором Гимназии для одарённых детей с углубленным изучением английского языка.

Он удостоен множества почетных званий, победитель многочисленных конкурсов и смотров.

Сахи Ахмедович Джанахмедов создал более тысячи картин и рисунков, проиллюстрировал ряд книг, в числе которых поразительные по диапазону охвата и творческому полёту иллюстрации к книге «Беруни», изданной к юбилею великого учёного.

Его рисунки и картины опубликованы в ряде журналов, издаваемых на русском, английском, арабском, бенгальском, венгерском, вьетнамском, испанском, китайском, корейском и других языках. О его творчестве писали в различных СМИ мира.

Недавно ташкентская акционерная издательско-полиграфическая компания «Шарк» выпустила книгу-альбом Сахи Ахмедовича Джанахмедова «Торжество разума, любви, красоты, добра и справедливости».

**Аширбай
МАМБЕТКАРИМОВ**

Родился в 1949 г. в Каракалпакстане, окончил Нукусский государственный университет, факультет русского языка и литературы. Писатель, переводчик, работал корреспондентом, редактором, печатался в республиканских СМИ Каракалпакстана.

Книга отражает сорокалетний творческий поиск Поэта и Художника, это одно из лучших изданий за последние годы на узбекском, каракалпакском, русском и английском языках. Прекрасные творения художника и поэта, на наш взгляд, стали частью нашей духовной и культурной жизни.

Уже определившись как художник, С. Джанахмедов выбрал для себя говорящий псевдоним Жусан Жерден. Жусан – полынь, растение, крепко и глубоко прорастающее корнями в жер – Землю. Растение, способное выдержать и засуху, и половодье, и песчаные бури, наполняя ароматом степные просторы, включаясь в общую гармонию жизни, пробиваясь на свет благодаря своим дивным природным свойствам.

Это в какой-то мере объясняет творческий мир Жусана Жердена, Художника и Поэта.

Представляя современное «наивное» искусство, самоучка, не прошедший профессионального обучения, Жусан Жерден глубоко вник в историю искусства, в творчество мастеров самых различных школ и направлений, мастеров слова и кисти Востока и Запада, прошлого и настоящего.

Они оказали большое влияние на его личностное становление и творчество. Как ребёнок, подражая окружающим, учится ходить, говорить, так и Сахи Джанахмедов сначала учится рисовать, писать, подражая мастерам, но постепенно обретает самостоятельность, всё чётче определяя собственные приоритеты в живописи и поэзии.

Его художественная манера уникальна сочетаемостью, казалось бы, несочетаемых составляющих, ему удастся удивительным образом сохранять собственную творческую самобытность, создавая произведения, понятные и доступные каждому, и обогащать их чужими находками и достижениями.

Творения Жусана Жердена не только восхищают, но и побуждают зрителя к сопереживанию и самовыражению, рождают желание самому взяться за кисть или перо.

Интересна и удивительна своей чистотой и беззащитностью его юная красавица «Весна», напоминающая рисунки рано ушедшей от нас молодой хакасской художницы Нади Рушевой, и в то же время исполненная в совершенно неподражаемой жерденовской манере: точной, лаконичной, тонкой и чистой, такой поэтичной, жизненной.

Основатель Каракалпакского Государственного музея искусств И. В. Савицкий, ознакомившись с рисунками Сахи Джанахмедова в 1977 году, дал им высокую оценку, особо отметив самобытность художника.

Творческие искания Жусана Жердена привели к созданию своего уникального метода «фоносграфитто» – рисования лезвием по поверхности разноцветной бумаги. Значительная часть его работ создана именно таким способом.

Уместно отметить поразительную точность и глубину проникновения в гордый свободный дух и воинственную природу эпической поэмы каракалпакского народа, нашедшие отражение в иллюстрациях к дастану «Қырқ қыз» («Сорок девушек»), созданными методом «фоносграфитто». Замечательны, оригинально написаны образы бессмертных персонажей эпоса: Аллаяра, хана и отца, его дочери-красавицы, храброй и бесстрашной принцессы Гулайим, во главе сорока девушек с оружием в руках, вставшей на защиту Родины, её боевых подруг-сподвижниц Сарбиназ, Бекзады, Аксулу и Ботакос, сестер богатыря Арслана, храбрецов Отбаскана и Алыма, Сайымбета, отрицательных героев Журунтаза, Суюна, предводителя тёмных сил Надишаха и других.

Столь же оригинальны и запоминающиеся замечательные образы гениальных сынов нашей земли Беруни и Авиценны, Алишера Навои, Ажинияза и Бердаха, великих русских поэтов Пушкина, Некрасова, Есенина и других, созданные художником.

Жусан Жерден стремится воссоздать в своих полотнах гармонию нашего мира, донести до зрителя идею важности понимания людьми всеобщей взаимосвязи и взаимозависимости его составляющих, значения Любви, Согласия и всеобщего Мира как условия позитивного развития жизни на планете.

Его добрые, бескорыстные, работы, продолжающие традиции великих мастеров кисти, – воплощение великодушия и созидательной любви.

Мир художественного и поэтического творчества Жусана Жердена манит и завораживает, словно волны океана.

Его стихи, искренние, трепетные, изумительно чистые, тёплые и проникновенные, способны затронуть глубинные струны души читателя, заставить задуматься.

*Со всех полей
Собрав цветы,
Я их вложил
В свои стихи, – пишет он.*

Обращаясь к Всевышнему, поэт молит о благословении:

*Благослови меня, мой Бог, благослови,
Перо моё святой водою окропи
И божественной рукою, не спеша,
По пергаменту веди...»*

Его наивные, в чем-то романтические творения озарены светом Веры, Надежды, Любви, они потрясают душу, вызывают восторг, радость, учат сопереживать и понимать прекрасное, вводят в мир красоты, делая нас лучше, добрее, а мир – светлее и красочнее.

Не в этом ли суть предназначения любого искусства?

Глубокий, неподдельный интерес, восторг и удивление, удовлетворение и благодарность испытывают посетители художественных выставок Жусана Жердена, почитатели его поэзии.

Невольно хочется привести несколько записей из множества, оставленных в книге отзывов одной из выставок С. Джанахмедова.

«Дорогой Сахи Ахмедович! В ваших картинах мы видим, как прекрасен и неповторим окружающий нас мир. Мы восхищены тем, что увидели! В ёмкой форме передано так много, а сколько недосказанного чувствуется в них. В каждом рисунке Слово, Песня, Слёзы и Радость. Да хранит и благословляет вас Бог!»

Гулистан Матякубова (Народная поэтесса Каракалпакстана, лауреат Государственной премии им. Бердаха),

Раёно Рахманова (поэтесса),

Муяссар Раззакова (Заслуженная артистка Узбекистана),

Офелия Юсупова (ректор Ташкентской консерватории им. Ашрафи).

«...Мне очень понравились «Есенин», «Пушкин», они такие светлые, что сразу возникают ассоциации с берёзой, белым снегом и ещё с чем-то лёгким и проникновенным, чего невозможно выразить в словах».

В. Помогаев, поэт, г. Таганрог, РФ.

«...Рисунки настолько легко, просто и прекрасно исполнены, а сила их влияния настолько велика, что так и хочется навсегда остаться среди этой пёстрой красоты, которую нам так щедро дарит художник».

Махсет Муханов – журналист, корреспондент газеты «Пахтакор».

ХРОНИКА ЛИТЕРАТУРНОЙ ЖИЗНИ

В РАМКАХ ГРАНТА...

* * *

7 апреля 2016 года кафедра мировой литературы НУУз организовала круглый стол с доктором филологических наук, профессором, заведующим кафедрой журналистики Ярославского университета, ведущим российским ученым Ермолиным Е. А., в котором приняли участие научная общественность, редакция журнала «Звезда Востока», преподаватели и магистранты. В процессе беседы были обозначены основные аспекты развития современной русской литературы и факторы, влияющие на литературный процесс и обуславливающие его. Были обсуждены вопросы специфики развития современной русскоязычной литературы в Узбекистане, взаимосвязи с узбекской литературой, а также болевые проблемы художественного перевода с узбекского на русский язык.

* * *

8 апреля 2016 года в Представительстве Россотрудничества в Узбекистане редакция журнала «Звезда Востока» провела презентацию нового сборника переводов произведений Алишера Навои на русский язык «Алишер Навои. Сокровищница мыслей», изданного СП Узбекистана при поддержке фонда «Ижод» к 575-летию со дня рождения А. Навои. Предполагается это юбилейное издание перевести и опубликовать на 14 языках мира. Союз писателей Узбекистана передал в дар библиотеке Представительства Россотрудничества в Узбекистане 50 экземпляров книги.

* * *

12, 15, 26, 27 апреля 2016 года один из авторов журнала «Звезда Востока» – поэт Попова А. Е. (автор сборников «Природы я частица», «Осенняя пастораль», «Востока теплое дыхание...» и др.) по поручению редакции в целях патриотического воспитания молодежи и пропаганды материалов, публикуемых в журнале в рамках гранта Общественного фонда при Олий Мажлисе «Популяризация культурно-исторического наследия Узбекистана, классической и современной узбекской литературы», провела ряд авторских встреч с учащимися школ № 319, № 10, № 26, № 100 г. Ташкента, где были прочитаны переводные и оригинальные произведения, опубликованные в журнале в 2016 году, и стихотворения А. Е. Поповой о Самарканде, Ташкенте, о природе Узбекистана, стихи о любимом узбекском фольклорном герое Ходже Насреддине.